

***Жить 300 лет...
Фантастика?
Или бывает и не такое?***

© Денисенко Кристина

На первых страницах романа Кристины Денисенко «Жить 300 лет» происходит знакомство читателя с главной героиней — Лафитой, которая открывает секрет своего долголетия. Он прост, но далеко не каждый поверит в его правдоподобность. Автор же непринужденно заставляет задуматься над законами природы. Ведь нет ничего невозможного! Смысловые оттенки научно доказанных фактов придают особый стиль повествованию о любви долгожительницы и косметолога.

Читайте и оставайтесь красивыми!

Австралия, Голубые горы, XXI век

Укрывшись пледом, Лафита любовалась языками пламени, охватившими сухие поленья. От камина шел горячий воздух, и некое волшебное сияние наполняло ветхий дом уютом. Серая кошка, выгнув спину, точила когти о старый ковер и поглядывала на хозяйку, печально склонившую голову.

— Если бы ты знала, Арника, — обратилась Лафита к кошке, — как тяжело быть одинокой, как обидно чувствовать себя покинутой всеми, и жить среди молчаливых гор в единственном домишке на всю округу, о котором к тому же никто и не знает. Да что там дом? Никто и обо мне ничего не знает. Меня будто бы и не существует, — грустные нотки звучали в сказанных словах. — Сколько раз сходили снега, звенели горные ручьи, расстилались коврами целебные травы? Как давно было то время, когда я босиком гуляла по лугу, беззаботно собирая букеты

пахучих цветов. Я помню, какой была наша деревня раньше, словно только вчера она опустела. Жизнь была в ней ключом когда-то. Повсюду слышались разговоры и смех. Как же давно это было.

Мягкая ладонь поглаживала пушистую шерсть любимицы, и кошка, словно поддерживая разговор, протяжно отвечала «мяу».

Подбросив сухих дров в топку, Лафита обратила внимание на круглую луну. Серебристый свет проникал сквозь небольшое окно, рисуя на полу нечеткий прямоугольник, над которым кружились блестящие частички пыли. Не сбрасывая с плеч шерстяное покрывало, девушка подошла ближе.

— Одинокая, холодная луна... — прошептала она, оборачиваясь в сторону разгорающегося очага, где неподвижно сидела зеленоглазая Арника. — Нам с тобой повезло больше, чем луне. По крайней мере, мы есть друг у друга. Но до чего становится тоскливо, когда она так печально заглядывает в окно. Так и хочется обнять её и приглубить. И лунный свет тоже словно пытается коснуться чьих-то рук и увести с собой. Да?!

Всматриваясь в ночное небо, Лафита вплотную приблизилась к окну. Её темную фигуру осветили причудливые блики. Кончики пальцев пробежались по шершавому подоконнику. «Все вокруг такое старое, — неожиданно для самой себя подумала девушка. — Рама давно прогнила и теперь в щелях надрывно поет сырой воздух, а лопнувшее стекло звонко дребезжит». Впрочем, все было как всегда, но некое непонятное беспокойство тревожило полуночницу назойливыми мыслями об одиночестве.

~~~~~

Сердце сжималось от сострадания к бледной подруге. Но в ускоренном пульсе было что-то еще. Предчувствие? Лафита и сама не знала, то ли интуиция ей что-то подсказывала, то ли внутренний голос нерешительно настраивал на размышления о будущем. Но дрожь, пробежавшая по телу, означала, что должно произойти что-то особенное, важное, то, что внесет свои коррективы, стирая боль истерзанной души.

Неслышно вздохнув, Лафита переключила внимание на кошку:

— Я никогда не привлекала к себе людей. Вот что странно. Возможно дело в нестандартной внешности? Ведь я не такая как все. Со мной и в детстве избегали общения, будто боялись. Но чего меня бояться? Разве я страшная? — встревоженный голос стал тише. — А ведь другим девочкам удавалось притягивать внимание подобно магниту. Неужели все чувствуют на расстоянии мою особенность? Точнее чувствовали, когда в деревне еще оставались жители, — Лафита поправила себя, будто бы кошке не все равно о каком времени она говорит.

Подумав в который раз о своем лице, Лафита кинулась к покосившейся полке и среди стопки пожелтевших книг быстро отыскала старинное круглое зеркало в металлическом обрамлении ручной работы. Она поднесла его к лицу, изучая отражение:

Выразительные черные глаза в полумраке излучали легко уловимые энергетические потоки. Эти внутренние лучи загадочными огоньками не давали в полной мере оценить общую картину, отражающуюся на гладкой поверхности зеркала. Ни

удлиненное лицо с широкими скулами, ни большой нос с горбинкой уже не вызвали мучительных рассуждений.

Лафита давно научилась любить себя со всеми недостатками и явными изъянами. Она следовала принципу «Любовь – это правило номер один». Её бабушка часто повторяла, что самолюбие помогает мыслить и жить позитивно. Улыбнувшись, девушка погладила длинные черные волосы. Они прикрывали заостренные, слегка оттопыренные уши, скрывая хоть один из недостатков.

Положив зеркало обратно, Лафита продолжила говорить с кошкой:

— Я не могу с собой ничего поделать. Ты же видишь, какая я?! Даже если мне поставить цель, во что бы то ни стало стать красавицей, то помог бы только пластический хирург. А стоит ли в достижении задуманного идти на подобный риск? И разве соблазнительная внешность улучшит качество жизни? Здесь-то, в горах, где кроме нас с тобой нет ни единого человека? Смысл мне меняться? – Лафита снова присела к огню, взяв на руки кошку. – А с другой стороны, надоело мне все: и бабушкина лачуга, и постоянная тишина, и продолжительные мучения из-за тоски и обиды, и эти горы со своими тайнами. Сколько можно? Каждый день одно и то же! Хочу разнообразия. Ведь жизнь это выбор, и если мне некомфортно, то можно взять и что-то поменять. Вот, Арника! Но что я могу поменять? Себя? Дом? Ах, если бы все было так просто.

Лафита уже не в первый раз задумывалась над изменением собственной жизни. Ей хотелось бы

иметь рядом с собой любимого мужчину, и чтобы он непременно был хорош собой. Но «заполучить» красавчика с её то внешностью казалось неосуществимой мечтой. Поэтому оставалось либо мечтать, либо выбросить вон из головы подобные идеи. Как же ей порой хотелось почувствовать себя объектом обожаний! Но вместо наивных грез Лафиту окружала одинокая реальность Голубых гор. И больше всего её ранил один и тот же вопрос: «Почему родная мать бросила её ради мужчины?» Утихомирить слезы отчаянья не удалось. И всхлипывая, Лафита прислушалась к привычным для неё звукам.

По-прежнему потрескивали поленья, кошка мурлыкала, наслаждаясь ласковыми поглаживаниями хозяйки, а на улице неожиданно поднялся шквальный ветер. Буковые ветви с силой ударили по крыше, забарабанили первые капли дождя, и лунный свет вдруг померк, будто бы и не было его вовсе.

— Дождь..., — прошептала Лафита. — Его косые потоки все сильнее шумят. Я слышу, как вода стекает по зеленой листве и ударяется о камни! Не удивляйся, Арника! Дождь это тихие слезы небес. Не одной мне в этот миг хочется плакать. Небо рыдает вместе со мной.

Кошка подняла голову вверх, где через дыру в потолке холодные капли, не просто сочились, а струйкой падали на пол. Почувствовав брызги на ладони, Лафита встала, и подставила таз под струйку воды. Прямо у камина монотонно заиграла музыка дождя, навевая еще большую тоску.

— Как же скучно сидеть в четырех стенах в столь замечательную погоду! Ты бы на моем месте легла спать, не так ли? Шум дождя послужил бы убаюкивающей мелодией, и даже однозвучные удары летящих с потолка капель не помешали бы, да? — Лафита покосилась на кошку. — А я пойду искупаюсь в озере! — засмеялась она, выпрямившись во весь рост. — За одно и смою с себя эту непрошенную грусть!

Прищурившись, дымчатая кошка молча наблюдала за происходящим:

Хозяйка одним рывком сняла теплый плед, но не бросила его небрежно. Аккуратно сложенный он упал в изножье кровати. Вместо него на плечах Лафиты появилась легкая прозрачная шаль цвета сирени, которой она укутывалась, выходя из дома. Но Лафита не стала заплетать косы, как всегда делала, и не покрыла волосы, что тоже могло показаться странным (даже кошке), если учесть, что изо дня в день она прятала лицо и прическу не только от солнца. В итоге, девушка в черном платье, скрывающем кривизну худых ног, выскочила в дверь растрепанная, весело поднимая руки к небу.

Арника осталась сидеть на месте. В круглых глазах будто бы застыли немые вопросы, которым никогда не суждено быть озвученными. А если бы она могла, то непременно спросила бы и зачем надевать шаль в дождь, и вообще — идти купаться в непогоду, и чего грустить из-за того, что исправить все равно не получится. Все-таки бабушка Руби правильно говорила «Самолюбие, и еще раз самолюбие».

~~~~~

Но как бы там ни было, кроме кошки эти вопросы никого не беспокоили, потому что поблизости не было людей, а животные и птицы не сочтут Лафиту за ненормальную даже если она залезет на вершину горы и начнет медитировать во время грозы. Да и гром не гремел, и молния не сверкала. Дождь был спокойным, как и раненная душа несчастной девушки.

А ведь Лафита и не догадывалась, что где-то в Швейцарии есть человек, который тоже долгие годы жил по правилу «Самолубия».

* * *

В ночном небе Австралии над хребтами Голубых гор летел самолет. С земли его огни не были видны из-за дождя, да и в иллюминатор невозможно было разглядеть ничего кроме неба.

Завораживающее явление природы привлекло внимание пассажиров Boeinga. Красота предгрозового неба была словно нереальная, будто гений-художник перепутал краски, но от этого картина только выиграла. Сквозь расплывчатые очертания темно-серых туч виднелись блики лунного света. Удивительные малиновые полосы, как разлитый на синем столе сироп, приковывали взгляды. Звезды сначала еще утопали в чернилах ночного неба, а потом в одночасье погасли. По стеклам иллюминаторов стали стекать потоки проливного дождя.

Врач косметолог Ираклий Дупель возвращался на родину после очередного заседания Европейской и

Американской Академии дерматологии. Предложенный им проект по разработке сверх эффективного омолаживающего лазера был одобрен. Оставалось лишь воплотить в жизнь замысловатые чертежи и провести серию опытов на женщинах пенсионного возраста. Не дожидаясь положительных результатов использования нового чудесного средства, Ираклий уже подумывал об открытии собственной клиники. Он жаждал дарить людям красоту и молодость, хотел раз и навсегда решить проблемы дряблости кожи и преждевременного старения организма. Перелистывая папки документов, доктор медицинских наук меньше всего думал о погоде. Его волновало другое – формулы поглощения влаги и световой энергии кожными покровами.

Молодой профессор – широкоплечий блондин с трехдневной щетиной спокойно сидел в кресле. Но нарастающее волнение заставило и его оторваться от кипы бумаг. Он взглянул в иллюминатор. Из-за обложных осадков трудно было что-то разглядеть, тем более в свои 35 лет Ираклий уже носил очки, но даже в них видел плохо. Капли дождя стекали по стеклу, оставляя линии, от замысловатых пересечений которых и вздрогнул профессор. Дождь писал на стекле слова, смывая одни буквы и рисуя другие. Ираклий протер очки, усомнившись, что зрение не разыгрывает его. Но буквы отчетливо выделялись на мокром стекле, усеянном сотнями стекающих дождинок.

Ираклий взял карандаш и на обратной стороне исписанного листа стал делать заметки. Гласные,

согласные, запятые и точки предвещали что-то ужасное. «Смерть» стучащая в окно каплями воды, будоражила ум: «... опасности не видишь? Смерть подобралась слишком близко. Оглянись!..»

Профессор выронил карандаш, будто тот потяжелел, налившись свинцом. А буквы все еще появлялись и исчезали. «Что же это? Что происходит?» – Ираклий не на шутку испугался. Он заерзал на месте, наблюдая за другими пассажирами. Похоже, паника уже прокатилась волной по салону. Напряжение и страх превратили лица в маски с искаженными чертами. «Неужели все видят то же что и я?»

Ираклий снова протер линзы очков в надежде, что это поможет внести ясность в происходящее. «Всего лишь дождь» – он пробормотал в полголоса. Сквозь ненастье нечетко виднелись мигающие огоньки лишь на крыльях самолета. Буквы исчезли. «Слава Богу» – подумал Ираклий, облегченно вздохнув.

Когда он наклонился за карандашом, в салоне неожиданно погас свет. Паника усилилась, и несколько раз по салону раздались испуганные крики "Мы все умрем!" Внезапное объявление бортпроводницы заставило профессора в который раз за короткий отрезок времени передернуться:

— Пристегните ремни безопасности. Из-за погодных условий мы вынуждены сделать посадку в незапланированном месте.

Взволнованный женский голос утихомирил всех, но ненадолго. «О Боже, неужели смерть пришла за мной? Но ведь я еще толком не жил». Ираклий

зажмурился, подготовившись расстаться с жизнью, но больше всего ему хотелось раскрыть глаза и чтобы все оказалось только сном – кошмаром с предупреждениями в виде растекающихся букв.

Когда самолет стал хаотически дергаться и снаружи донесся страшный шум, пассажиры снова закричали. Кто-то прощался с жизнью, проклиная дождь, а кто-то тихо молился со слезами на глазах в кромешной темноте. Ираклий Дупель, вцепившись обеими руками в подлокотники, прислушивался ко всем звукам. «Похоже, пилот выпустил шасси» – сделал вывод косметолог незадолго до мощной встряски.

Молниеносно случилось самое страшное. Самолет столкнулся с высокой горой. Раздался оглушающий взрыв, и пассажиры вместе с креслами взлетели в воздух, как невесомые семена одуванчика.

В один миг Ираклий понял, что лежит на земле. Непроглядный дождь не переставал. В ночном небе искрами вспыхивали горящие обломки самолета, и гасли как падающие звезды в жуткой черноте. Раздался второй взрыв, и Boeing распался на части. Груды металлолома разлетелись в разные стороны далеко от места аварии. Пассажиров, как тряпичных кукол разбросало по склону. Кто-то еще стонал и пытался звать на помощь, но многие уже не двигались, навсегда устремив испуганный взгляд в грозное небо.

Ираклий не мог сдвинуться с места. От морального потрясения он даже не думал о своем состоянии. Вокруг лежали разорванные тела, горели обломки самолета. Раскаты очередных взрывов

грохотали страшнее грома. Стоны давили на мозг с силой металлических тисков, сжимающих грецкий орех. «Помогите... пожалуйста... кто-нибудь». Детский плач ранил чувствительную душу. «Да что же это за наказание?» Голоса доносились все тише. И вскоре уже никто не стонал и не плакал от боли. Жертвами злодейки-природы стали сотни людей, что покоились под дождем в холодных лужах.

Ираклий лежал на спине лицом к небу. Боясь пошевелиться, он хлопал ресницами, все еще отказываясь понимать, что же произошло. Рядом валялось поломанное кресло, и запах гари витал в воздухе. «Пожар, взрыв, самолет» – пульсировало в его подсознании. Попытавшись встать, доктор смог только поднести к виску левую руку. Голова была в ранах и на пальцах остались следы крови.

Его еле слышный стон заглушал шум дождя:

— Помогите. Кто-нибудь, – но даже голос отказывался повиноваться раненному мужчине.

Все тело не слушалось. Он попытался присесть. С трудом, но это ему удалось. Спина болела. Но кое-как профессор все же огляделся по сторонам. В жутком мареве он разглядел крутой склон горы. Дождь не прекращался, как и пожар. Две стихии схлестнулись самым серьезным образом. От обезображенных тел хотелось сбежать или хотя бы закрыть глаза, чтобы не видеть этой ужасной картины.

«Где же я? Далеко ли отсюда город, больница? Спасет ли меня хоть кто-то? Может рядом есть хоть какая-то деревня? Будут ли искать нас спасатели? Нас? Есть ли еще выжившие кроме меня?» – Ираклий

задавал себе вопросы, ощущая, как силы покидают его. Приготовившись встретиться со смертью от серьезности ран, а возможно и от переломов, как ног, так и других частей тела, профессор закрыл глаза.

Он лежал в тишине, слушая дождь. Становилось холодно. Хотелось бы укрыться от непогоды, да только как? Встать на ноги не удавалось. Острая боль пронзала все тело. Ираклий перевернулся на живот и стал ползти, преодолевая препятствия из обгорелых тел, окровавленных фрагментов и кусков черного металла. «Ждать спасателей на месте? Или спасти себя самому? А что если меня потом не найдут? Нет. Я все равно не смогу такими темпами далеко удалиться от этого злополучного места». Не зная, как быть, Ираклий обессилено припал к земле. Голова закружилась, и сознание временно покинуло его.

* * *

Лафита осторожно спустилась по тропинке к зеленым рощам, скрывающим за густыми зарослями лиственных кустарников и хвойных деревьев горячий источник. Это было одно из любимых мест девушки. Здесь среди потухших вулканов и кратеров, безмолвных камней, утопающих в сочных лесах она чувствовала себя королевой – вечной повелительницей гор Корунда. Разбушевавшаяся непогода ничуть не пугала, наоборот, шум дождя будто бы исполнял успокаивающую классическую симфонию.

Над озером стоял пар. Сбросив промокшую одежду, Лафита вошла в теплую воду. Принимая

ночные ванны и наслаждаясь горячим источником, она возобновляла гармонию своей души и тела. Грустные мысли отлежали.

На тонкой шее многообразием сочных оттенков блестело сине-голубое ожерелье из ограненных корундов. Сапфиры переливались васильковыми цветами, поглощая синь воды и неба. Лафита машинально поправила бусы, поймав себя на мысли, что снова чувство уныния отягощает внутренний мир.

— Мыслить позитивно, — ровным голосом произнесла ночная купальщица, выкручивая длинные волосы. — Все замечательно! Лучше и быть не может! — техника самовнушения сработала далеко не в первый раз. — Я по-прежнему молода, пусть и не очень красива, но моим знаниям и способностям можно позавидовать.

Еще раз ополоснув лицо водой из озера, Лафита не спеша направилась к берегу, как вдруг в черном небе над горой засветился огненный шар и раздался поражающий грохот.

— Ничего себе, — от неожиданности девушка застыла на месте с приоткрытым ртом. — Это что еще такое? Военные действия что ли?

Обмотавшись сиреневой шалью, она наспех обула ботинки, схватила в охапку промокшее платье и побежала что было духу в сторону, откуда раздавались очередные взрывы. Небо где-то вдали раскололось надвое яркой вспышкой молнии. Потом снова гремели взрывы, и гром в сопровождении молний накалял атмосферу.

Огромных размеров светящийся полукруг напоминал Лафите раскаленную вулканическую породу, принявшую форму гигантского апельсина. Облаченная лишь в прозрачный платок, облепивший стройный стан, девушка с вершины холма наблюдала за последовавшей серией громоподобных взрывов. Вопреки ливню, пожар не утихал.

— Да это же пассажирский самолет, — поднеся ладонь к дрожащим губам, шепотом произнесла она. — Точнее обломки, охваченные пламенем. Неужели все кто был на борту, погибли?

Ветер усилился, разгоняя черные тучи. На горизонте появилась алая полоска предрассветного неба. У подножья горы расстелился густой туман, скрывая следы авиакатастрофы.

Посмотрев по сторонам, Лафита, промокшая и напуганная, решила спуститься еще ниже. Она не слышала зова о помощи. Казалось, вокруг нет ни единой живой души. Но интуиция словно вела её за руку вперед.

— Вряд ли после такого столкновения кто-то смог уцелеть, — подумала Лафита, зажмуривая глаза при виде первых жертв, оказавшихся отброшенными взрывной волной далеко от места трагедии. — Люди, — закричала она во все горло, — есть кто живой?

Ответа не последовало, но Лафита отчаянно рассматривала обезображенные тела, желая помочь тем, кого можно было бы еще спасти. Она птицей парила над скользкой холмистой местностью, не падая, не спотыкаясь. Сиреневые полосы шали как крылья развивались на ветру, густые волосы успели обсохнуть и волнистыми локонами падали на плечи.

— Есть кто живой? – её вопросительный крик пролетел над землей.

— Помогите, – еле уловимая мольба о спасении донеслась со стороны зеленой рощи бузины. – Я, кажется, еще жив.

Швырнув влажное платье на фрагмент металлических конструкций, Лафита сломя голову метнулась в кусты. В тот момент она не думала о своей внешности и, не стесняясь своей наготы, не скрываемой под прозрачной накидкой, присела у распластавшегося на сырой траве окровавленного мужчины.

— Ангел, – простонал тот, потянувшись рукой к девушке.

Перед ним появился расплывающийся образ юной богини-искусительницы. Молодая красивая брюнетка с ниспадающими вьющимися волосами смотрела на него изумительными черными глазами, из которых струился ослепляющий свет. С приоткрытых розовых губ слетали слова, но Ираклий продолжал тянуть руку перед собой, желая убедиться, что это не галлюцинация.

— Я не ангел, – Лафита провела копчиками пальцев по овалу лица незнакомца. – Если позволите, я осмотрю вас.

Мужчина молча кивнул в знак согласия, все еще разглядывая чудом появившуюся спасительницу. За последние годы в результате кропотливой работы над проектом «Вечной молодости» Ираклий Дупель совсем испортил зрение, и без очков ему все еще казалось, что перед ним сидит ангел, спустившийся с небес. Он не видел в лице девушки недостатков –

одно совершенство. Скользя взглядом по роскошным волосам и заметив округлости девичьей груди, косметолог решил, что уже умер и попал в рай. Ведь в сырую погоду на земле женщины не ходят, прикрывшись легкой просвечивающейся тканью. Сомкнув веки, он улыбнулся.

— Здесь болит? – Лафита немедленно определила серьезные повреждения нижних конечностей, разорвав до колен бежевые брюки мужчины.

— Да, – послышалось в ответ. – Болит... значит, я еще жив, – вслух подумал Ираклий и в упор уставился на Лафиту. – Так ты на самом деле не ангел?

— Нет. Разрешите, я расстегну рубашку и обследую грудную клетку, – девушка неумело стала бороться с маленькими неподдающимися пуговицами.

Одной рукой он уже помогал справляться с кнопками:

— Ты медсестра в прозрачном халате?

Лафита смущенно прикрылась длинными волосами:

— Нет, – ответила, осознавая, что выглядит безнравственно.

От случайного прикосновения девушка вздрогнула, и мурашки пробежали по телу. Его ладонь была большой и широкой с длинными пальцами. «У него нежные руки. Вероятно, этот мужчина чувствительная натура». Отринув непрошенные мысли, Лафита распахнула рубашку. Но при виде загорелого мускулистого торса она уже ничего не могла с собой поделать, и нежно

помассировала его упругий живот. «Стоп. Ребра» – сказала она себе.

— Доктор, я буду жить? – спросил Ираклий, еле-еле пошевелил потрескавшимися губами.

Лафита нащупала пульс:

— Сердце работает, дыхание есть; жаль, череп немного поврежден, но в целом жизни ничего не угрожает, – сделала она вывод.

— Меня всего пронзает невыносимая боль, – он простонал, сжимая девичью руку.

— Нам нужно перебраться в безопасное место. Вы сможете идти? Я помогу, – Лафита еще раз посмотрела на посиневшие распухшие ноги, понимая, что каждый шаг ему будет даваться с болью. Но иначе она бы никак не смогла доставить его в свой дом, чтобы вылечить. А если бы он остался лежать под открытым небом, то его бы ожидала неминуемая смерть.

* * *

«Любовь – это правило номер один, – размышляла Лафита, обрабатывая раны свалившегося с неба мужчины. – Но меня с раннего детства учили любить только себя. Ведь, по словам бабушки, самолюбие повышает самоуверенность, помогает смело решать любые жизненно важные вопросы, стремиться к цели, развивая внутреннюю силу. Но я и так давно морально сильная, люблю себя и только себя. Я все еще молода. Жаль только красавицей назвать меня нельзя. Так и эту проблему можно исправить. А стоит ли? Нельзя же мне любить

простых смертных. Обычные люди слабые, умирают рано, а я могу прожить еще лет 200. Нет, я даже думать не должна о каких-либо отношениях с этим светловолосым Аполлоном».

Но незнакомец запал Лафите глубоко в душу.

* * *

Ираклий Дупель пребывал в забытьи. Подъем по скользкой тропе в горы окончательно выбил его из последних сил. Обременительная боль в ногах постоянно напоминала о катастрофе, но, сжимая зубы, он отчаянно карабкался вверх. Спотыкаясь, вставал и шаг за шагом преодолевал тяжелое препятствие к дому «ангела с сиреневыми крыльями». Стоило ему прилечь на кровать, как серая кошка тут же прыгнула на распухшие колени, вызвав мучительные ощущения. Лафита её отогнала, и та, настороженно поднимая уши, взглядом пантеры наблюдала, как хозяйка крутиться вокруг гостя.

— Арника, иди сюда, моя серая ревнивица! – в приподнятом настроении Лафита взяла кошку на руки. – Тебе не понравился наш неожиданный визитёр? Ты посмотри только на черты его лица с ярко выраженными рельефными скулами, покрытыми короткой щетиной! Как он может не нравиться? Квадратный подбородок, губы с красивым четким контуром, – девушка восторженно восхищалась внешностью спасенного человека. – А его глаза?! Большие и голубые, как озеро в солнечный день!

~~~~~

Кошка, словно не желая наблюдать, как Лафита восторгается мужской красотой, резко выбежала в приоткрытую дверь.

Косые лучи ослепительного солнца проникали в комнату через небольшое окно, и девушка, все еще не переодевшись, стояла у своей кровати, склонив голову набок.

«Я вылечу его, и он уйдет, позабыв обо мне навсегда. В его мире эталоном женской красоты является глянцевого журнала с красочными изображениями, обработанными мастерами компьютерной графики. А я вековая тень гор Корунда. Нестандартная, но постоянно обновляющаяся как сама природа».

Хриплый голос неожиданно прервал пессимистические мысли, навеянные правилом любить только себя и недовольством своей внешностью, замаскированным под «люблю себя – это ключ к позитиву».

— ... генератор электромагнитного излучения... моноимпульсный уровень облучения... фракционное омоложение... все готово... клиника, – бредил во сне профессор.

— Излучение, облучение, омоложение? – повторила Лафита. – Интересно. Кто же ты, таинственный незнакомец?

Он продолжал:

— Да, доктор, глубинный процесс обновления клеток... все дело в лазере...

— Доктор? В лазере? Ха! Так вы ищете источник неувядающей молодости?! Я могла бы раскрыть один секрет, но вы о нем ни за что не узнаете, – еле

слышный шепот слетел с сочных розовых губ жительницы гор.

Надев старое платье, выменянное несколько лет назад на базаре в небольшой деревне, Лафита оставила раненного постояльца в одиночестве. Он был слаб, чтобы разговаривать, а просто так сидеть у его постели девушка не собиралась. У неё были более важные дела. Нужно было накормить кур, собрать яйца, выпастить стадо коз, а потом приготовить сытный ужин на двоих.

* * *

В летней печи под развесистым буком Лафита испекла свежие хрустящие лепешки из пшеничной муки. Зажарила самую старую курицу, а из грудинки решила приготовить сытную начинку для рулетов из лаваша. Разорвав мясо на волокна, она натерла твердый козий сыр, добавила зелени, и полученную массу выложила на румяные лепешки. Свернув в трубочки, сложила их в смазанной жиром сковороде и сверху залила яйцом, размешанным в половине стакана кислого молока.

Ароматный запах разбудил крепко спящего косметолога, и он потихоньку стал приходить в себя. Открыв глаза, мужчина недоуменно рассматривал все вокруг:

Неотесанные деревянные стены выглядели так, словно их наспех возвели много лет назад. На потолке виднелось прогнившее пространство в виде овала, откуда в комнату проникал тонкий луч света. Комната была небольшой. Кроме кровати здесь был

~~~~~

маленький перекошенный столик, несколько полок не лучше стола и старинный камин, небрежно выложенный из природного камня.

Прищуриваясь, Ираклий искал глазами ангела-спасителя, но девушки с длинными волосами в доме не оказалось.

— О боже, а как же теперь сверх эффективный омолаживающий лазер? Кто же вместо меня возглавит работу по воплощению в реальность одобренных чертежей? – сетовал он, понимая, что не скоро сможет вернуться к полноценной работе. – Как же болят ноги, – безрезультатно попытавшись подняться, во весь голос произнес профессор, возвращаясь в былое положение.

Снаружи доносились шорохи, и доктор медицинских наук, так и не поборов острую боль, решил дать о себе знать. «Ангел мой, где ты?» – повторил он дважды до того, как со скрипом отворилась дверь.

В дверном проеме появилась высокая женская фигура, совсем непохожая на богиню в воздушном наряде из фиолетовых облаков. Не было ни крыльев, ни длинных волнистых волос. Лишь черное невзрачное платье до самого пола, воротник под горло, рукава длинные, на голове темный платок. Лица профессор издали не разглядел. А вот разнос с аппетитными рулетами и жареным мясом он видел почти четко.

— Как вы себя чувствуете? – Лафита подошла к столу и поставила на него разнос. – Вы проспали весь день.

— Я не могу встать, – ответил Ираклий, не спуская глаз с вошедшей девушки или женщины. Из-за плохого зрения он затруднялся определить её возраст.

— Это естественно в вашем положении. По-моему, у вас либо растяжение связок, либо закрытые переломы голени обеих ног, – Лафита присела на край кровати, приподняв шерстяной плед, укрывающий профессора.

— Переломы? Но как же я шел? – Ираклий сделал удивленное лицо, еще больше огорчившись.

— Вы были в состоянии шока, а теперь у вас, похоже, начинается жар. Ноги еще сильнее распухли, и ходить в ближайшее время вы не сможете, – ответила девушка, отводя взгляд в сторону. – Вы голодны? Я приготовила...

Ираклий не дал договорить, нежно сжав тонкую ладонь Лафиты. От его прикосновений она на мгновение совсем забыла, что хотела сказать и рассеянным взглядом уставилась в пол.

— Как зовут то тебя, спасительница?

— Лафита, – высвободив руку, она ответила и встала, наклонившись к разному.

— Лафита. Какое интереснее имя. Твои родители наверно виноделы из Франции? – предположил Ираклий.

— Я не знаю, кем были мои родители. Меня так назвала бабушка. Она, кстати, очень любила красные вина. А вы кушайте, вам нужно набираться сил, – Лафита поставила перед гостем пахучие угощенья.

— Можно на «ты». Мне только 35 лет. Забыл представиться: Ираклий Дупель, профессор

дерматологии, доктор медицинских наук, косметолог, — он деликатно улыбнулся, прежде чем со зверским аппетитом накинуться на еду.

— Приятного аппетита, профессор, — Лафита взяла кусочек рулета и с любопытством стала наблюдать за доктором.

* * *

Разлетающиеся языки пламени гипнотизировали своими причудливыми формами. Спокойное колыхание огня и потрескивание дров помогало расслабиться, отдыхая душой и телом от дневных забот. Заметив краем глаза пристальный взгляд Ираклия, Лафита обернулась через плечо.

— Еще не спишь?

— Нет, — неуверенно прозвучало в ответ. — У меня не выходят из головы мысли о самолете. Я вот думаю, как скоро придут спасатели, мы ведь где-то в горах. Кстати, где мы? Далеко ли отсюда какой-нибудь город? — Ираклий хотел бы как можно скорее оказаться дома, чтобы воплотить в реальность свою мечту — омолаживающий лазер, аналогов которому нет во всем мире.

— Город? Я никогда не была в городе, — Лафита повернулась лицом в сторону своей кровати, любезно предоставленной гостю. — В 8-9 часах ходьбы отсюда есть деревенька, спрятанная за холмами на востоке. Я изредка бываю там на рынке...

— В 8-9 часах ходьбы? Так мы здесь одни? — ужаснулся Ираклий, пытаясь присесть на кровати, но

у него не получилось. Из-за пронзающей боли он сморщился и снова прилег.

— Да, поблизости нет ни одного поселения. Много лет назад у подножья горы была небольшая деревня, а теперь одни развалины. Люди переехали в города в поисках лучшей жизни, — спокойно ответила девушка, обхватив колени руками.

— А ты почему осталась?

— А я люблю горы и ни за что не променяю их на вашу городскую суету! — ответила Лафита и засмеялась, как только увидела недоумение, застывшее на разбитом лице профессора.

— Вот как. Хотя это смелое решение, тем более для такой юной девушки как ты, — Ираклий хоть четко и не видел её лица, но по голосу и тонкой талии она казалась ему несовершеннолетней. — И как давно ты здесь осталась совершенно одна?

— Давно. С пол..., — «с полвека» чуть не сказала правду Лафита. — Около полугода, — пришлось соврать и сменить тему. — А самолет летел в Канберру?

— Да, именно в столицу. У меня там дом, работа, — загрустил он, вспоминая о запланированном проекте.

— Работа, — повторила девушка. — Дерматолог, косметолог. Ты лечишь кожу разными кремами, сделанными на заводах из неприродных материалов, — словно бросила вызов Лафита.

— Ну почему же сразу кремами? Еще и с неприродных материалов? — возмутился Ираклий. — Наука идет в ногу со временем. Ряд последних достижений моих коллег позволил разработать

~~~~~

эффективные методы борьбы со старением, например. Благодаря натуральным ингредиентам растительного происхождения инновационные крема способны не только увлажнять кожу 24 часа в сутки, но восстанавливать клетки на молекулярном уровне, омолаживая кожу на 3-4 года. Заметь 3-4 года! А ведь этот показатель далеко не придел!

— Да ну?! – улыбалась Лафита, скептически настроенная ко многим «прогрессам» цивилизованного общества.

— Серьезно. Уникальный увлажняющий комплекс из специальных ферментов способен обеспечить неувядающую молодость кожи!

— Неужели в столице все ходят вечно молодые?! Я даже не знала? Мне как-то в руки попал один журнал, так я прочла, что средняя продолжительность жизни австралийцев составляет 75-80 лет. Вот! Так вы, профессор, утверждаете, что женщины умирают с молодым лицом что ли?

— На 17 лет они, конечно, не выглядят после применения кремов с активными компонентами витаминов и экстрактов растений, но все-таки правильный уход за кожей способен дать ошеломительный результат, Лафита. Тебе то рано еще об этом задумываться, а вот сорокалетние звезды эстрады готовы пойти даже на операцию лишь бы выглядеть моложе своих лет. Именно для таких женщин я и разработал эффективный лазер...

Профессор заметил, что увлекся и замолчал. Силуэт загадочной спасительницы светился красками яркого пламени. Она сидела на полу, обняв колени, спрятанные под длинным старомодным платьем. В

столице молодые девушки одевались иначе. Возможно, поэтому Ираклий ощутил особое притяжение, вызванное скорее интересом «каково жить по давним меркам вдали от городской суматохи и благ цивилизации».

— Лазер? Так вы еще и изобретатель? – нарушила неловкую тишину девушка, чувствуя некое неудобство.

— Да. Я как раз возвращался с заседания, на котором и утвердили мой проект. Но из-за проливного дождя и тумана самолет разбился. Я чудом выжил. Если бы не ты, я бы сейчас замерзал и умирал от голода. Ты спасла мне жизнь, и я теперь в долгу перед тобой. Хочешь, поедем вместе в столицу? Посмотришь, как мы живем. Может, понравится, и ты захочешь остаться...

— Посмотреть как вы живете? – Лафита на секунду задумалась. – Нет, а если я потом не смогу вернуться назад? Я родилась и умру здесь – в горах Корунда.

— Как знаешь. Но у тебя еще есть время передумать. По крайней мере, до появления спасателей на месте катастрофы.

Ираклий задумчиво глядел в потолок, и Лафита мысленно ставила себя на его место. «Ему не терпится, чтобы его нашли. Конечно, он хочет домой. Что ему делать в горах? Да еще и со мной».

— Пожалуй, я схожу в деревню, – Лафита резко встала, расправляя примятую юбку. – Иначе спасателям придется долго прочесывать холмистые ландшафты этих местностей в поисках обломков. Я опишу место катастрофы, сообщу о тебе –

единственном выжившем пассажире, и вскоре ты сможешь вернуться в родной город.

— Ты ночью собираешься в дорогу? Но, — профессор удивился её смелости, — это ведь далеко...

— Я не смею тебя здесь задерживать. А чем раньше обнаружат самолет, тем скорее ты сможешь «осуществить свою мечту», — Лафита задержала взгляд на изумленном лице профессора и выскочила в дверь, захлопнувшуюся за ней со скрипом.

— Но как же я... Здесь один... Пстой! — закричал он во все горло.

Через несколько минут девушка вернулась с ведром воды.

— У тебя есть вода, лепешки, немного мяса. С голоду не умрешь. А завтра до заката я обязательно вернусь, — уверенно заявила Лафита, опустив ведро рядом с изголовьем кровати.

— Не уходи, — Ираклий осторожно взял её за руку. — Давай подождем. Я уверен, спасатели не заставят себя долго ждать.

— Я бы не была столь уверена. Поэтому я лучше прогуляюсь по свежему воздуху. Тем более в этом месяце я еще не была на рынке, а мне нужно выменять муки и риса у торговцев.

— Выменять? — не отпуская руку, переспросил профессор. — Ах, ну да. Лафита, у меня портмоне все еще лежит в кармане, — он запустил одну руку под плед, и достал кожаный кошелек. — Вот возьми, здесь немного, но на продукты точно хватит. И будь осторожна.

— Мне не нужны деньги. У меня есть сухие лечебные травы. На продукты мне хватает и так.

— Тогда купи себе новое платье. В общем, что угодно. Бери, – и он настойчиво всучил ей портмоне.

— Спасибо, Ираклий...

Они молча смотрели друг другу в глаза, пока Лафита не скрылась за дверью, оставив профессора вдвоем с кошкой.

* * *

Рассвет погасил золотые россыпи звезд. В утренней прохладе звенели чистейшие горные ручьи, ветер пробуждал благоухающие ковры цветущих трав, а Лафита, жадно втягивая полной грудью сухой воздух, никак не могла отдышаться. Крутые утесы были оставлены позади. Оглядываясь, она в который раз упивалась красотой Корунда издали. Вершины белыми ледниками пронзали фиолетовое небо, и где-то там далеко в горах её дожидался раненный косметолог. Всю дорогу девушка думала о нем и о заманчивом предложении «увидеть столицу своими глазами».

Вдали виднелся внушительных размеров железобетонный¹ мост. Изредка мимо деревни

---

¹ Первые железные дороги в Австралии были построены частными компаниями, базируемыми в тогдашних колониях Нового Южного Уэльса, Виктории и Южной Австралии. Первая линия открылась в Южной Австралии в 1854 году, это была конно-железная дорога «Goolwa-Port Elliot». Первая линия, на которой работали паровозы, открылась в Южной Австралии в 1856 году. Правительство продлило линию от Adelaide CBD до Port Adelaide. Линия состояла из 5 станций: Аделаида, Bowden, Woodville, Албертон и Порт Аделаида (позже переименованный в Port Dock).

австралийских аборигенов проходили скорые поезда, и на местном рынке можно было встретить любопытных туристов, интересующихся культурой коренных жителей. Тогда был именно такой день. Явно городские жители с фотоаппаратами на груди, в шортах, гольфах и широких панамах разгуливали по базару, выискивая (как подумала Лафита) сувениры на память об отпуске, проведенном вне дома.

Прикрыв нижнюю часть лица концом темной шали, девушка с корзинкой лечебного сбора нашла себе место недалеко от главных ворот деревни. Ей приходилось скрывать свою неугасающую молодость ото всех, кто может заподозрить её в долгожительстве. Лафите было не привыкать к косым взглядам и обсуждением за спиной, но раньше к ней никто не приставал с расспросами.

— Здравствуй, спустившаяся с гор, — заговорила загорелая австралийка с глубокими морщинами на лице, затронув плотную шаль на голове Лафиты. — Почему ты все время прячешь лицо?

— Я некрасивая, и не хочу, чтобы в меня тыкали пальцем, — ответила девушка отчасти правду.

— А глаза то у тебя прямо светятся...

Вокруг Лафиты собралась кучка народу, и всем стало интересно, что же там происходит. Даже туристы протиснулись, удивленно пожимая плечами, когда с девушки сорвали мрачный платок. Густые черные волосы заблестели на солнце, а перепуганная девушка начала их отчаянно прятать. Остальные наперебой кричали «ведьма».

Откуда ни возьмись появился управляющий деревни седовласый старик Ракша:

— А ну-ка отошли все. Лафита? – он недоверчиво ждал ответа.

— Я... я её внучка, – смахнув слезу, ответила девушка.

— Все равно ведьма, – не утихали разъяренные женщины. – Все они там в горах долгожители. Вы посмотрите на неё. Талия осиная, волосы как хвост у лошади... А кожа?! Гладкая и белая как молоко.

— Разошлись, – приказным тоном прошипел старик. – Чего налетели на девочку? Её и так природа наказала нестандартной внешностью. И вы еще тут...

Ракша всегда был добр к Лафите. В молодые годы он часто наблюдал за ней со стороны. И ни широкие скулы, ни большой нос не могли его остановить. Тогда много лет назад она приходила в деревню, не скрывая своего лица. «Его несбыточная мечта» пахла сладкими полевыми цветами, и он как весенний жук так и вертелся вокруг. А когда в деревне стали обращать пристальное внимание на неиссякаемую свежесть лица девушки, она стала реже появляться, и отныне на ней был темный непривлекательный платок. Ракша в глубине души тоже чувствовал, что Лафита необыкновенная, и теперь убедился, что был прав. Перед ним, как и 50 лет назад стояла молодая Лафита. Все те же черные глаза из-под пушистых ресниц, волнующий изгиб бровей и копна переливающихся в дневном свете волос. Все остальное по-прежнему оставалось загадкой.

— Спасибо, – слетело звучной мелодией с девичьих губ.

— Не стоит благодарности, Лафита, – негромко произнес старик, не сводя глаз с девушки.

— Но я...

— Меня не обманешь. Твой образ до сих пор жив в моей памяти, а ты все та же Лафита, какой я впервые встретил тебя здесь на этом рынке, – Ракша посмотрел по сторонам убедившись, что их не подслушивают. – Но больше не приходи сюда. Я уже стар. И возможно в следующий раз тебя не кому будет защитить.

Лафита удивленно приподняла брови, но не успела ничего ответить, как управляющий деревни продолжил.

— Что ты хочешь взамен этих трав? Я возьму у тебя все.

— Мне нужны продукты, а еще... Я с самого начала хотела с вами поговорить. В горах упал самолет. Недалеко от брошенной деревни. Один из пассажиров остался жив, тела остальных так и лежат под открытым небом. Нужно сообщить властям...

— «Недалеко от брошенной деревни»? Что же ты сразу не сказала?

— Я знала, что встречу вас на рынке. Поэтому и не искала вас намеренно. А тут, – Лафита вновь скрыла свое лицо от недоброжелательных взглядов, – такая неприятная история вышла...

— Не расстраивайся. Они завидуют, поэтому и злятся. Но ты будь начеку, не шути с огнем. Мало ли что им в голову стукнет. Гляди, и камнями забить могут. Так что не появляйся здесь больше, – вроде бы как от чистого сердца предостерегал Ракша.

* * *

Новое ситцевое платье с мелким рисунком розовых хризантем лежало в плетеной корзине поверх мешочков муки, гречки и риса. Лафита все-таки последовала совету профессора и купила себе на его деньги самый модный и красивый наряд на деревенском рынке. Помимо платья ей приглянулась и розовая шляпка с широкими полями. Она надела её поверх невзрачного платка, защитив глаза от палящего солнца.

После визита в деревню на душе девушки остался неприятный осадок. Предупреждения Ракши казались ей правдоподобными и пугающими. «Кто знает, чем бы закончился утренний скандал на рынке, если бы не вмешался управляющий? И поверят ли мне в дальнейшем, что я не Лафита, а её внучка? Не пора ли мне сменить место жительства? Но как же мой источник вечной молодости? Ведь без его чудодейственных свойств я буду как все стареть и покрываться морщинами?»

Уйдя с головой в себя, Лафита машинально смотрела под ноги, обходя стороной пологий холм. Не рассчитывая встретиться в пути с кем бы то ни было, девушка вздрогнула от неожиданности, когда ей преградили дорогу двое туристов с озлобленными лицами.

— И не страшно тебе одной по безлюдью ходить? А если взбесившийся кенгуру нападет? Или чего доброго орел с размахом крыльев в 3 метра утащит тебя в свое гнездо? — с насмешкой произнес один из них.

— Идите своей дорогой, – ответила Лафита, стараясь не показывать волнения.

— Да мы то пойдем, – один из туристов схватил её за руку и поволок в сторону, а второй приставил к шее нож, – но только после того как ты отдашь нам свое сапфировое ожерелье.

— Ожерелье? – Лафита бросила корзину и освободившейся рукой коснулась шеи.

— Снимай сама, если не хочешь чтобы на твоей нежной коже остались шрамы, – грубый и низкий голос протяжно шептал ей в ухо.

— Можете его забрать, если совесть позволяет вам грабить женщин, – сверкнула она злобными огоньками черных глаз.

— Оно тебе все равно не нужно, потому что никакие драгоценные камни не способны скрасить твоих врожденных дефектов. Ты в зеркало хоть смотрелась, длинноногая? – залился нарастающим смехом небритый турист, снимая чехол с фотоаппарата. – Я тебя сейчас еще и сфотографирую, чтоб было чем назойливую детвору отпугивать!

Яркая вспышка на мгновение ослепила Лафиту, и уже не сдерживая нахлынувших слез, она сняла любимое ожерелье и бросила его на камни. Не произнося больше ни слова, девушка подняла корзину с приобретенным товаром и быстрым шагом поторопилась скрыться за каменистыми склонами. Высокомерный хохот долго звучал эхом среди пустынных камней. А Лафита была готова проклясть обидчиков, но мысленно лишь подумала «Чтоб вы усохли, как трава без воды», и пошла дальше. Она и

предположить не могла, что её пожелание исполнится (пусть и частично).

«Я посмешище. Одинокая, никому ненужная, несчастная женщина. Ноги моей больше не будет в этой деревне. Нигде. Буду жить в горах, и никто и никогда меня больше не увидит. Вот только дождусь спасателей, распрощаюсь с Ираклием, и все...» — размышляла она по пути.

* * *

Лучи заходящего солнца еще касались острых вершин, но небо уже чернело, и первые звезды появились над головой Лафиты. Казалось, до гор можно рукой подать, но этот момент никак не наступал. Уставшая и обессиленная девушка, не смыкавшая глаз последние двое суток, думала о том, как бы скорее добраться домой. Туда где хоть кто-то её ждал и любил. Она имела в виду свою любимицу — Арнику. О косметологе Лафита старалась и не вспоминать, но неоднократно ловила себя на мысли, что образ сильного и волевого мужчины непроизвольно появляется у неё перед глазами.

Со склонов спускались серые облака тумана, отчего видимость стала пропадать. Впереди открывался обширный луг, куда Лафита часто пригоняла стадо своих коз. Тропа, ведущая к каменистым возвышениям, практически исчезла. Но девушка знала в этих местах каждый камешек, каждую тростиночку.

— Горы Корунда, я снова с вами! — закричала она, потянувшись обеими руками ввысь.

Обходя крутые перекаты на ощупь, не боясь поскользнуться и упасть вниз, Лафита торопилась, учащенно хватая прохладный воздух, как рыба ртом.

В разбитом окошке светился тусклый оранжевый свет, и она, не раздумывая, пулей заскочила в теплый по-своему уютный, но многим чуждый мир.

— Хвала небесам, – с доброжелательной улыбкой на посиневшем после авиакатастрофы лице произнес Ираклий. – Я от волнения не мог сомкнуть глаз. Не нужно было тебя отпускать.

Он сидел на полу у камина, и Арника терлась ему о спину. Горели дрова, наполняя комнату теплом и светом.

— Я же говорила тебе «не вставать», – слегка возмутилась хозяйка. – Как твои ноги? – она бросила шляпу на полку и, оставив корзину у входа, присела рядом.

— Уже почти не болит...

— Я сообщила о катастрофе. Теперь самолет найдут быстрее.

— Хорошо, – он замолчал, смотря прямо в глаза Лафиты. – Ты прекрасна, как цветок. Та розовая шляпка тебе к лицу, – Ираклий робко коснулся свежей нежной как шелк кожи щеки.

— Вам не кажется, доктор медицинских наук, что вы позволяете себе лишнее? – Лафита резко отстранилась, прищурившись с подозрением.

— Извини, я не хотел. Я, – замялся Ираклий, уже успев пожалеть о своих словах. – Я только подумал... Мне... Ты наверно устала? Весь день в пути?

— Есть маленько. Я сегодня даже купаться не пойду, уж очень спать хочется, – Лафита бросила

беглый взгляд на кровать, – поговорим завтра утром, а пока «сладких снов!»

— Но кровать то одна. Может, я на полу лягу? А ты...

— Нет. Ложись на кровать, – Лафита была непреклонна. – Давай я помогу подняться. И больше не вздумай самовольничать, профессор. Иначе знаешь, что станет с твоими ногами? Они срastутся неправильно, если все таки там есть переломы.

Их тела соприкоснулись, и мощь мужской мускулатуры была ощутима даже без трепетных объятий. «Какой он каменный!» думала Лафита... и засыпая, и проснувшись на рассвете с первыми лучами солнца.

* * *

Ираклий видел во сне песчаный берег реки Маррамбиджи, холмы долины Канберры и хребты горных массивов. Многообразие столичных строений красочным эпизодом пронеслось в глубине подсознания. Профессор словно вновь ощутил себя летящим на самолете, и лицезрел родной город с высоты птичьего полета. Над искусственным озером зеленели сосны и ели – изюминка страны эвкалиптов. Ветер поднимал невысокие волны, светящиеся брызги которых и разбудили профессора.

— Доброе утро!

Лафита сидела на краю кровати и протирала лицо Ираклия водой из источника, богатого минералами. Сама она давно успела искупаться, зарядившись бодростью и энергией на целый день. Влажные

волосы волнистыми змейками сползали на плечи, глаза горели внутренним светом, излучая здоровье и молодость. Девушка, отбросив все грустные мысли, захотела (как никогда раньше) научиться не просто общению, а общению с таким умным и интересным собеседником, как столичный косметолог. По такому случаю на ней было новое светлое платье с веселым рисунком распустившихся хризантем.

— Мой ангел с сиреневыми крыльями! — прошептал он, едва раскрыв глаза.

Перед ним расплывались розовые лепестки благоухающих цветов, украшающие и без того светящиеся радостным светом лицо черноглазой искусительницы. Она была прелестна. Пленительно обворожительная улыбка озаряла комнату ярче дневного света. В воображении Ираклия спасительница предстала перед ним в образе победительницы конкурса красоты «Мисс Вселенная». Такой она казалась: очаровательной и достойной бриллиантовой диадемы королевы мира.

— Это платье, купленное за бумажки из твоего кошелька, — Лафита выгнула спину, продемонстрировав свою ровную осанку. — Теперь я буду помнить о тебе, даже если ты...

Ираклий взял её за руки и приблизил к себе. Втягивая тонкий аромат неопишуемой свежести, он коснулся губами открытой шеи.

— Поедем в столицу? — чуть ли не умолял он.

— Ираклий, — на срыве дыхания произнесла Лафита, почувствовав приближение бури, нарастающей с каждой секундой в горячих жилах, — я не могу. Кто же будет доить моих коз?

Вернувшись в прежнее положение, она продолжила протирать лицо профессора. Нежно касаясь припухшей кожи, словно запоминая изгибы волевого лица, она ощущала яростное желание бросить все и изменить привычный уклад жизни. Но ей тяжело было решиться на столь кардинальные перемены. А вот оставить косметолога себе «в личное пользование» и со временем посвятить его в свои тайны она бы хотела, но не решалась признаться в этом.

— Лафита, разве тебе не хочется жить среди людей? – Ираклий поднял брови от удивления. – Что можно делать молодой девушке в горах?

— Я прячусь здесь от людской агрессии, – взяв себя в руки, ответила Лафита. – Вот, например, вчера на меня набросились двое туристов и заставили отдать им ожерелье, которое досталось мне от бабушки. Они угрожали мне ножом, Ираклий. А здесь в горах мне ничто не угрожает. Наоборот, здесь... никто меня не обидит.

— Вчера? Когда ты ходила в деревню?

— Я уже возвращалась назад, а те двое... Я даже не хочу об этом говорить, – девушка перевела дыхание, заметив беспокойство в глазах профессора. – Вот, выпей водички. Она поможет тебе скорее окрепнуть.

Ираклий задумчиво отпил глоток, потом еще и еще. Вода была необычной и приятной на вкус.

— Я сожалею, это я во всем виноват. Мне и так неловко обременять тебя своим присутствием, а вышло, что и ожерелья ты лишилась из-за меня.

Говорил же «не надо идти в деревню». Спасатели в любом случае рано или поздно обнаружат самолет.

— Что сделано, то сделано... Я давно заметила одну очень важную закономерность в жизни: если что-то находишь, обязательно что-то потеряешь. Возможно, ожерелье из камней корунда стало платой за... платье, например («или за возможность обрести спутника жизни!» – подумала Лафита).

Ираклий удивился:

— Корунд? Сапфиры?

— Ожерелье из 47 синих камешков.

— Мне очень жаль, Лафита. В столичном ювелирном магазине цена одного сапфира в один карат может достигать 4000 долларов. Не каждая женщина может позволить себе даже кольцо с единственным камнем сапфира. Получается, ты носила на шее целое состояние. Носила, – повторил он еле слышно.

— В горах еще столько таких сапфиров, – сама себя утешала Лафита. – Пойду я приготовлю нам завтрак. Я скоро вернусь!

До чего же приятно было Лафите разговаривать не с кошкой, а с человеком. Она будто заново училась пониманию, ведь собеседника нужно чувствовать, чтобы общаться. За долгие годы концентрации лишь на себе Лафита разучилась получать настоящее удовольствие от жизни. Но с появление Ираклия она поняла, что довольствоваться одной своей молодостью ничтожно мало по сравнению с возможностью слушать и быть услышанной собеседником. И ей захотелось заслужить его доверие, а возможно и то, что

называют любовью. «Пора внести поправки в правило номер один, сменив самолюбие на любовь к мужчине!»

Настроив себя на волну позитива, подавив тревожные чувства, оставшиеся после прошлого дня, Лафита направилась к птичьему сараю. И хоть она и сожалела, что бабушкино ожерелье у неё можно сказать украли, Лафита не столько думала об украшении, сколько о памяти. Негатив постепенно сменялся приятными романтическими чувствами к косметологу, и все остальное постепенно терялось на фоне розовых облаков.

* * *

— Какой вкусный омлет, – Ираклий уплетал за обе щеки, – здесь и грибочки! Давно я не ел подобного лакомства. Пальчики оближешь!

Лафита, склонив голову, наблюдала за профессором. «Что же в тебе особенного, что заставляет меня желать оставить тебя себе, во что бы то ни стало, как несчастного котенка? Но у тебя ведь есть где-то дом. До нашей случайной встречи ты жил в своем мире, даже не подозревая о моем существовании. Захочешь ли ты остаться со мной навсегда? Здесь в горах Корунда?» Почувствовав нежное касание теплых рук, девушка вздрогнула от неожиданности.

— Я задумалась, – она честно призналась.

Ираклий, отложив в сторону пустую тарелку, нерешительно обнял Лафиту за талию. Их губы были рядом, и на столь коротком расстоянии любой

~~~~~

человек с нормальным зрением обратил бы внимание на непропорциональные черты лица близ находящегося, но косметолог, привыкший работать исключительно с кожей, по-прежнему не замечал изъянов. Он кончиками пальцев провел по гладкой щеке. В этот раз девушка не противилась и, прикрыв глаза, позволила себя поцеловать.

Это был первый настоящий поцелуй в её жизни. За 100 лет проведенных в горах, Лафита впервые обнаружила, что сердце может сильно биться даже от одного коротенького поцелуйчика. Колени дрожали, словно от холода в непогожий день, а ладони как в жару потели. Незнакомые переживания охватили мысли, спровоцировав необузданный интерес к мужчине.

— Ты удивительная, — прошептал Ираклий, не осмеливаясь продолжить.

Преподнеся к губам влажную ладошку девушки, он стал пылко покрывать её поцелуями. Чувствуя себя школьником, Ираклий старался вести себя как порядочный и воспитанный человек.

— Довольно, — не хотя остановила его Лафита. — Ты еще слаб и поэтому не должен переутомляться. — Приляг, и лучше расскажи о себе.

— О себе? — вернувшись в прежнее положение, лежа, он по-прежнему не выпускал её руку. — А что именно ты хотела бы услышать?

— Твоя семья наверно волнуется? Ведь они не знают, что ты остался жив, — этот вопрос волновал Лафиту больше всего. Ей не хотелось даже думать о том, что возможно Ираклий женат и у него есть дети.

— В Канберре у меня только двоюродный дядя Роберт. Он заведует кафедрой нервных болезней и генетики в столичном институте медицины. Больше у меня никого нет.

«Значит, не женат» — обрадовалась Лафита. А Ираклий без труда догадался, к чему был поставлен вопрос о семье: «Она воспитана по старинке».

— Так у вас семейная страсть к медицине? — продолжила девушка.

— Да, наверно, — задумчиво ответил профессор. — Я разработал омолаживающий лазер, чтобы люди дольше оставались молодыми. Возможно, в ближайшие годы человечество сможет бороться с признаками старения и поможет им в этом моё изобретение.

— Ты работал над этим проектом исключительно ради идеи? Или таким образом желаешь улучшить материальное положение? Ведь не каждому желающему выглядеть немного красивее представится такой шанс?

— Я как любой научный работник хотел бы получить нобелевскую премию за весомый вклад в развитие науки, Лафита. Я работал над чертежами и формулами чтобы доказать что человек может сделать невозможное, повернуть вспять биологические процессы и вернуть утраченную молодость. Конечно, открытие специализированной клиники подняло бы меня в глазах общества, да и процедура омоложения была бы не бесплатной. Но главное все-таки донести до разума людей, что научные достижения способны противостоять законам природы.

~~~~~

— Как может какой-то луч вернуть коже молодость? – не укладывалось в голове девушки, знающей о сохранении молодости больше самого профессора-косметолога.

— Это не «какой-то луч», а лазер, способный безопасным способом снять в кожи верхний слой...

— О боже, вы там с ума что ли сошли? «Снять верхний слой кожи»?

— «Снять» это вовсе не срезать, как скальп у бледнолицых дикими индейцами! – рассмеялся доктор. – По идее, благодаря лазерному воздействию верхние слои кожи разрушаются. Потом ороговевшая неживая кожа начинает шелушиться. Как у змей, происходит что-то типа линьки! Затем появляется новая молодая кожа, ровный цвет лица и менее заметные морщины.

— По идее! Так ты еще не уверен наверняка, что это работает? – теперь смеялась Лафита. Она то точно знала, что может помочь в данной ситуации.

— Эта затея точно принесет свои плоды! Я уверен! И дерматологи из Европы и Америки бесспорно поддержали меня, одобрив проект.

— Интересная у тебя работа, Ираклий, – Лафита нежно сжала его руку, приподнимаясь с краешка кровати. – Но мне пора заняться своими делами. Не скучай без меня. Вернусь к обеду.

Каким бы ни было желание остаться, Лафита переборола себя и ушла пасти коз.

* * *

Знойный день был в самом разгаре. Безжалостное солнце нещадно палило, превращая сочные зеленые травы в сухое сено. Ненасытные козы, долго пережевывая обильный, но жесткий обед, украдкой поглядывали в сторону, откуда совсем недавно спустились. Лафита же, растянувшись в пахучей выпцветающей зелени трав, прикрыла глаза от жгущего солнца и обдумывала дальнейший план действий.

«Спасатели не должны найти моего профессора. Еще не время. Но...» Не успела Лафита закончить мысль, как козы в испуге рванули назад к тропе, ведущей в горы.

— Вертолет, — ужаснулась девушка, уловив приближающийся гул лопастей вращающегося винта. — Только не это. Ну почему не приехать на автомобилях? Так Ираклий ничего бы не услышал. А если над нами пролетит вертолет... Чтоб он взорвался, — крикнула Лафита, кинувшись догонять испуганных коз.

В небе нарастала черная гудящая точка. Все ближе и ближе железный жук показывал свои металлические крылышки. Он летел прямо к горе. Его приближение заставило Лафиту спрятаться за огромный камень и не высовываться пока не стихнет шум. Прижавшись к разогретой скале, девушка мысленно уже готовилась помахать платочком вслед покидающему её косметологу. Но отдаленный грохот разлетающегося на куски вертолета вселил надежду в женское сердце, желающее познать сладость сближения душ.

~~~~~

— Вот это вспышка, – огненное облако охватило падающий вертолет, из которого на белых парашютах выскочили спасенные люди. – Неужели я на самом деле ведьма, и могу силой слова повлиять на независимые от меня события? – Лафита застыла на месте, не спуская глаз с раскачивающихся в безграничном пространстве парашютистов.

Обломки горящих фрагментов летели вниз, догорая в воздухе. И только силуэты спасателей плавно вальсировали в безоблачном небе на фоне раскаленного солнца.

— Кажется, сегодня профессора у меня точно не отнимут, – подумала Лафита, выйдя из укрытия.

Козы неугомонно блеяли, и от их сорванных голосов становилось жутко.

— Пошлите, прогуляемся к холму! – обратилась пастушка к животным так, будто бы перед ней были такие же, как она люди.

И погнав стадо вниз, Лафита решила понаблюдать издали, как далеко от места трагедии приземлятся парашютисты. А за одно и убедиться, что другие спасатели не прибыли к подножью горы.

* * *

Бережно прикрыв за собой кривобокую дверь, Лафита осторожно ступила на старый деревянный пол. Тягуче скрипнула предательница – сосновая доска, и сердце вероломно застучало, вырываясь из груди. Ираклий спал младенческим сном. Крадучись осторожными шагами, как по минному полю, девушка застыла посреди комнаты.

— Ираклий, ты спишь? – прошептала она вопросительно.

От напряжения во всем теле она чувствовала себя натянутой струнной, готовой вот-вот лопнуть, и обессилено рухнуть на пол, дав волю нахлынувшим эмоциям.

— Спи, Ираклий Дупель. Спи и не просыпайся до тех пор, пока не поймешь, что хочешь быть со мной – столетней королевой Корунда – Лафитой, – она прикрыла глаза, и только вздрагивающие ресницы выдавали запальчивое волнение. – Спи, Ираклий, и пусть мои слова станут твоими мыслями, – нашептывала она улыбающемуся во сне косметологу в ритм спокойного дыхания. – Ты хочешь остаться со мной в горах... здесь вдали от городской суеты.

Профессор по-прежнему негромко посапывал, прикрыв рот. Его пшеничные волосы хаотично растрепались по подушке легкими влажными волнами, отточенные скулы золотились поросшей щетиной, а по притягательным губам так и хотелось провести кончиками пальцев. Поддавшись желанию ощутить манящую упругость припухших губ, Лафита присела у изголовья кровати. Осторожно дотронулась его щеки тыльной стороной ладони, вдохнув запах пота, напомнивший кислое молоко.

— Твои раны заживают быстрее обычного, если есть переломанные кости – они срастаются. Совсем скоро ты без особого труда сможешь стоять на ногах. Ты окрепнешь и без помощи столичных докторов. Я наполню твою жизнь неугасающим здоровьем и необузданной силой, – внушала Лафита медленным голосом.

~~~~~

Она проскользнула нежной рукой к расслабленной ладони профессора и охватила его указательный палец как можно мягче и нежнее, чтобы нечаянно не разбудить.

— Тебе нравится тишина безлюдных гор, их спокойствие и величавая красота. Ты чувствуешь себя сильным и независимым от общества. Твои желания и мечты могут осуществиться только здесь. И я воплощу в жизнь твою самую заветную мечту, открыв истинную тайну молодости. С этой минуты ты становишься вольным как птица. Все обязанности остались позади. А впереди тебя еще ждут неразгаданные загадки вечной природы.

Лафита понимала, что не сможет обычным диалогом убедить профессора остаться, поэтому неосознанно выбрала старый способ воздействия на сознание человека – внушение. Ведь слова обладают огромной силой. С их помощью можно исцелить от недугов и даже изменить ранее сформировавшиеся убеждения. Таким образом, Лафите не пришлось бы ни отказываться от поездки в столицу, ни предлагать косметологу сменить место жительства, а только ждать и надеяться, что он «сам» изъявит желание изменить привычные взгляды на жизнь.

В тишине освещенной комнаты мелькнула тень шустрой кошки Арники. Она резво запрыгнула на кровать и мгновенно оказалась рядом с руками хозяйки. Её взгляд был настороженным, и зелено-желтые огоньки озлобленных глаз блеснули едва уловимой вспышкой ревности. Погладив жаждущую внимания любимицу, Лафита отвлеклась. Продолжать «настраивать» спящего профессора на

свою волну» в присутствии кошки-наблюдательницы было бы невозможно. Уж слишком по-человечьи умными казались её глаза.

Взяв Арнику на руки, Лафита все еще смотрела на Ираклия. Сработает ли её план? Или любоваться мужественной красотой доведется лишь считанные часы?

* * *

Мелодичный женский голос стих. В красочном сне Ираклий видел себя со стороны. На берегу водоема с чистой прозрачной водой желтели округлые камни, на одном из которых он и нежился под ласковым солнцем. Беспрерывный шепот то громко, то тихо врывается в его сознание. Но слов было не разобрать. Загадка.

Открыв глаза, профессор вновь обнаружил себя в захудалом домике на горе. Единственным украшением мрачных стен была одинокая девушка – фиолетовое пятно с ангельским свечением несуществующих крыльев. Он, не шевелясь, облизнул шершавые губы, вспомнив сладкий и трепетный поцелуй Лафиты. «Розовые хризантемы!» – неожиданно Ираклий осознал, что отчетливо видит узор на новом платье своей спасительницы.

Лафита сидела на старом выцветшем ковре спиной к кровати. Длинные волосы лежали на левом плече, оголив изящную тонкую шею. Кошка терлась у ног, мурлыкав и выгибая спину.

— А почему ты не разжигаешь огонь? – наконец спросил Иракий, желая увидеть и лицо девушки так же отчетливо как цветочный рисунок на её платье.

— Профессор, – Лафита сразу же встала, напрочь позабыв о кошке, застывшей в недоумении. – Что-то случилось? – она заметила, как его брови приподнялись, а глаза не моргая, казалось, изучали каждый сантиметр её лица.

«Милейший ангел превратился в остроухого эльфа с вытянутым лошадиным лицом» – первая мысль прозревшего косметолога.

Лафита присела на край кровати, приложив руку ко лбу Иракия.

— Ты вспотел. Жарко? Тебя что-то напугало? Сон? – она не могла понять, почему он так на неё смотрит.

— Лафита, – протянул косметолог, убирая руку в сторону. – Я понимаю гламур и горы понятия несовместимые, но чтобы вот так? – он не продолжил, не желая обидеть некрасивую девушку.

— Гламур? Но чтобы как? – испугалась Лафита. Она то надеялась, что ей удалось внушить к себе любовь, а не наоборот.

— Я прозрел.

Лафита в отчаянии закрыла лицо руками:

— Теперь я тебе не нравлюсь?

«Как же быстро восстановилось его зрение. Наверно не надо было давать ему пить воду с источника коллоидных минералов. Теперь он будет считать минуты до появления на горе спасателей» – не пытаясь унять нахлынувших слез, она выбежала из дома.

— Постой, Лафита, я не хотел тебя расстроить, – окликнул её Ираклий, сам не понимая, что на него нашло.

«Ну, подумаешь, не ангел с сиреневыми крыльями, не принцесса с милым личиком. Неформатная, но бескорыстная и добрая. Не испорченная городской современностью, не знающая ненасытности светских львиц – одним словом нестандарт. Диковинка, да и только! Но ведь и такие как она имеют право на счастье. И в чем оно её счастье здесь в горах???» – не по-детски призадумался Ираклий, сидя на кровати.

Иными глазами он осмотрел окружающую обстановку. Еще утром все казалось не таким плачевным, а вчера вечером и вовсе – романтический настрой от горящего камина наталкивал совсем на другие мысли. Нищета: трухлявые полки, старый стол, скрипучие полы и разбитое окно, – все было настолько убогим, что не укладывалось в голове «Как можно жить в таких условиях?»

Свесив ноги с кровати, Ираклий коснулся пола, и сразу же тупая боль напомнила о себе. Закусив до крови губы, он хотел встать и разыскать Лафиту, но это было ему не под силу.

Внутренний голос твердил ему: «Зря обидел девушку, она не виновата, что родилась с большим носом и неправильной формой лица».

— Лафита, – во все горло заорал профессор. – Прости, если обидел. Пойми меня правильно: до этого момента я представлял тебя совершенно иначе – чуть ли не ангелом, спустившимся с неба. У тебя, действительно, чарующий ангельский голос,

безупречная гладкая кожа, сладкие манящие губы, неповторимый аромат роскошный волос... (Ираклий даже сам немного удивился, сколько положительных моментов он смог перечислить) А твои глаза?! Я в жизни не видел ничего подобного! Они святятся волшебным внутренним светом! Вернись, я тебя прошу. Давай поговорим, – добавил он еле слышно, расстроившись из-за увиденного больше чем, обрадовавшись от внезапного возвращения острого зрения.

Лафита все слышала. Прижавшись спиной к наружной стене своего старого дома, она пыталась взять себя в руки и побороть навалившееся беспокойство. Интуиция подсказывала ей, что должно произойти что-то нехорошее. Но что?

* * *

Треугольник дальнего снежного пика блестел желтизной последних лучей солнца. Небо чернело, будто грустило вместе с опечаленной девушкой, старающейся разобраться в своих мыслях и желаниях. Но взять контроль над пессимистическим миропониманием Лафите не удавалось. Её убеждения и самонастройки «жить позитивно» оказались бесполезными, и не спасали от душевной боли. Боязнь одиночества ускоренным порывом неслась по венам, как быстрые потоки талых вод после долгой зимы. Смахнув горькие слезы, Лафита обезумевшими от удивления глазами по-новому взглянула на свои необъятные владения. Камни, острые скалы, заснеженные вершины, пологие склоны, поросшие

буком и соснами, живописные пейзажи зари и глубина бесконечного неба будто кричали, насмехаясь: «Ты одна, о ваше величество королева Корунда». И в тоже время голос мужчины, за считанные дни сумевшего стать объектом влечения, звал её: «Вернись, я тебя прошу».

«У меня есть всё и в то же время – ничего нет. Любимые горы, таящие в себе источник молодости, подарили мне гладкую кожу и здоровье. Но меня обнимают прохладными ночами не теплые руки близкого человека, а бабушкин шерстяной плед. Молчание гор способно утешить, навевая чувства гармонии и единения с природой. Но сегодня горы злят меня еще больше. Их мерзлая синь вопит мне о тоске от нехватки живого общения. А тот, кто может скрасить мои серые будни, видит во мне обезумевшую уродину, жаждущую его ласки и внимания. Я для него не существую. Также как и для миллиардов людей на всей планете, я – пустое место».

Вытирая слезы, Лафита потянулась к дверной ручке, но резко одернулась, не решаясь вновь предстать перед Ираклием «во всей красе». Сердце барабанило, а дрожь выдавала волнение, и, опустившись на корточки, огорченная девушка закрыла лицо руками.

В непоколебимом ранее спокойствии сумерек раздались отдаленные звуки падающих камней. Лафита прислушалась к тишине и, уловив доносящиеся снизу голоса, метнулась к тропе. Это были спасатели. Горстка людей с электрическими фонарями поднималась прямо к домику в горах.

— Ну, вот и все, — вымолвила Лафита.

Без тени прежней нерешительности она заскочила в дом, где прозревший косметолог ждал её возвращения в полумраке неосвещенной комнаты.

— Лафита, — позвал он как можно мягче. — Присядь рядом.

На удивление профессора девушка беспрекословно подчинялась его просьбе. Все тот же нежный аромат исходил от распущенных волос, приятных на ощупь. Ираклий в этот раз не колеблясь обнял девичий трепещущий стан, и словно пытаясь загладить вину или доказать, что Лафита и с такой нестандартной внешностью может соблазнять и возбуждать мужское внимание, настойчивым поцелуем впился в сочные губы.

Лафита отдалась побуждению, отключив разум. Калейдоскопы картинок вспышками растворялись в сознании, вопросы «зачем?» неоднократно сменялись самоответом «я буду помнить этот миг».

Невидимая искра, как молнии разряд в спокойном небе, вспыхнула между двумя сердцами ранее не сталкивающимися ни с чем подобным. Косметолог с детства был поглощен наукой. Его заботили только формулы и расчеты, опыты и наблюдения. А Лафита всю жизнь до знакомства с Ираклием была затворницей, отшельницей, скрывающей себя за высокими горами. Даже зная о существовании мужчин на Земле, её не тянуло познать радость сближенного общения. Но как бы то ни было, а пожертвовать молодостью ради возможности стать как все, Лафита была не готова.

Трепетные объятия сжимали хрупкое тело, спрятанное под ситцевым платьем. Ираклий не сдерживая нахлынувшей страсти покрывал поцелуями шелковую кожу, шепча несвязные слова восхищения, от которых у Лафиты кружилась голова. И только шум за стенами дома заставил обоих остановиться и прислушаться к посторонним звукам.

— Лафита, — выкрикнутое глухим грубым голосом имя эхом пронеслось над горами.

— Здесь есть люди? — шепотом спросил Ираклий, не выпуская заметно разволновавшуюся девушку из крепких объятий. — К тебе пришел мужчина? Я думал, ты одинокая, — рассеянно спросил он. — Ты же говорила, что живешь в горах одна...

— Это пришли за тобой, — отстранившись, ответила девушка, уловив некие нотки ревности, как ей показалось.

Волнение никуда не делось. Наоборот, Лафита предвкушала драматическую развязку, но повлиять на ход событий она уже не могла. Сожаление о походе в деревню грызло её изнутри: «Я своими же руками отдала его им. А могла хоть на какое-то время оставить при себе. И не известно захотел бы он и дальше заниматься научными работами, если бы узнал ту формулу молодости, спрятанную в этих горах...»

— Спасатели?

Смежные чувства второй раз за один вечер натолкнули Ираклия на многогранные размышления. До конца не восприняв счастье возвращения зрения не только из-за мрака, но и из-за открывшихся взору недостатков, он не знал радоваться ему или

печалиться скорому появлению спасателей. «Ну почему именно сейчас?» – единственный вопрос не давал покоя, наталкивая на другие, но тоже связанные со временем. «А когда? Возможно, через 5 минут? Или пару дней?» Профессор мог с уверенностью сказать лишь одно – Лафита смогла заинтересовать его внимание, как ни одна женщина со всей планеты, и он не хочет расстраивать её своим отъездом, потому что чувствует, что этим ранит девичье сердце».

— Лафита, – повторился зов снаружи.

— Одну минутку, – прикрикнула девушка, пряча волосы под темной шалью.

Иракий безмолвно лежал, массируя ладонями пульсирующие виски. А когда дверь открылась, тусклый оранжевый свет больших светильников озарил небогатую комнату. На пороге столпились люди в красных комбинезонах со светящимися полосками фотолюминесцентных пиктограмм. У них с собой были и носилки, и черный чемоданчик с медикаментами для оказания первой помощи.

Один из присутствующих был в гражданском. Седовласый старик с поморщенным лицом неуклюже переминался с ноги на ногу, при этом из-под густых бровей внимательный взгляд летел в сторону Лафиты.

— Ракша? – удивилась девушка неожиданной встрече.

Старый управляющий поселения аборигенов будто потерял дар речи, настолько его поразила молодая цветущая Лафита. В приглушенном

освещении она была королевой гор со следами недавних поцелуев на порозовевших губах.

— Здравствуй, – наконец-то Ракша заставил себя перебороть нескончаемое желание любоваться наружностью Лафиты, и заговорил. – Я показал спасателям дорогу к брошенной деревне...

Его слова были на заднем плане. Лафита нервно следила, как статный доктор начинает осмотр Ираклия, и старалась уловить каждое слово касающееся его состояния. В непривычном шуме она собирала из обрывков фраз сложную мозаику, ощущая на себе сверлящие взгляды со всех сторон.

«Невероятно! Упасть с высоты и выжить после серии взрывов?» – дивились спасатели. Из их разговоров Лафита поняла, что во время авиакатастрофы на борту находилось 250 человек, и все погибли, за исключением косметолога. Самолет попал в зону тайфуна; из-за погодных условий (сильного проливного дождя) радиосвязь с наземными службами сразу же оборвалась. А что стало причиной взрыва, пояснил Ираклий, опровергнув предположение о неполадках в двигателе:

«Пилот хотел посадить самолет, но просчитался должно быть из-за плохой видимости. Не подозревая о столь холмистой местности внизу и даже не разглядев обширных гор, он стал опускать лайнер. Все произошло молниеносно, как в страшном сне, в жутком фильме со спецэффектами. Нас стало трясти, все предчувствовали свою смерть, а я держал в руках документы, способные изменить многое в этой жизни. Может, поэтому я и остался жив. У меня еще

есть незаконченные дела! ... Перед тем как самолет врезался в холм, раздался взрыв. В один миг я взлетел вместе с креслом и тут же оказался в каких-то зарослях. Не знаю как, но я очень быстро обнаружил себя лежащим на мокрой земле. А вокруг все сверкало от взрывов и пожара».

Доктор, измеряя артериальное давление, сказал, что Ираклий родился в рубашке. Лафита не видела его лица, так как он сидел к ней спиной, но по тону и последующим речам стало ясно – травмы ничтожные и пострадавший на удивление быстро идет на поправку.

«Еще бы, ведь я поила его водой из живительного источника! И раны протирала! Поэтому он и восстанавливается гораздо быстрее, чем могло бы быть» – думала девушка, не произнося вслух ни слова. Звуки голосов, активно обсуждающих последствия аварии, непривычно оглушали. Но еще тяжелее было представить немую тишину опустевшего дома. Почувствовав себя ненадолго хоть кому-то нужной, Лафита боялась остаться снова в одиночестве. А волны накатывающихся приливов нежности и страсти, испытанные в короткие мгновения поцелуев, и вовсе не давали Лафите опомниться. «Я готова пожертвовать своим самолюбием, отдать свою любовь и заботу тебе, Ираклий. Но только останься». Умоляющими глазами, мокрыми от слез, она молча просила его не возвращаться в столицу.

— Ну что же, Ираклий Дупель, – продолжил врач, – я вас поздравляю! Вы счастливчик! Если бы я не знал об авиакатастрофе, то решил бы, что вы

упали с велосипеда, к примеру! – шутил он, закрывая чемодан с медикаментами.

— Доктор, а если бы я еще мог безболезненно передвигаться, так я бы и сам не поверил, что выжил после взрыва самолета, – Ираклий смотрел сквозь доктора, и будто никого кроме Лафиты не замечал. – Меня спасла эта юная особа в цветастом платье. Мой ангел с сиреневыми крыльями! А ведь я тогда и в правду думал, что попал на небеса...

Лафита стыдливо покраснела, вспомнив свой нескромный вид в то предрассветное утро, преподнесшее непредвиденное событие. «И подумать только – он упал, можно сказать, к моим ногам прямо с неба! Ну, разве это не знак свыше?»

— Вы сможете не только ходить, но и в футбол играть! – доктор еще раз взглянул на ноги. – По моему вы отделались вывихом и растяжением связок. При переломе картина была бы более плачевная. А так кости все на месте!

— Так это даже не переломы! – обрадовался Ираклий.

— В больнице вам сделают рентген, и ...

— Доктор, простите, я вас перебыю, – окрыленный хорошими новостями, Ираклий протянул руку Лафите, подзывая к себе. – Если ты не станешь возражать, я останусь, и проведу в горах небольшой отпуск. За одно и отблагодарю за свою спасительницу, починив дверь и перестеклив окно.

Лафита была на седьмом небе от счастья. И начавшийся переполох она пропускала мимо ушей. Спасатели стали выходить из маленького домика, возмущаясь, что зря пришлось подниматься на

~~~~~

пологую возвышенность. Молчаливым оставался только Ракша, почувствовавший себя преданным. Ведь на него Лафита никогда не смотрела влюбленными глазами.

— Дело молодое, житейское! — с пониманием отнесся главный врач. — В таком случае, вот вам эластичные бинты, — он положил две запечатанных упаковки на перекошенный стол.

— У меня к вам будет небольшое поручение, — Ираклий взял доктора за руку. — Коллега, в столице живет мой дядя Роберт Дупель. Вы не могли бы связаться с институтом медицины, и попросить его навестить меня здесь, прихватив небольшую сумму денег!

— Без вопросов. Роберт Дупель, столичный институт медицины. Я обязательно передам вашему дяде о вашей просьбе.

... Первое желание Лафиты изменить свою жизнь осуществилось.

Швейцария, Люцерн

По многолюдным улицам Люцерна – величественного европейского города, среди тысяч туристов, восхищающихся отсутствием шахт, заводов и фабрик, шли два неприметных человека.

— Без пяти минут девять, – поджигая пластмассовой зажигалкой сигарету, сказал один из них.

— Подождем, – второй нервно озирался по сторонам.

Мимо проходили интеллигенты с белыми воротничками, спешащие на работу, симпатичные швейцарки постукивали каблучками по асфальту, голуби облепили весь тротуар, а владелец ломбарда, похоже, не торопился встречать ранних клиентов.

Затушив окурок, изношенным ботинком, ступавшим и по Красной площади, и по великой китайской стене, Дейк Ломан опустил обе руки в широкие карманы водонепроницаемой куртки, где

приглушенно позванивало ожерелье стоимостью в целое состояние.

Его компаньон последнее время пребывал в депрессионном состоянии, и это не могло не отражаться и на самом Дейке. Прищуренными щелками хитрых глаз он постоянно следил за ним. «Что произошло? В самом то деле? И не такие дела приходилось проворачивать вдвоем...» Но после поездки в Австралию одинокий волк Манфред совсем расклеился. На его висках уже белела седина, выгоревшие сухие волосы безжизненно свисали вниз, как уши рыжего спаниеля – он будто постарел на несколько лет за несколько дней.

— Расслабься, – Дейк похлопал по плечу напарника. – Господин Аким Колеями на месте.

Черный автомобиль дорогой марки «Rolls-Royce Drop head Coupe» бесшумно остановился на парковке. Первым вышел водитель в униформе и почтенно открыл дверцу с затемненным стеклом. Вслед за остроносыми замшевыми туфлями появилось деревянная трость, сжимаемая желтоватой рукой с ярко выраженными пигментными пятнами и вздутыми венами, потом солидный костюм делового человека, и Аким Колеями собственной персоны предстал перед мужчинами, ожидающими с ним встречи.

— Доброе утро, – одергивая наглаженный пиджак, сухой голос поприветствовал довольно частых посетителей своего ломбарда.

— Доброе утро, господин. Как и договаривались, мы принесли то, что сделает вас еще богаче, – Дейк

вынул руки из карманов, и пожал жилистую кисть Акима Колеями.

— Пройдемте, — указав на стеклянную дверь с табличкой «Открыто», Аким повел клиентов за собой.

В светлом зале за пуленепробиваемым стеклом специалист по кредитованию в круглых очках протирал пыль с золотых украшений, выставленных на продажу. Посетителей, решивших воспользоваться услугами ломбарда, предоставляя помимо залога еще и паспорт, в тот момент в помещении не было. Дейк неоднократно сталкивался с подобной схемой получения наличных, и давно научился избегать официальных договоров с указанием хоть малейшей информации о себе. Его паспорт всегда был под рукой, ведь путешествовать без документов по всему миру нельзя, но вот разглашать свои данные по всем ломбардам, где сплавляешь краденые драгоценности, неразумно. И Дейк в этом плане отличался холодным умом и предусмотрительностью.

— Здравствуйте, господин, — приглушенный голос работника донесся через проём в защитной конструкции. Мужчина учтиво склонил голову, и вскоре продолжил приводить в порядок витрину.

Кивком ответив на приветствие, Аким Колеями открыл дверь в уютный кабинет. В оливковых тонах боковой стены выделялся новый прямоугольный сейф. Его заметил даже растерянный Манфред, отрешенно рассматривая обстановку при входе. А Дейк, наоборот, сделал вид, что кроме сапфирового ожерелья его ничего не интересует.

— Итак, 47 ограненных сапфиров василькового цвета, рыночная стоимость каждого 9000-10000 условных единиц, – Дейк сразу перешел к делу, рассевшись без приглашения. – Итого, на этих камнях можно заработать почти пол миллиона!

Аким махнул тростью застывшему на месте Манфреду, указывая на белый кожаный диван с лакированными поручнями явно из ценных пород дерева.

— Сколько вы хотите? – сухо произнес владелец ломбарда, заняв коронное место за столом.

— 300000 долларов, – деловито ответил Дейк.

— 300000? Вы в своем уме? – возмутился Колеями, сверкнув огоньками блеклых глаз.

— Не жадничайте, господин. 170000 прибыли это всегда хорошо! – Дейк положил на стол массивное ожерелье, заигравшее в дневном освещении ярким блеском глубокого синего цвета.

— Я готов дать вам за него 235000, – не проявляя никаких эмоций, Аким предложил свою цену.

Взяв в руку тяжелое ожерелье, он нисколько не сомневался что камни настоящие. Более того, это были наиболее ценные сапфиры во всем мире, их можно отнести к «королевским» за безупречный васильковый цвет.

— 275000 и договорились, – торговался Дейк Ломан, чувствуя, что Аким Колеями непременно согласится со столь выгодным предложением.

— 250000, четверть миллиона. Это последняя цифра. Большого я дать не могу.

— По рукам, – согласился Дейк, искоса посмотрев на Манфреда, не принимающего никакого участия в торге.

— За деньгами приходите, – Аким раскрыл блокнот и провел пальцем по неразборчивым записям, – в 13:30. К сожалению, в данный момент необходимой суммой я не располагаю. Мне еще нужно будет съездить в банк...

— В 13:30, так в 13:30, – Дейк забрал со стола ожерелье и положил снова в карман. – Не прощаемся, – он резко встал и пошел к двери, не дожидаясь пока Манфред поднимется с мягкого дивана.

Австралия

За долгие годы трудовой деятельности в научной сфере Ираклий позабыл, что значит настоящий отдых. Чертежи и формулы, расчеты и опыты вытеснили, казалось бы, естественную потребность в элементарном отпуске, проведенном скажем где-то в горах или на берегу моря. Если в подростковом возрасте будущий косметолог получал грандиозное удовольствие от горнолыжных курортов, то с годами возможность со свежим ветром сорваться вниз по трассе его привлекала уже не так. От ярких впечатлений и восхитительных эмоций остались одни воспоминания и незабываемые ассоциации слова «горы» с хрустящим белым снегом, искрящимся под ногами. Незапланированный отпуск, подаренный судьбой, напомнил Ираклию о давних пристрастиях, когда он с дядей покорял крутые вершины. Но в этот раз горы были другими.

~~~~~

Впервые за последние дни обветшавшее жилище Лафиты стояло за спиной Ираклия, наслаждающегося чудесной погодой. В лучах ослепительного солнца сияли далекие горные вершины. С каждым вздохом освежающий воздух наполнял легкие насыщенным ароматом горных цветов и хвои. Хотелось дышать всей грудью и напевать веселые мелодии, соревнуясь с незаметными птичками, порхающими в зеленых зарослях.

Босиком утопая в мягкой траве с хрустальными каплями утренней росы, Ираклий собирал белоснежные ромашки и лимонные лютики. Он в россыпях горных цветов снова почувствовал себя мальчишкой, готовым на романтические поступки и необдуманные действия. Зачем думать, если руки, подвластные горячему сердцу, сами невольно тянутся к прекрасному? К цветам, которых повсюду множество, и одним скромным букетом можно скрасить пробуждение девушки, которой (скорее всего) никогда не дарили цветы, но, не смотря на это, у неё их несчитанное количество. Весь этот чарующий мир принадлежит ей.

Бесшумно возвращаясь в серый поникший дом, где сладким сном спит его принцесса, разбросав черные локоны по подушке, где еще несколько минут назад была и его голова, Ираклий и не вспомнил о боли, еще вчера напоминающей о себе. Как рукой сняло и синяки, и отечность, и кто бы мог подумать, что такое возможно.

В бежевых порванных брюках, скорее больше похожих на бриджи, и кремовой рубашке с подвернутыми рукавами Ираклий совсем не был

похож на нудного профессора. Легкий беспорядок на голове, отсутствие и очков, и галстука, носков и обуви делали его обычным человеком — неотъемлемой частью живой природы. Непринужденная улыбка украшала лицо. Не было смысла напрягаться, чтобы сосредоточиться на очередном эксперименте, хотелось получить от жизни все то, что не успел — вторую половинку, о важности наличия которой косметолог раньше и не задумывался.

Ираклий нежными лепестками ромашки, позаимствованной у благоухающего букета, провел вдоль лица спящей Лафиты. Начиная от переносицы по ровному продолговатому носу и приоткрытым створкам розовых губ до вытянутого подбородка. Не устояв перед соблазном, он коснулся румяных щек: гладких и нежных. Ванильная кожа будто светилась насквозь. Розовые капилляры расположенные близко к поверхности были похожи на крохотные звездочки. Но даже такие мелочи теперь стали подвластны острому зрению Ираклия.

— Уже утро? — спросонок спросила Лафита, поднимая пушистые черные ресницы. — Ты встал? А как же ноги? Ты нарвал цветов?

Ираклий зачарованно внимал каждое слово, льющее песней, каждое изменение в мимике и жестах, и мысленно восхвалял небеса за возможность здесь и сейчас находиться рядом с удивительной девушкой. И пусть она не была эталоном женской красоты, но с ней он чувствовал себя настолько живым и полным сил, что могло показаться, будто он сбросил десяток лет. Энергия наполняла тело и

просилась наружу, выливаясь разговорами о звездах и бесконечности, о человеческих чувствах и законах природы.

— Я хотел сделать тебе небольшой сюрприз, — Ираклий вложил ей в руки полевые цветы. — После этой ночи я почувствовал такой прилив сил, что, поддавшись желанию выйти наружу, безболезненно встал и пошел!

— Это замечательно! — порадовалась Лафита, поднимаясь. — А я после твоих историй о космосе спала как младенец, и даже не слышала, когда ты проснулся.

— Я сам удивляюсь! Мы полночи разговаривали, а мне ничуть спать не хочется! И я снова могу ходить!

— Значит, сегодня пойдем вместе купаться на озеро, — разминая косточки ото сна, предложила Лафита.

Странное ощущение: она впервые чувствовала себя сонной. «Наверно, отразились слишком частые за последнее время бессонные ночи» — нашлось разумное оправдание.

Швейцария

Пожилая женщина управляла автомобилем вдоль берега Фирвальштетского озера, не обращая внимания на его красоту, поскольку прошли те годы, когда она не могла налюбоваться его живописными пейзажами. Вцепившись за руль и обеими руками сжимая его, женщина прилагала немалую силу. В

напряжении, втянув голову, она сгорбилась так, что со стороны выглядело, будто у неё нет шеи.

Крашенная огненно рыжая пенсионерка время от времени поглядывала в зеркало заднего вида, не забывая краем глаза убедиться, что ни прическа, ни макияж не испортились. Крупные локоны на коротких волосах неподвижно застыли в идеальной укладке, выполненной в салоне профессионалом. По случаю юбилея Венера Барбет даже попросила сделать татуаж бровей, что ранее считала не столь важным элементом во внешности. Крупные очки не скрывали живых зелено-голубых глаз с черными накладными ресницами, отчего, если не принимать во внимание глубокие морщины, женщина казалась весьма привлекательной особой. Она явно была модница с изысканным вкусом. Об этом могли поведать круглые серьги из белого золота, украшенные десятком небольших синих корундов – сапфиров. Именно сапфир Венера считала своим талисманом, придающим мудрость и наделяющим жизненной энергией и зарядом бодрости. На ней и платье было васильковое в белый горошек, и кофточка цвета бирюзы в тон туфлям и сумочке, лежащей на переднем сидении.

Управляя подержанным Крайслером серебристого цвета, Венера Барбет постоянно чувствовала себя как на иголках. Массу волнений доставляли и туристы, снующие туда-сюда в поисках достопримечательностей. В очередной раз, бросив взгляд в зеркало, женщина отвлеклась от дороги, а когда посмотрела перед собой, в ужас дернула руль


~~~~~  
вправо, нажимая на педаль тормоза. Но это не спасло положения – она сбила человека.

— Только не это, – завизжала старушка, бросая руль и закрывая уши от противного звука трения резины об асфальт.

Мужчина, перед тем как на него налетел Крайслер, затаил дыхание в оцепенении. В распахнутых глазах застыло недоумение, и волосы, закрывающие уши мгновенно поседели. Все произошло настолько быстро, что перепуганная женщина и не заметила, как лобовое стекло треснуло и превратилось с хрупкую картину с изображением паутины.

Авто наконец-то остановилось, упершись в дорожный знак. К горлу подошел ком, и Венера Барбет, трясаясь всем телом от боязни совершить преступление, выскочила из машины, понимая, что виновата. Лужа крови растекалась у ног. Над лежащим мужчиной склонился какой-то турист в куртке для походов в горы из водонепроницаемого материала. Он что-то несвязное бормотал на ломанном немецком языке, нащупывая пульс на шее окровавленной жертвы ДТП.

— Он жив? – собравшись с духом, спросила женщина, растерянно присаживаясь на корточки.

— Его уже не спасти, – прозвучало в ответ.

Вокруг образовалась пробка. Автомобили, водители, прохожие – всё смешалось. Стоял шум, давящий на мозги обескураженной пенсионерке, чей взгляд плавно переводился с неподвижного тела на холодный блеск синих камней массивного ожерелья, вывалившегося с кармана бородатого туриста.



Пристрастие к сапфирам было присуще Венере Барбет с незапамятных времен, её мать тоже любила васильковые корунды, и подобное ожерелье она всегда носила на шее, как оберег от завистливых людей.

«Ожерелье!» Широкая ладонь крупного мужчины утатила его обратно в карман. Дейк Ломан, убедившись в смерти компаньона, резко поднялся, намереваясь скрыться. Из-за угла уже доносился вой сирены, а быть замеченным в дорожном происшествии он не хотел. «Мало ли, а вдруг кому-то станет интересно, почему я был с Манфредом и что у меня в карманах. А если полиция узнает о сапфирах? – Так и сделка может не состояться. Зато теперь четверть миллиона достанется только мне, и не нужно ни с кем делиться. Бедняжке Манфреду деньги больше не понадобятся».

Беспрепятственно вырвавшись с замкнутого круга, Дейк поспешил скрыться в «пряничных» улочках старого Люцерна. Но к его удивлению бойко настроенная старуха в голубом наряде побежала за ним. «И чего ей от меня надо?»

— Эй, бабуля, вам нельзя скрываться с места аварии! – прокричал он, оборачиваясь.

— А сам чего бежишь?

Преодолев несколько домов с узкими двориками, Дейк запыхался и подумывал остановиться передохнуть, но ему в спину дышала сумасшедшая и одновременно физически крепкая бегунья.

— Вы чего меня преследуете? – бросил он, не оглядываясь.



— А ну, стой! – Венера Барбет принажала, чувствуя еще и спортивный интерес помимо острого желания выяснить, откуда взялось это ожерелье.

— И не подумаю!

Дейк продолжал бежать, выискивая более безлюдное место, но повсюду как замороженные прогуливались любители старины. «Нет, чтобы наслаждаться видом на озеро с набережной, они весь город заполнили. Еще и эта ненормальная не отстает...» Свернув на глухую улочку и прижавшись к стене, он жадно хватал воздух, переводя дыхание. Не решаясь высунуть нос из ненадежного укрытия, Дейк Ломан вынул раскладной нож, и со щелчком блестящее лезвие отразило солнечный свет.

Быстрые шаги приближались. Вот уже и рыжая спортсменка в небесно-голубом платье оказалась на расстоянии вытянутой руки. Набросившись сзади, бородатый турист приставил к её горлу нож.

— Снимай серьги, госпожа. И без резких движений, а то ведь могу и ненароком ускорить твою встречу с Манфредом, которого ты только что чуть не переехала.

— Меньше трёпа, сынок!

Венера Барбет ловко выкрутилась и, ударив коленом между ног, выхватила нож из рук болтливого грабителя.

— Помогите, убивают, – во всю глотку заорал Дейк, пришедший в замешательство от действий старушки.

— Заткнись, иначе ведь и я могу «ненароком ускорить твою встречу с Манфредом», – леденящим



голосом произнесла женщина, схватив мужчину за шиворот и приставив к его горлу его же нож.

— Что вам от меня надо? – Дейк Ломан был шокирован подобным поворотом событий. Еще никогда ни одна дряхлая старуха не угрожала ему ножом. А эта еще бежит как солдат во время маршброска.

— Ожерелье!

— Что? Оно моё, – огрызнулся он, предположив, что бабуля промышляет воровством, как и он.

— У моей матери было точно такое. Где ты его взял?

— Где... – поразмыслив долю секунды, – так оно досталось мне от бабушки!

— От какой? – расслабив руку, более спокойно спросила Венера Барбет, засомневавшись.

— От австралийской! – находчиво ответил Дейк и, воспользовавшись смятением, охватившим старушку, повалил её на землю, заставляя выронить нож.

— Как её звали? – Венера Барбет уже не сопротивлялась, строив догадки о степени родства с этим мужчиной.

Вернув нож, Дейк Ломан поспешил скрыться. И в этот раз за ним не было погони, потому что четверо запыхавшихся охранников порядка в погонах наконец-то остановили «виновницу дорожно-транспортного происшествия, пытающуюся скрыться с места преступления».



Австралия

Лафита шла впереди по узкой каменной дорожке над обрывистым склоном. Смотреть вниз не было ни надобности, ни интереса, тем более к живительному источнику она могла бы добраться и с закрытыми глазами. А вот Ираклий, вытягивая шею, как гусь, норовил взглянуть опасности в лицо — в бездну с острыми осколками камней цвета бронзы и выгоревшей травы. Если оступиться по неосторожности в этом месте, можно запросто потерять координацию и упасть, и вероятно, что последствия могут быть плачевными. Поэтому Ираклий осторожно передвигал босые ноги, ступая на устойчивые теплые камни. В его руке болталась корзинка с домашней выпечкой и козьим сыром, что и наводило на размышления: «Негусто, а сил и энергии хоть отбавляй!»

Новый мир, наполненный колоритными эпизодами, приоткрывал завесу тайны. За спиной словно выросли крылья, и хотелось парить над горами Корунда беззаботной птахой. Оказывается, горы величавы не только зимой, но и летом. И их колдовская красота способна дать стимул к пересмотру мнений о смысле существования всего человечества. Безлюдное пространство завораживает красочными лугами, полосками изумрудных лесов под лазурным небом, и, конечно же, причудливыми пещерами в глубине многовековых скал.

— Мы почти на месте. Но будь осторожен, в этом «подземном дворце» так же красиво, как и опасно, — предупредила Лафита, указывая на гигантские



сталактиты, захватившие дух косметолога, как только он их увидел.

— Я и не знал, что каменные сосульки могут так зрелищно смотреться.

— Т-с, пока не говори ни слова, — она прижала указательный палец к губам, и повела профессора в самое сокровенное место в округе.

Запах сырости и морской соли ощущался мгновенно — стоило лишь войти в освежающую тень пещеры. По ногам тянуло сквозняком, а сердце в ожидании чего-то невероятного билось сильнее. Успокаивающе постукивали монотонные удары капель воды, холодной и колючей, как металлические гвозди. А нежная рука Лафиты все вела его вперед. По тусклому лабиринту, обходя массивные колонны, сделанные неуправляемой силой горных источников, они приближались к свету.

Перед парой открылось неохватное взором пространство. В целом это была грандиозных размеров пустота в скале, сравнимая разве что со скорлупой яйца, скрывающей под собой жизнь. Термальное озеро с чистой водой, пребывающей в постоянном движении, паровало, как сухая земля после дождя.

— Горячее озеро?! — шепотом спросил Ираклий.

— Это сказка! А водичка здесь на самом деле тепленькая! — улыбаясь, Лафита без комплексов показывала зубы со щербинкой, и эта «изюминка» отнюдь не смущала Ираклия. — Идем же!

Сняв через голову просторное платье, она осталась в хлопчатобумажной удлиненной майке серого цвета. Шикарные волосы, освобожденные из



~~~~~

тесного плена фиолетовой шали, упали обворожительными черными каскадами, укрывая худенькие плечи, руки и высокую молодую грудь девушки. Понимая, что ей далеко до совершенства, но, научившись жить с этим, Лафита с двояким чувством игриво манила желанного мужчину к себе. «А ведь красота не главное! Но как же приятно ловить на себе восхищенные взгляды, чувствуя себя предметом обожаний!»

Ираклий не спуская глаз, будто сканировал важный документ с чертежами отдельных деталей нового проекта, мягко опустил корзинку с продуктами под ноги. Горная пария (изгой) завлекала необъяснимым шармом и скромным невинным кокетством, неразгаданной тайной и общеизвестностью. Блеск очей и брызги разлетающихся свечений воды в перламутровой дымке королевства Лафиты сводили с ума.

Температура воды в неглубоком озере была на порядок выше, чем у берегов Лазурного моря Лорд-Хау (Австралия) в сорокоградусную жару. И когда Ираклий, не раздеваясь, окунулся, сразу же почувствовал заряд хорошего настроения и блаженства. Мокрая рубашка облепила широкие плечи, по небритой бороде стекали просвечивающиеся струи целебной влаги, волосы немного потемнели и пригладились назад, полностью открыв верхнюю часть лица: лоб с прорисовывающимися морщинками, густые брови и глаза, лукаво наблюдающие за Лафитой. Сев на берег, покрытый слоем грязи, она обильно намазывала руки желто-серым составом.

— Тебе помочь?!

За доли секунды оказавшись рядом, Ираклий зачерпнул ладонью осадочный слой ила. Эта масса подобная мази, насыщенной минеральными и органическими веществами источала острый запах сероводорода.

— Не нравится? – продолжая натирать себя грязью, Лафита заметила, как косметолог скривился. – А ведь природа дарит нам то, что не способен заменить ни один лазер.

— О полезных свойствах серы и вообще грязевых ванн было известно еще во времена Клеопатры. Но за один сеанс этим способом невозможно помолодеть на десять лет, – профессор коснулся лодыжки девушки и стал помогать ей равномерно наносить грязь. – А с помощью новых технологий это станет вполне осуществимо.

Не желая пока доказывать свою точку зрения, Лафита полностью отдалась процессу. Нежные руки Ираклия поглаживали бедра, пробуждая океан чувств, накрывающих с головой, словно безудержной волной стремления к неизведанным ощущениям. Точно читая по глазам, догадаться о желаниях девушки было несложно. Она, стыдливо опустив ресницы, тонкими пальцами начала расстегать мокрую рубашку...

Швейцария

Почтенный господин в дорогом костюме, опираясь на деревянную трость, тяжелой походкой приблизился к своему автомобилю. Опрятный водитель услужливо открыл дверцу, и вскоре черный «Rolls-Royce» освободил место на стоянке у ломбарда. Он мчался на всех парах по короткому и четкому поручению молчаливого господина, нервно теребившего удушливый галстук. «В комиссариат».

Аким Колеями, привыкший к размеренной спокойной жизни, ни как не мог прийти в себя после недавнего звонка комиссара полиции, сообщившего неприятную новость. Подумать только – уже второй раз за короткий промежуток времени его жену обвиняют в лихачестве на дороге. Последнее событие стало особым потрясением еще и потому что на 16:00 был заказ столик в ресторане по поводу юбилея «рыжеволосой старушки – уличной гонщицы, взбудоражившей тихий консервативный городок». На подержанном Крайслере, обычно перемещаясь со скоростью улитки, Венера Барбет умудрилась сбить пешехода. Ей грозит срок. И что больше всего поражало озадаченного мужчину – Венера пыталась скрыться с места происшествия; и не на автомобиле, что было бы логичнее, а бегом. Неужто она совсем обезумела?

Об аварии растрезвонили, похоже, на всю Швейцарию. Даже по радиоволнам доносились «подробности процесса обезумевшей пенсионерки»:

«Ранее неоднократно нарушающая правила дорожного движения, Венера Барбет, против

которой в этом году уже было возбуждено уголовное дело, снова сбила человека. На этот раз пострадавший, чье имя еще устанавливается, скончался на месте, не дождавшись приезда скорой помощи. Полиция все еще выясняет обстоятельства аварии, но одно ясно наверняка – безнаказанной гонщица не останется. Жители Люцерна возмущены подобным...»

— Выключи радио, – скомандовал Аким Колеями, решительно бросив галстук на заднее сидение и расстегнув верхние пуговицы.

Его побледневшее лицо исказилось от напряжения, мелкими точками выступал холодный пот на лбу, взъерошенные брови сошлись на переносице, и нижняя губа заметно дрожала. В безмолвии ревел мотор, приближая авто к центральному входу в комиссариат. Но Аким Колеями никак не мог заставить себя успокоиться. Он дряблыми руками из последних сил сжимал металлический кейс с немалой суммой денег. 200000 долларов, снятых со счета в банке, должны были стать платой за сапфировое ожерелье, но ими придется расплатиться за свободу жены – взбалмошной женщины, не умеющей сосредотачиваться на дороге.

Аким никогда не понимал женщин. Его поражала их способность одновременно красить губы и управлять автомобилем. Сколько раз он не пытался объяснить жене, что причиной дорожно-транспортных происшествий чаще всего является невнимательность – Венера Барбет уперто настаивала на своем: «У нас в стране равноправие».

~~~~~

Он нанимал ей шоферов, но ни один из них не выдерживал постоянных разговоров о маникюре, педикюре, депиляции и других сугубо женских штучках. Она будто специально доводила их до белого каления лишь бы самостоятельно рулить. И вот результат – труп, разбитая машина, залог в 200000 долларов, и нет ни какой гарантии, что суд признает его женой невиновной или хотя бы ей дадут условный срок наказания. А ведь вместо этого всего он мог бы подарить ей шикарное ожерелье и приятно провести праздничный вечер.

— Прибыли, – уравновешенный голос водителя отвлек Акима Колеями от рассуждений.

У желтых стен комиссариата в красочных ландшафтах декоративных деревьев успокаивающе журчал небольшой фонтан с прозрачной водой. Застывшие автомобили умиленно любовались целующейся парой, приземлившейся прямо на тротуарной плитке. «Нашли место!» – подумал Аким, выходя из машины. На миг задержавшись на месте, он поднял глаза к небу, где легкий ветер развивал высоко поднятый флаг. Безмолвно прося помощи, удрученный старик пошел к двери, прихрамывая на левую ногу.

За стеклянной преградой был иной мир. Суета и уловимое даже для слепых напряжение заставляли сердце набирать обороты, как мотор разгоняющегося автомобиля. Хватаясь за сердце, Аким прилаживал немало усилий чтобы дойти к столу, где немолодая женщина в форме, зажав телефонную трубку между ухом и плечом, лихорадочно перерывала стопку бумаг.

— Я могу поговорить... – мужчина, задыхаясь, еле заставил себя произнести слова, дающиеся с трудом.

— Вы что не видите, я занята, – не удосужившись даже глянуть в сторону, прошипела взвинченная леди в погонах.

— Я муж Венеры Барбет. Могу я... – но ему снова не дали договорить.

Столкнувшись с подобным безразличием, Аким Колеями не нашел другого выхода как вырвать телефон у женщины, округлившей от удивления глаза.

— Да что вы себе позволяете, – заорала та, привлекая внимание окружающих, и резко умолкла, когда рядом появилась фигура комиссара полиции, наградившего её укорительным взглядом.

— Господин Аким Колеями, – он протянул руку, густо краснея. – Очень жаль, что приходится встречаться при подобных обстоятельствах. Вы что-то неважно выглядите. Вам нездоровиться?

— Пустяки, Эрнесто, – желая скрыть истинное состояние, Аким заговорил сразу о делах. – Что будет теперь с моей старушкой?

— Пройдемте в кабинет, – молодой комиссар взял посетителя под руку и повел по многолюдному коридору.

— Понимаете, подобные происшествия шокируют всю Европу. Мало того, что ваша жена мчалась на скорости более 120 км/ч, так она еще и лишила жизни туриста. Репортеры, как стервятники, не упустят возможности полакомиться историями с

душком. А здесь пахнет репутацией города-курорта, – несмело заявил комиссар.

— Не робей, Эрнесто, мы хоть и соседи, но ты при исполнении, – старик похлопал его по плечу, когда тот открыл перед ним дверь, вежливо пропуская пройти.

— Вы присаживайтесь, а я сейчас приведу вашу «гонщицу»...

Однозвучно перемещалась секундная стрелка, накаляя и без того паршивые мысли. Но если во всем видеть только плюсы, то не все так уж и плохо. Очередные неприятности, свалившиеся на седую голову бизнесмена, вливают свежую струю в налаженную жизнь. Вновь появляется стимул бороться, к чему-то стремиться, и в который раз идти на жертвы ради любимой и неповторимой женщины во всем мире. Постукивая пальцами по кейсу, издающему глухой звук, Аким Колеями отвлекся, мысленно переносясь в далекое прошлое. «Моя очаровательная королева, согласна ли ты...» Сколько воды утекло с тех пор.

— Аким, – все тот же нежный и до боли родной голос окликнул его.

С лицом провинившегося ребенка жгучая шатенка в голубом платье невинно хлопала черными длинными ресницами. Красивая ухоженная женщина, словно не решаясь подойти, застыла в дверях. В её глазах «зеленело лето», и искры неиссякаемой энергии заряжали положительными эмоциями. «Жить позитивно!» – любимый лозунг Венеры. И даже несчастный случай на дороге меркнет перед удивительными чарами пенсионерки.

— Прости, все произошло настолько быстро, что я не успела ничего понять, — она осторожно коснулась напряженных плеч мужа. — Расслабься...

— Венера Барбет, ваша невнимательность будет очень дорого вам стоить, — комиссар передал Акиму бланк со счетом, на который нужно внести залог. — И советую вам нанять хорошего адвоката; иначе, сами понимаете, вам придется ответить за правонарушение по всей строгости закона.

— Эрнесто, вот деньги, — Аким раскрыл кейс. — Здесь ровно \$ 200 тысяч. Я доверяю тебе, и надеюсь, ты не откажешь мне в услуге закончить вопрос о залоге без нашего участия.

— Но только в виде исключения и уважения к вашему возрасту, — согласился комиссар. — Подпишите документы, и можете быть свободны.

Австралия

Всплеск воды сменился тишиной. Жаркие дыхания накаляли атмосферу под барабанные удары взволнованных сердец, и губы сами искали опьяняющей страсти. Лафита и подумать не могла, что неведомая сила сможет помешать осуществлению уже начавшегося сближения. Но что-то пошло не так. Заставив себя одуматься и не идти на поводу у чувств, она резко повернула голову в сторону. Прищулив черные глаза, как кошка, она всматривалась вдаль.

— Необычный шум. Слышишь? — она настороженно отстранилась, оставив Ираклия в недоумении.

— Тебе показалось, – не желая обращать ни на что внимания, Ираклий нежно обнял Лафиту, вдыхая не очень приятный запах сероводорода, наполнявший всё пространство пещеры.

— Нет, – Лафита непреклонно убрала его руки. И в этот момент поднялся неестественный гул. Будто ветер с разрушительной мощью ворвался в молчаливые лабиринты Корунда. Где-то в глубине проходов посыпались камни. Легкая волна из источника молодости всколыхнулась и выплеснулась к ногам застывшей на месте пары.

— Что это? – профессор наконец-то осознал, что находиться в пещере может быть опасно.

— Уходим, – прошептала Лафита, кинувшись забрать оставленное платье.

Подобных явлений ей еще не доводилось наблюдать: чтобы настолько ощутимо дрожали камни и гигантские сталактиты обрушивались вниз с пугающим грохотом. Но почему взбунтовалась гора? Всегда приветливая и спокойная она будто приветствовала хозяйку, а теперь? Что её напугало? Теряясь в догадках, Лафита поторопила Ираклия, ни на секунду не прекращая думать о странных разрушениях. – Скорее, пока проём не завалило камнями.

Полумрак смешался с пылью, и непроглядная стена застелила выход из купального зала. Мелкие частицы колючим песком вызывали слезы, но, только не смыкая глаз, можно было спастись, как можно скорее вырвавшись из цепких лап каменной неприятельницы. И Лафита с профессором бросилась вперед. Позади на недоступной высоте остался

открытый коридор к чистому небу, через него все еще проникал дневной свет, а клубы тяжелого воздуха напористо рвались наружу. Окинув взглядом своё излюбленное место, Лафита, словно мысленно прощалась с ним. Ведь если тонкая скорлупа разрушится, и груды камней завалят источник – не будет больше ни молодости, ни здоровья, неугасающих годами, десятилетиями и даже веками. Не будет и секрета, о котором она хотела в ближайшем будущем рассказать косметологу.

— Похоже, нам придется искать другой путь, – взволнованный голос Ираклия вновь вернул Лафиту к жизненным проблемам. Нужно было спасать свои жизни.

— Дорога перекрыта, – в ужасе девушка схватилась за голову, отчаянно стараясь собраться с мыслями.

— Может налево?

— Там тупик, – застряв в каменном царстве, Лафита мысленно винила себя, что повела с собой купаться косметолога. Неужели всё дело в нем? Что если нельзя посвящать в тайну молодости посторонних? Что если гора подобным явлением выражает протест, и этот танец разбитых сталактитов свидетельствует о её недовольстве? Бред, – не могла успокоиться девушка.

— Что же нам делать? Ты хорошо знаешь это место? Должен же быть какой-то выход? – рука Ираклия сильнее сжала влажную ладонь озадаченной Лафиты. Умирать от нехватки кислорода либо быть раздавленным неподъемным куском скалы вовсе не хотелось. Тем более не теперь, когда в его жизни

~~~~~

появился человек значимый гораздо больше, чем опыты и исследования в области науки.

— Проём в купальном зале? — мелькнула мысль и тут же погасла. — Но даже если у нас получится подняться вверх по отвесной скале, то мы не сможем спуститься снаружи. Там обрыв, а внизу камни похожие на шипы, — Лафита заплакала, представив, как они летят с высоты вниз, и при падении их тела пронзают острые осколки.

Рефлекторно обняв испуганную девушку, желая утешить, Ираклий обдумывал план спасения. Безвыходных ситуаций не бывает. Но в данном случае все было против них. И грохот падающих и разбивающихся камней в очередной раз напомнил, что ловушка захлопнулась.

— Не плачь, — ощущая вздрагивания хрупкого тела, он чувствовал себя обязанным принять меры, и во что бы то ни стало вывести девушку на чистый воздух.

Над головами мрачным куполом нависали камни, неся угрозу жизни. «Яичная скорлупа» треснула, открывая небо и роняя тяжелые обломки, с грохотом ударяющиеся о «берега» парящего озера. Прижавшись друг к другу, молодые влюбленные не видели, как в одной из пещер над их головами промелькнула чья-то тень. И лишь когда донеслись отдаленные отголоски дикого нечеловеческого смеха, Лафита поняла — это не гора противится появлению незваного гостя, а какой-то «незванный гость» противится появлению мужчины в жизни Лафиты.

— Кто-то решил замуровать нас в скале, — вслух предположила девушка, отбегая назад к озеру и

поднимая глаза на непреступную стену, в которой были и другие пустоты помимо округлого входа, заваленного камнями.

— А я то думал это землетрясение или...

Ираклий не договорил, потому что в расщелине откуда ни возьмись появилась сгорбленная фигура седовласого старика. Он смотрел смеющимися глазами и его подбородок гордо выпирал вперед. Серый плащ развивал легкий ветер, и что-то в этом образе показалось профессору знакомым. Но что именно, он никак не мог вспомнить, в отличие от Лафиты, без труда определившей, кто же наблюдает за ними сверху.

— Ракша? – её удивлению не было предела.

Но как он оказался здесь, и что ему нужно? Сама себе задавая вопросы и тут же отвечая, Лафита в очередной раз убедилась в людской жестокости и зависти к её молодости. А только ли это стало причиной коварного замысла старого управляющего? Может, он еще и приревновал её к косметологу? Путаясь в догадках, девушка гордо подняла нос, ожидая нелестных слов в свой адрес.

— Ну что, вековая хранительница тайны, не ожидала? – надменный голос старика вырвался из тонких губ, искривленных в злобной усмешке. — Хотела наверно и этого «свалившегося с небес» сделать таким же, как ты? И чем это он показался тебе лучше меня? – Ракша бросил презренный взгляд в сторону Ираклия.

Профессор, не понимая, о чем говорит недоброжелательно настроенный старик, заметил вспышки гнева на лице Лафиты. Он еще не видел её

такой, да и зрение вернулось к нему не так давно. Что за тайны? Этот вопрос засел глубоко в его мозгу.

— Лучше! Да! – словно бросила вызов девушка. – Он бы не стал провоцировать падение сталактитов лишь бы показать своё превосходство! – она кричала уже не боясь, что от её возгласов обрушится очередной «каменный дождь».

— Даже если бы знал, что ты ведьма? – заливался истерическим смехом Ракша. – Или твоему избраннику тоже лет 70?

— Не твое дело, – огрызнулась Лафита, и хотела что-то еще язвительное добавить, но её внимание отвлекли острые «сосульки» прямо над головой старика. Они дрожали и были готовы оторваться и обломать острые шипы о каменные основания, пронзая все, что можно на своем пути. Поэтому девушка, вынудив себя искусственно смеяться, решила бороться со старым воздыхателем его же оружием – заставить камни падать вниз.

— Не буду вам мешать, голубки, – собираясь скрыться, бросил Ракша, – ваш источник молодости станет вашим источником смерти.

Это последнее что он сказал до того, как его накрыло бахромой хемогенных отложений. После шумного падения сталактитов в пещере воцарилась леденящая души тишина, и вопросы в круглых от удивления глазах профессора так и оставались пока не озвученными.

Вновь откинув платье, сжимаемое в руках, Лафита с облегчением выдохнула, расслабив напряженные плечи. Клубы пыли все еще витали в воздухе, постепенно оседая. Выход был завален, а

подняться вверх к расщелине, где неподвижное тело Ракши осталось лежать под горами обломков, было бы сверхъестественным в таких условиях. Чтобы хорошенько все обдумать девушка, как ни в чем не бывало, вошла в воду и, окунувшись с головой, отплыла к своему любимому месту, где можно было полежать, наслаждаясь теплой слегка бурлящей водой. Опустив ресницы, она чувствовала, как жизненная энергия вновь наполняет тело, все тревоги отходят на задний план, и воспоминания о нежных поцелуях выталкивают навязчивые мысли о тупиковом положении.

Ираклий застыл на месте, не понимая, что происходит. Как можно безмятежно вкушать блаженство от купания в озере, когда творится подобный хаос? Он видел над головой небесную синь, солнечные лучи достаточно ярко освещали каменные руины, но выбраться из плена массивных стен казалось невозможным. Ощущать себя запертым в клетке профессору не хотелось. Безвыходность тяготила сознание, и загадочные слова ненормального старика не выходили из головы.

— Лафита, ты ничего не хочешь мне объяснить? — Ираклий не сдержал растущего интереса и засыпал девушку вопросами. — Как ты можешь с невозмутимым лицом нежиться в озере? Что этот старик имел в виду, когда назвал тебя ведьмой? При чем здесь «вековая хранительница тайны»? И почему это мне 70 лет? — он обошел источник и, оказавшись рядом с девушкой, тоже опустился в воду.

Больше всего Лафита опасалась реакции профессора на свой возраст. Сможет ли он понять и

простить её? Не так отягощали мысли о замкнутом пространстве, как боязнь огорчить Ираклия правдой. Но рано или поздно она все равно хотела поведать ему о целительных свойствах источника – для этого и привела его сюда, желая приоткрыть завесу тайны и тем самым частично осуществить мечту косметолога «дарить людям молодость». Ведь вода, а не искусственный луч лазера, способна творить чудеса. Но не любая вода, а только та, которая бьет струями из недр земли, неся с собой группы уникальных элементов, которых нет в других водоемах.

— Я тебе нравлюсь? – Лафита осторожно коснулась его руки, глядя в его голубые глаза.

— Да... – замаялся профессор, – но я все-таки хочу получить ответы на свои вопросы.

— Тебе не кажется что это озеро особенное?

— Особенное? Ну, да. Оно словно спрятано ото всех, как желток за прочной скорлупой. И эта каменная оболочка преграждает нам путь назад.

— Мы выберемся, – уверенности Лафиты можно было бы позавидовать. Она отказывалась воспринимать тот факт, что «источник молодости станет источником смерти». Надежда теплилась в её сердце.

— Только каким образом, я не догадываюсь. И что все-таки связывало тебя с Ракшей?

— Да ничего не связывало. Вот он и разозлился, когда понял, что у меня есть ты.

— Но у вас ведь немалая разница в возрасте...

— Да, ты прав. Разница примерно в 50 лет. Только вот есть одно «но»... На самом деле это я старше Ракши.

— Ты шутишь?

— Нет. Я и есть «вековая хранительница тайны» омолаживающего источника гор Корунда. Мне больше века, Ираклий. Поэтому смело могу тебя заверить: все твои опыты ничто по сравнению с силой этой воды, – признавшись, Лафита облегченно вздохнула. Все карты раскрыты, и выбор за профессором.

— Но почему ты сразу не сказала...

— А что я должна была сказать? «Мне 120 лет»? И как бы ты это воспринял?

— Но это невозможно, – Ираклий, словно не веря своим глазам, в который раз коснулся нежной кожи девушки. Она была гладкой, излучающей здоровье и молодость.

— Это возможно благодаря коллоидным минералам, Ираклий. Вода, поднимаясь вверх, проходит через различные слои Земли, самым нижним из которых миллионы лет. Из минерализованных остатков растений вымываются полезные элементы, и вода насыщается уникальными живительными компонентами, – коротко объяснила Лафита.

— Ты не разыгрываешь меня?

— А для каких целей мне говорить тебе неправду? Наоборот, я хотела и сама во всем признаться, за одно и раскрыть секрет долголетия. Ведь если ученые всерьез занимаются разработками всяких механизмов, непонятным образом воздействующих на кожу, то они, то есть ты как один из них, должен заинтересоваться альтернативным способом омоложения. 100% гарантированной

молодости, – не очень то радостно говорила Лафита, словно желала по-прежнему оставаться избранной «королевой», не такой как все.

— И ты 120 лет провела в горах в полном заточении, если не считать нечастых походов в деревню старика Ракши? – Ираклий хотел встать на место девушки, уловить ход её мыслей, понять, почему она одинокая и сторонится людей. И он предвидел бесспорный ответ: «Она хранила тайну, передаваемую с поколения в поколение; а здешние люди видимо называют нестареющих долгожителей ведьмами, преследуют или даже лишают их жизни, так же и хотел разделаться с Лафитой Ракша, спровоцировав обвалы сталактитов».

— Не совсем «в полном заточении», – Лафита отчетливо вспомнила свою деревню у подножия горы. – Когда-то я была обычной, как мне казалось, босоногой девочкой, играла с другими детьми, радовалась весенним цветам и летнему солнцу. А, повзрослев, я стала чувствовать себя неполноценной из-за нестандартной внешности. Надо мной смеялись, обзывали уродиной. Находиться среди людей было с каждым годом все тяжелее. Горький вкус обиды не давал мне дышать, боль сжимала сердце, а издевательские голоса летели мне вслед «длинноногая».

— Не плачь, – Ираклий прижал её к груди, поглаживая по мокрым волосам.

— А потом нас с бабушкой изгнали из деревни. В тот день все жители собрались на рыночной площади. Они, скорее всего, заранее все спланировали. Крики и обвинения посыпались в

адрес бабушки Руби. Нас едва не забили до смерти камнями... – Лафита всхлипывала, дав волю слезам.

– И мы ушли высоко в горы.

— А где твоя мама? Почему она не растила тебя?

— Мама пропала без вести сразу после моего рождения. Я ничего о ней не знаю.

— Прости, я разделяю твои чувства. Моё детство прошло в стенах приютского дома для сирот. И это все при живых то родителях, бросивших меня на произвол судьбы. Я понимаю, как больно ощущать себя никому ненужным, забытым и покинутым, – Ираклий еще крепче обнял Лафиту, стараясь утешить.

Он бы хотел сказать «теперь мы есть друг у друга», но положение, в котором они оба оказались по вине Ракши, не позволяло надеяться на счастливый финал. Обреченность умереть от голода или же разбиться о скалы навязывала иные мысли: «Неужели я выжил в авиакатастрофе только для того чтобы умереть, замурованным в пещере в объятиях столетней старой девы?»

Швейцария

Дейк Ломан тщетно старался скрыть негодование, когда ему сообщили, что Аким Колеями уехал по личным делам и сегодня уже не появится на рабочем месте. Он, скрипя зубами, сжал кулаки и с недовольным видом покинул фойе ломбарда. Как человек, тщательно планировавший предстоящие события, Дейк не любил когда что-то идет не по продуманному сценарию. Но злость и огорчение от

~~~~~

несостоявшейся сделки подмывали его на необдуманные действия. Жажда денег не давала ему мыслить трезво. Когда им овладевали подобные чувства — происходили самые жуткие истории, которые потом хотелось вычеркнуть из «послужного списка».

Переходя улицу, Дейк лишь на короткое мгновение вспомнил компаньона Манфреда. Возможно, этого и не произошло, если бы расписная иномарка не пронеслась мимо него на скорости, явно превышающей допустимые нормы. «Манфред, Манфред, тебе не повезло». Прикурив и спрятавшись в тени деревьев, Дейк задумчиво изучал фасад ломбарда. Проникнуть в офис Колеями через окно было бы безумием — «объект находится под охраной». К тому же комиссариат полиции здесь недалеко. Но желание вскрыть сейф господина Колеями было настолько велико, что Дейк был готов на любые авантюры, даже ворваться в помещение и заявить «Это ограбление». Но такой вариант не прельщал опытного грабителя. Ему хотелось внести разнообразия, чтобы позабавиться и в очередной раз примерить венок с «воровскими» лаврами.

Не спеша прогуливаясь, Дейк ни на что не обращал внимания. Но когда некий полицейский с чемоданчиком вышел из-за подворотни, он интуитивно последовал следом. «Никак комиссар направляется в банк!» Нащупав карманный нож, Дейк Ломан не дожидаясь удобного случая, резко затащил полицейского в непроглядные декоративные насаждения. Опытным приемом оглушив, он радостно подхватил массивный кейс.

«Не пришлось даже использовать оружие!» Вывернув карманы обездвиженного мужчины, он нашел ключи, удостоверение личности и значок. А главное, глядя на спец форму, Дейк решил проявить свои театральные способности и хоть на короткое время почувствовать себя защитником общества.

Первым делом Дейк открыл чемоданчик. Плотно уложенные пачки денег вызвали бурю эмоций, преобладала над которыми радость обладания крупной суммой денег. словно не желая отрывать обезумевшие от неожиданного счастья глаза, Дейк испепелял взглядом зеленые купюры. «Сегодня я опять богат!»

Большинство людей не могут вовремя остановиться и сказать себе «Стоп». Им мало того, что есть, пусть еще недавно не было совсем ничего. Так и Дейк, одержимый желанием все-таки обчистить сейф Акима Колеями теперь уже не столько из-за денег, а скорее, чтобы потешить задетое самолюбие временным отказом от сделки, торопливо раздевал несопротивляющегося полицейского.

Со стороны тротуара доносились шаги прохожих, но никто не желал проверить, что за возня происходит в кустах. Человеческое безразличие порой настолько безгранично, что ни в одни рамки не входит. Равнодушие к происходящему вокруг давно стало нормой, и все меньше и меньше становится тех, кто готов вмешаться, противостоять и не позволить злодеям творить свои черные дела. И Дейк Ломан нисколько не сомневался, что никто не осмелится нарушить его планы, первым пунктом

~~~~~

которых всегда были деньги. Его не волновала политика и власть, тяжелое положение голодающих семей Эфиопии, нищенское существование стариков. Ничего кроме чрезмерного влечения к богатству. В его понимании роскошь – это возможность купить любую понравившуюся вещь, а жизнь – магазин, где все продается.

Перевоплотившись в блюстителя порядка, Дейк растасовал по всем карманам пачки денег, застегнул все замки на снятой куртке и самоуверенно пошел назад. Презренным взглядом наделив старушку, кисло повесившую нос над шляпой с мелочью, он бросил ей звонкие монеты, отягощающие чужие брюки.

— Храни тебя Бог, сынок, – прошептала та, дожевывая черствый кусок хлеба.

— Не нужен мне такой хранитель, бабуля, – возмутился Дейк. – Что дал тебе твой Бог? – он задал риторический вопрос и, не дожидаясь ответа, ускорил темп.

— Совесть, сынок, – прикрыв ладонью крестик, прощупывающийся под грязным платьем, сказала старушка. – Совесть, которая есть не у всех. И это мое единственное богатство...

Австралия

Отдаленные противоестественные звуки все отчетливее вырисовывались в знакомую музыкальную картину серой Арники. Лафита уловила приближение своей любимицы, явно обеспокоенной долгим отсутствием хозяйки.

Назойливый и протяжный кошачий крик доносился сверху через огромную прореху в рухнувшем потолке пещеры.

— Кис-кис-кис, моя хорошая девочка, — позвала Лафита, ожидая появления кошки. Но к удивлению, о камни зацепился металлический крюк с привязанной веревкой.

— Скалолаз? — Ираклий недоуменно попытался сообразить, кто же это поднимается по скале.

— Здесь никогда ничего подобного не происходило, — еле слышно произнесла девушка, опасаясь встречи с неизвестным горовосходителем. — Но я уверена, что этот неугомонный зов принадлежит моей Арнике.

— Только не говори, что твоя кошка занимается альпинизмом?! Это невозможно! — улыбнулся он, все же уверовав в скорое спасение.

— Моя пушистая красавица! — закричала Лафита, прихлопывая в ладоши, как малое дитя, увидев свою кошку на краю склона. — Она нашла меня!

Серая кошка безо всяких веревок неуклюже топталась на вершине. Она пронзительно громко мяукала, распушив длинный хвост и сверкая зелеными глазами.

— Похоже, Арника привела нам спасителя, — сделал вывод Ираклий, прислушиваясь к постороннему шуму за пределами пещеры. Вскоре рядом с крюком появились большие широкие ладони в желтых защитных перчатках, специально применяемых скалолазами при работе с веревкой.

В ожидании увидеть лицо выносливого спортсмена, не побоявшегося подняться по отвесной

~~~~~

скале вслед за чудом взобравшейся кошкой, Ираклий и Лафита трепетно надеялись на освобождение из плена обрушившихся сталактитов.

Коренастый мужчина, ослепленный ярким солнцем, щурясь, всматривался в полумрак пещеры. Он был в панаме-афганке цвета мокрого песка, идеально сочетавшейся с камнями скалы, и туристической одежде с явными элементами страховочного альпинистского снаряжения (ремнями и обвязками). Лафите с ним ранее встречаться не доводилось, зато Ираклий узнал бы своего двоюродного дядю Роберта и не в таком наряде.

— Дядюшка, — обрадовался Ираклий.

— Занесло же тебя, столичный косметолог, в эту глухомань! — наконец-то разглядев племянника с черноволосой девушкой, заговорил Роберт. — Я смотрю, вы там никак застряли?

— Но ты же сможешь нас отсюда вызволить?! — Ираклий уверенно подошел ближе, ведя за собой Лафиту.

— Думаю, что да. Хотя скала в этом месте хрупкая и основание небольшое, но будем надеяться на лучшее, — он ловко опустил вниз веревку. — А вот если бы не эта чуткая кошечка, я бы и понятия не имел где тебя искать. Я и дом то с трудом разыскал, и то благодаря следам авиакатастрофы и подробному описанию доктора Севергина.

— Я же говорила, это моя Арника призывающее звала, — с гордостью промолвила девушка, улыбаясь профессору.

— А это мой дядя Роберт, о котором я тебе рассказывал! Если бы не он, наши шансы на спасение

были бы невелики, – Ираклий нежно обнял Лафиту за талию, сияя то ли счастьем от нахлынувших эмоций, то ли от предвкушения их совместного времяпровождения за пределами заточения.

— Я смотрю, ты время зря не терял! – Роберт шутиливо прервал романтическую сцену. – Помогите лучше девушке закрепить веревку, потом будете обниматься.

... Без подготовки Лафита неумело хваталась за выступы, осознавая полное отсутствие ловкости и точности движений. Прилагая всю силу, она упорно карабкалась вверх, ощущая прилив адреналина. И пусть она не овладела в достаточной степени азами альпинизма, но подъем по скале доставил небывалое удовольствие.

— Роберт Дупель к вашим услугам, мисс, – мужчина подал руку, предварительно сняв перчатку.

Во всей «красе» пред ним предстала бледнокожая девушка с откровенно несимпатичными чертами: и чрезмерно длинный нос, и непропорциональное лицо с выступающими скулами и маленьким лбом в виде полумесяца. «Неужели Ираклий ради этой дикарки отложил важные дела?» – недоумевал Роберт, все еще изучая внешность Лафиты.

— Благодарю вас, – приятный голос привлек внимание к пухлым губам и зубам с широкой щербинкой. «Чем же она могла искусить такого зануду-профессора, не интересующегося ранее даже девушками с модельной внешностью?»

— Ираклий, твой черед штурмовать преграду! Покажи класс! Или ты уже разучился?! –

~~~~~

подзадоривал энергичный дядюшка Роберт, вовсе не такой уж и старый, как предполагала Лафита.

Дождаясь восхождения Ираклия, девушка с благодарностью гладила Арнику, сменившую настойчивые громкие возгласы на мелодичное мурчание. Краем глаза она наблюдала за ловкостью и мастерским проворством своего косметолога, оказавшегося неплохо знакомым с коварством скал.

Железная хватка и уверенность прослеживалась в каждом движении. Сильнее инстинкта самосохранения было желание побить еще один рекорд. Не так часто за годы углубленных научных работ профессору доводилось переживать эту степень риска. При подъеме, побеждая трудные участки, он словно чувствовал крылья за спиной, и образ богини в сиреневых облаках маняще звал его к цели. Без вспомогательного инвентаря, но с яростным рвением показать себя всесторонне развитым, Ираклий играл выпуклостями мышц, демонстрируя свое тело. Он знал, что женщины без ума от сильных мужчин с красивым телом, и подсознательно хотел нравиться Лафите. Именно ей, а не любой другой смазливой девушке из испорченного распущенностью и безнравственностью общества крупных городов.

— Bravo! Узнаю бывалого альпиниста! – Роберт с искренней светящейся улыбкой обнял Ираклия, похлопав его по плечу.

— Рад тебя видеть! Но не думал, что ты так скоро вырвешься из пресловутой паутины кафедральных обязанностей.

— Да ради отдыха среди первозданных творений природы можно было вылететь сразу, как только был получен сигнал. Я теперь понимаю, чего это ты удумал устроить себе внеплановый отпуск! – он окинул восхищенным взглядом открывшиеся просторы зигзагообразных хребтов, поросшие зелеными лесами, луга и желтеющие холмы, опаленные высоким солнцем.

— Красочные пейзажи далеко не первая причина моего решения, – Ираклий нежно взял за руку Лафиту, скромно опустившую озорные огоньки выразительных глаз. – Благодаря этой загадочной девушке, я не погиб как остальные. И выжив после взрыва, я понял, что у меня еще есть незаконченные дела, результаты которых будут иметь колоссальное значение для всего человечества. Я, как и раньше, хочу противостоять старению, но теперь у меня появились новые идеи.

— Похвально! Но я все-таки предлагаю спуститься для начала, – Роберт закрепил веревку, начиная спуск, в то время как пушистый серый комок резиновым мячиком в считанные секунды оказался на узкой тропинке, ведущей к засыпанному входу в пещеру.

— Само собой! Надеюсь, ты захватил мне что-то из одежды? – Ираклий, глядя на безукоризненный наряд дядюшки, с жалостью посмотрел на свой ободранный вид.

— Не хочу тебя огорчать, но твоим вещам не нашлось места в моем рюкзаке. Патриция любезно выбрала из твоего гардероба пару рубашек, ну и все что полагается, но я все сложил в небольшую

дорожную сумку, которую так и не довез. Прости, дружище, но придется тебе возвращаться в столицу в таком ужасном виде. Представляю, как отреагирует твоя соседка! – рассмеялся Роберт.

— Не довез? Мои вещи украли?

— А кто такая Патриция? – недоверчиво Лафита взглянула в сторону Ираклия.

— Эта сексапильная блондинка с длинными ногами! Соседка нашего косметолога!

— Только соседка, – повторил Ираклий, догадываясь, что могла подумать Лафита.

Разговоры о блондинке, которая, судя по всему, очень симпатична Роберту, вовсе не понравились Лафите. Но, стараясь не выставлять на показ своего недовольства, она продолжила спуск.

Швейцария

Мужчина в очках недоуменно уставился на посетителя сквозь стеклянную витрину. В безлюдное фойе ломбарда вошел полицейский. Его лицо казалось очень знакомым, и в тоже время он не являлся одним из клиентов. Их взгляды пересеклись, и легкий холодок нехорошего предчувствия пробежался по окаменевшим ногам работника. Не сдвигаясь с места, он прокручивал в голове варианты, но никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах они могли встречаться.

— Эрнесто Обалделый, – представился вошедший, предъявив документы. – Поступил сигнал, что в офисе Акима Колеями заложена бомба. Откройте кабинет. У нас мало времени, – с

нешуточным видом тот закатил рукав, обнажая циферблат часов.

— Бомба?! Этого не может быть, – возразил перепуганный служащий, но, поддавшись серьезности полицейского, он все-таки поспешил выполнить его приказ.

Дрожащей рукой открывая неподдающиеся замки, доверчивый человек стал очередной жертвой безжалостного Дейка.

Переступив через неподвижное тело, он сразу подошел вплотную к стене, предположительно таящей в себе ценные бумаги, деньги и украшения. Хотя если бы Дейку нужны были только украшения, он не стал бы возиться с сейфом. Желание отомстить Колеями, а заодно и потешить свое самолюбие были важнее дорогих безделушек. К тому же у него было сапфировое ожерелье, за которое можно было получить большие деньги почти у любого ценителя драгоценных камней. У Дейка было и \$ 200 тысяч. Казалось бы, что еще надо? Но сделать пакость многоуважаемому господину Акиму Колеями не каждый бы осмелился. Поэтому Дейк считал «делом чести» взломать его сейф.

Глухие щелчки сменялись звонкими дробями. Приставив ухо к металлической дверце, Дейк осторожно поворачивал ручку с кодовыми цифрами. Не зная нужных комбинаций, попытка взломать сейф могла бы оказаться неудачной. Но настойчивости преступников можно позавидовать, плохо лишь то, что они направляют свою энергию не в то русло. Меняя отмычки, проворачивая их против часовой стрелки вместе с дверной ручкой, Дейк все-таки

уловил два звуковых сигнала. Победа близка. Но после того как загорелась желтая лампочка, он понял, что не все так просто. Нужно было опять подбирать другую комбинацию, а это могло быть любое число, состоящее от 3 до 8 цифр.

«Видимо я родился под счастливой звездой!» – с довольной улыбкой произнес Дейк, когда повторно раздался звуковой сигнал и погасла лампочка.

В несгораемом ящике действительно были деньги, но не так много как рассчитывал грабитель – \$ 100 тысяч, не больше. Дейк Ломан выскреб все до последней бумажки и небрежно запихнул за пазуху; протер рукавом возможные отпечатки пальцев и подумывал уже уходить, но деньги буквально сыпались при каждом новом шаге – пришлось аккуратно расфасовать награбленное.

Манящая витрина так и завлекала: «Возьми золото, сложи в носки, трусы, обувь, пока есть такая возможность!» И окрыленный жадностью, Дейк пошел на поводу ненасытного желания иметь, иметь и еще раз иметь. Но в погоне за наживой, потерял то ради чего и обратился в ломбард. Сапфировое ожерелье так и осталось лежать на полу среди других разбросанных украшений.

Австралия

Ираклий, изъявив желание помочь Лафите с приготовлением обеда, оставил дядюшку Роберта нежиться в ароматных травах на богатом лугу недалеко от перекошенного дома.

Признание девушки в долголетьи наталкивало на разносторонние вопросы, но и без её неопровержимого согласия он не осмеливался затрагивать тему проведения лабораторных исследований ни воды из источника, ни внутреннего состояния «хранительницы тайны». А для всех этих экспериментов нужно было возвращаться в столицу. Но как же омолаживающий лазер, значение которого утратило первоначальный интерес? Если на самом деле Лафите 120 лет, и секрет её молодости только в особенности состава минеральных вод, то о лазере можно и не думать. Ведь ни один лазер не сможет продлить жизнь человека на века. Да и сохранить свежесть кожи в столь позднем возрасте пока невозможно.

— Лафита, ты не станешь возражать, если я попрошу дядю провести анализ воды из термального озера? – Ираклий все-таки решился прямо признаться девушке в своих планах.

— А что будет дальше? После того, как всем станет известно о живительных свойствах воды из источника гор Корунда? – Лафита разрывалась между желанием сохранить тайну и возможностью продлить людям молодость. Но её пугала вероятность раздоров из-за права обладания источником. – Что если появится злой человек, обнесет гору колючей проволокой, скажет «это всё моё» и не даст другим пользоваться даром природы? А еще хуже – будет продавать за большие деньги то, что ему не принадлежит?

Профессор сосредоточился:

~~~~~

— О пользе термальных вод было известно еще в Древнеримской империи. В современном мире не для кого не секрет, что вода способна оказывать благоприятное воздействие не только на кожу, но и на весь организм. Вот только наукой до сих пор не был засвидетельствован факт неиссякаемой в течение века молодости. Пока эти предположения что-то из ряда фантастики. Но если я смогу доказать, что тебе 120 лет, люди в будущем смогут жить дольше, а главное они будут полны здоровья!

Ираклий медленно помешивал кулеш в засмоленном котелке, не спуская глаз с Лафиты.

— Хорошо. Будь по-твоему, профессор. У Роберта есть снаряжение, и ему не составит труда спуститься в пещеру, чтобы зачерпнуть воды для анализа. А можно и не рисковать жизнью лишней раз, потому что здесь совсем близко из горы бьет небольшой ключ. А ниже между холмами есть еще один водоем для купания. Вода там немного отличается от той, что в пещере, но тоже теплая, а значит идет с самих недр земли.

Ираклий снова задумался:

— Лафита, то, что вода теплая еще не значит, что она продлит жизнь на века или излечит от имеющихся недугов. На Земле во многих странах есть курортные города, имеющие и холодные, и горячие термальные источники. Особенно в тех государствах, где множество вулканов и чьи недра в буквальном смысле слова разбиты частыми каналами подземных вод. Но даже в городах-курортах до 100 лет доживает лишь малая доля от общей численности людей. А людей старше 110 лет можно сосчитать по

пальцам. Официальный рекорд пока держит француженка Жанна-Луиза Кальман (Jeanne Louise Calment), скончавшаяся в 1997 году в возрасте 122 лет (21.02.1875 - 04.08.1997, Арль, Франция)*(Официальные данные специального комитета, отслеживающего жителей планеты старше 100 лет на 28 июня 2007 года).

— 122 года не предел, — коротко ответила Лафита.

— Если бы ко мне не вернулось внезапно зрение, а теперь я понимаю, что это произошло благодаря воде, если бы мои раны после авиакатастрофы не зажили как на кошке, я бы глубоко сомневался в столь сильном воздействии коллоидных минералов на организм. Я верю тебе, — он мягко прижал Лафиту к груди. — Но есть еще кое-что, — опасаясь отказа, Ираклий пытался подобрать убедительные слова. — Я знаю, ты любишь горы, считая себя едва ли не единственной их обительницей. Ты их королева, не побоюсь этого слова — ангел-хранитель чудодейственного источника. Но я все-таки попрошу тебя покинуть их на время, и отправиться со мной и дядюшкой в столицу. Что скажешь?

— Честно, я боюсь перемен, — призналась растерянная девушка, взвешивая все «за» и «против». Тебя интересуют только исследования? Ты хочешь превратить меня в подопытного кролика? — Лафита на самом деле так не думала, чувствуя симпатию и интерес к своей скромной персоне еще задолго до того, как поведала Ираклию свою тайну. Но сомнения не давали ей спокойствия.

— Нет, что ты? – профессор категорично опроверг её предположения. – Доверься мне, – голос был пронизан заботой и чувственным трепетом. – Я не позволю никому обидеть тебя или сделать больно, – ласковым шепотом он обжигал открытую шею, невольно заставляя Лафиту поддаться. – Верь мне. Я не причиню тебе зла.

— Я верю, – только и успела произнести Лафита, как горячие губы смелым и требовательным поцелуем лишили её возможности не только говорить, но и думать.

Ираклий испытывал несдержанное желание ласкать юную особу, но застенчивость не позволяла ему пройти тайфуном по упругому телу. Руки будто окаменели и застыли в напряжении на нижней части спины девушки. Он слышал стук её сердца, ощущал неудержимую дрожь, и сам все больше утопал в силе накатившегося влечения. Но зайти дальше поцелуев не рисковал.

— Ох, – еле вырвавшись из стальных объятий, принудив себя прервать волнительные соприкосновения, Лафита не могла отдышаться.

— Так ты поедешь со мной? – продолжая целовать, профессор не мог так быстро уgomонить свой пыл.

— Да, но если ты пообещаешь вернуть меня обратно сразу после того, как убедишься в моем истинном возрасте, – еле собравшись с мыслями, она ответила, поедая глазами покрасневшие от поцелуев губы своего косметолога. «Своего» потому что вера в их совместное будущее ослепляла и затмевала разум. Казалось, их связывает невидимая нить и они

непременно должны быть рядом. Позабыв поучения бабушки, по главному из которых она прожила более трети жизни, эгоистично любя себя одну, Лафита чувствовала, что желание любить и быть любимой созрело.

— Как скажешь, – Ираклий взял её за руки, нежно поглаживая тонкие пальцы. – Ты только ничего не бойся. Знай, что я с тобой. Столица может показаться тебе устрашающей, как и любое новшество, но и в этом есть свои плюсы. Ты увидишь мир за пределами гор Корунда!

— Я как раз хотела внести разнообразия в свою жизнь. Еще до падения самолета я подумывала, что жить 300 лет в одиночестве скучно. Но, как я уже говорила, я люблю свои горы и боюсь перемен.

— Ничего не бойся, я буду с тобой, – приободряющий голос профессор мог успокоить так же, как и завести.

Запах пригорелого риса отвлек влюбленных от разговоров и проявлений симпатии друг к другу.

— Наш обед! – оживленно вскрикнула Лафита, склонившись над котелком, и принялась помешивать бурлящее содержимое.

— Это я виноват, – профессор отнял у неё деревянную ложку и стал вытаскивать черные комочки крупы.

Швейцария

В изысканном ресторане с незабываемым современным дизайном под легкую ненавязчивую музыку танцевали пары. Среди гостей, имеющих

возможность позволить себе окунуться в атмосферу дорогостоящего тепла и уюта, были и Венера Барбет с мужем Акимом Колеями.

Услужливый персонал, способный удовлетворить даже самого привередливого клиента, всегда были наготове выполнить любую прихоть, будь то особый вид виски или же дорогие кубинские сигары. И поддавшись желанию расслабиться, господин Аким одним щелчком пальцев сбросил с плеч недавние тревоги. Утопая в комфортном мягком диване, он со спокойным лицом пил свежий морковно-яблочный сок, потягивая фруктово-ментоловый дым из кальяна, наполняющий легкие ароматами экзотики.

Рядом с ним была вторая половинка – на удивление молчаливая и задумчивая «гонщица». Аким решил отложить до завтрашнего утра важные дела, но план действий время от времени непринужденно всплывал перед глазами. Говорить о проблемах вовсе не хотелось, тем более в столь важный день в жизни Венеры. Ведь не каждому дано сохранить жизненную силу, и в 250 лет выглядеть на 80. Его горная красавица, поделившаяся с ним секретом молодости, вызывала все те же светлые чувства, что и 120 лет назад, когда он спас её от разъяренного аборигена в Австралии.

— Дорогая, может ну их – безалкогольные напитки?! – Аким накрыл горячей ладонью ухоженную ручку супруги, и, не дожидаясь ответа, подозвал официанта. – Шато Лафит, будьте столь любезны.

Венера Барбет неожиданно вздрогнула. Красные французские вина у неё всегда ассоциировались с

Австралией, с родной деревней, от которой не осталось и следа, лишь воспоминания. Она не знала своего отца, но мама рассказывала, что он был виноделом. Молнией пронеслись обрывки истории: «Король Фридрих II (1740-1786) и его экспансионистская политика угрожали интересам европейской стран. И в семилетней войне (1756-1763) коалиции Австрии, Франции, Саксонии, Швеции, Испании и России против Пруссии и Великобритании* погибали смертью храбрых не только обученные воины, но мирное население. Одним из мужественных защитников родины, отдавший жизнь во имя справедливости стал и Жан де Сильфа – герцог знатного рода Бордо, так и не вернувшийся к австралийской красавице, верившей обещаниям пылкого влюбленного».

— Венера, – догадливый муж понимал, что название вина вызвало нахлынувшее уныние, но даже не догадывался, что помимо воспоминаний о прошлом есть и другие причины для беспокойства. – Ты переживаешь из-за сегодняшней аварии?

— Я? – растерянно переспросила Венера, никак не решаясь завести разговор о том, что её действительно беспокоит – мужчина с ожерельем, за которым она и погналась, желая разобраться. Как мать, она чувствовала свою вину за то, что 120 лет назад волей случая оказалась не в том месте, не в то время. Предположения, что турист и есть её ребенок, не давали ей покоя больше, чем возможные неприятности с законом.

В наполненных бокалах отражались огоньки приглушенного освещения, а навязчивые мысли так и

просились быть озвученными. Но Венера подсознательно боялась ворошить прошлое. Поймет ли он? Простит ли? Одно она знала наверняка – сапфировое ожерелье знак свыше, и она обязана раскрыть все карты.

— Всё обойдется, верь в это, – приподнял бокал Аким Колеями. – Тебя будет защищать один из самых прославленных адвокатов, проявивших грандиозные познания в правовых нюансах. Он эффективно может оправдать даже ночного гонщика, объявив его не причиной несчастного случая, а наоборот жертвой обстоятельств. Так что успокойся! Посмотри как красиво вокруг, – он нежным прикосновением сухих морщинистых рук коснулся подбородка жены, смотря прямо в глаза, таящие в себе неразгаданные загадки.

— Мне так не ловко, – отпив глоток вина, Венера ощутила приятный обжигающий вкус и залпом осушила бокал, никак не реагируя на явное изумление мужа. – Благодаря энной сумме, которую ты передал Эрнесто, я буду дожидаться приговора на свободе. Если бы не ты, я бы сейчас сидела за решеткой. Но если бы не эта авария, я бы не встретила лицо к лицу с прошлым.

— О чем ты говоришь? – Аким отставил в сторону выпивку и приготовился услышать что-то ужасное. Потому что Венера в образе веселой, иногда даже легкомысленной натуры, никак не походила на женщину, сидящую рядом. Сама серьезность. И леденящая глубина изумрудного взора настораживала.

— По местным законам мне грозит некоторый срок лишения свободы, но это ничто по сравнению с душевными муками, которыми я сама себя наказываю вот уже более века. Я не помню лишь короткий эпизод из своей жизни, но именно тогда прервалась цепочка связывающая меня с... С тем, чего не вернуть, – огорчено добавила женщина, – а сегодня я словно вернулась в 1886 год, когда я носила под сердцем ребенка.

— Но как авария могла натолкнуть тебя на мысли столетней давности? – Аким не видел связи между несчастным случаем на дороге и инцидентом, произошедшим в Австралии.

— Ожерелье моей матери, – прошептала она. Переносясь во времени, Венера будто видела расплывчатый обрывок черно-белой фотографии, на которой можно было распознать добрую улыбку, тонкую шею и массивное на удивление четко различимое синее украшение из сверкающих сапфиров. – У того второго мужчины, склонившегося над бездыханным телом, выскользнуло из кармана куртки ожерелье. Оно было точно таким, какое носила мама. Я и побежала за ним как угорелая, потому что... Что если это был мой сын?

— Где то ожерелье? – Аким прищурился, осознав в который раз «как тесен мир». Неужели те двое, о которых говорит жена и есть Дейк Ломан и его молчаливый напарник? Он был убежден, что случайностей вообще не существует, есть лишь невидимые закономерности. И с большей долей вероятности можно предположить, что речь идет об одном и том же ожерелье. Но из-за этой же аварии

оно до сих пор не в руках Акима Колеями и не на шее его любимой жены, для которой он и хотел его купить, зная о слабости к синим корундам.

— Тот мужчина турист, по-видимому, сбежал. Возможно, он не хотел давать показания или у него были другие причины. Но на вопрос «Откуда у тебя ожерелье» он ответил «От австралийской бабушки». Я должна разыскать его, во что бы то ни стало, и выяснить всю правду, иначе я не успокоюсь.

— Мы его найдем. Я тебе обещаю, – твердо сказал Аким.

Он надеялся уже завтра решить этот вопрос. Ведь Дейк Ломан уже не в первый раз сбывал в его ломбарде драгоценности и вероятнее всего ворованные, а желание получить \$ 250 тысяч не может иссякнуть за сутки. Тем более Колеями был уверен, что Дейку сообщили о срочности неотложных дел, и он с пониманием отнесется к переносу их сделки. Единственное что настораживало пожилого бизнесмена так это предположения жены, что Дейк Ломан её сын. Аким не верил в это, но, зная, что жизнь иногда выбрасывает непредсказуемые номера, решил сам во всем разобраться, прежде чем обнадеживать или огорчать Венеру. Теперь, он еще больше хотел заполучить то сапфировое ожерелье, считая его ключом к разгадке старой тайны.

Австралия

Роберт Дупель, как мужчина знающий толк в женщинах, сам бы никогда не заинтересовался подобной представительницей прекрасного пола. Хотя к слову «никогда» он относился пренебрежительно и старался не использовать, ему часто приходилось опровергать то, что принято считать невозможным и неестественным. Поэтому даже во внешности Лафиты он искал положительные стороны, стремясь сделать свои собственные выводы «чем же эта горная одиночка очаровала профессора-очкарика». «Но Ираклий без очков, и нисколько не прищуривается как раньше». Это озарение вынудило Роберта без отлагательств выяснить, в чем же дело.

Оставив примятым пышный ковер пахучих трав, он встал, осматриваясь по сторонам. Под развесистым старым буком горел костер на фоте нетронутой красоты природы. Ираклий и Лафита о чем-то мило ворковали. И не нужны были никакие доказательства, чтобы понять, что между ними есть притяжение. Как «+» и «-» по законам физики, так и столичный профессор с двумя высшими образованиями и неграмотная отшельница, тянулись друг к другу. Что могло привлечь девушку, испытывающую дефицит мужского внимания – казалось бы ясно. Она бы и в первого встречного влюбилась по уши, – думал Роберт. Но Ираклий объездил полсвета, и из всех выбрал именно эту ничем непривлекательную особу. Странно, что тут еще сказать.

~~~~~

Подойдя ближе, Роберт поправил на шее уголки завязанного платка, аккуратно приложил взъерошенные ветром волосы и, прочистив горло хрипящим «кг-кг», оказался в полуметре ото всех. Он не мог не обратить внимания, как Ираклий без особого труда вынимал пригоревшие крупинки, что подтверждало предположение: «к нему вернулось зрение». Но как?

— А с каких это пор ты перестал носить очки? — он присел на корточки, не обращая внимания на неаппетитное блюдо, томившееся над прогоревшими дровами. — На заседание дерматологов ты улетал из страны совершенно другим человеком, а сейчас... — обсуждать личную жизнь племянника, да еще и в присутствии его новой пассии, серьезный деятель науки не намеревался, но пролить свет на историю с возвращением зрения хотелось.

— Теперь все изменилось, потому что у меня есть Лафита — моя спасительница!

Ираклий со стороны казался дяде влюбленным мальчишкой. Но не из-за любви же он прозрел? Скорее, наоборот, ослеп, если не видит явных признаков уродства в её внешности. Зато другие мелочи он замечает.

— У Лафиты есть тайная лаборатория с офтальмологическими лазерами для коррекции зрения?! — рассмеялся Роберт от своих же шуточных вопросов, зная наперед, что говорит чушь.

— О! Моя Лафита может потягаться с ведущими офтальмологами и без медицинских вмешательств вернуть человеку и зрение, и здоровье, а самое главное — молодость! — Ираклий интригующе

подмигивал девушке, отчего доктор нервных болезней и генетики невольно подумал, что у племянника после падения самолета не все в порядке с головой.

— Лафита, чем вы его опоили? Я не узнаю своего племянника.

— Я давала ему воду и козье молоко, – робко ответила девушка, заметив настойчивый интерес в маленьких глубоко посаженных глазах родственника косметолога. Ему бы она побоялась открыть свою тайну, но поскольку Ираклий доверял этому человеку, и Лафите не оставалось иного выхода, как рассказать об источнике здоровья и молодости. – Вода в этих горах необыкновенная, она живительная. Здесь есть два озера: у подножья горы, между невысокими холмами, и в пещере, откуда вы нас вызволили недавно, а также небольшой ключ за домом. В каждом источнике богатейший состав минералов, необходимых для полноценного функционирования человеческого организма. Вода – это жизнь, а коллоидные минералы – это долголетие...

— Простите, – Роберт удивился, что Лафита, судя по лексике, владеет некоторыми знаниями из рода медицины. – Здесь, наверно, где-то есть школа? Я думал, вы здесь одиноко прозябаете, совершенно отстав от цивилизации, – заметив смущение на лице девушки, он смягчился в голосе. – Так, значит, вас окружают три термальных источника? Так?

— Роберт, вероятно вода здесь на самом деле уникальная, – серьезно добавил Ираклий, прочитав

на лице дяди сомнения. – В общем, я хочу взять образцы на экспертизу. Надеюсь, ты мне поможешь.

— Не в вопрос. Можешь на меня рассчитывать. Провести лабораторные анализы воды – сущий пустяк. Но неужели ты настолько уверен, что все дело в воде? Если подумать, то психологический фактор после авиакатастрофы тоже мог оказать положительное влияние не только на глаза, но и... если бы у тебя была амнезия, к тебе бы и память вернулась.

— Да забудь ты о зрении, есть более серьезные причины досконально изучить состав этих вод, – Ираклий улыбнулся, глядя на раздумывающую скромницу. – Угадай, сколько лет Лафите?

— Она еще несовершеннолетняя? – переспросил Роберт, не догадываясь, к чему он клонит.

— Ты тоже считаешь, что столь гладкая кожа может быть только у юных красавиц? – словно дразнясь, говорил косметолог. Ему то приходилось иметь частый контакт с женщинами недовольными ранними проявлениями признаков старения.

— Я принесу посуду. Обед готов, – чувствуя себя неуютно, Лафита сорвалась с места, предоставив возможность профессорам обсудить её возраст наедине.

— Ты хочешь сказать, твоей возлюбленной уже есть 21 год? – Роберт оценивающе смотрел вслед Лафите.

— Понимаешь, дядя, она говорит, что родилась 120 лет назад, – прошептал Ираклия, наблюдая, как округляются глаза Роберта. – И я верю ей.

— Но это невозможно.

— А зачем ей обманывать? Ведь есть масса способов установить настоящий возраст любого человека, и я в любом случае узнаю истину. Тем более Лафита согласилась ехать со мной в Канберру.

— Вот это новости, — в голове Роберта никак не укладывалось только что услышанное. — А я думал у вас тут любовь? А ты, оказывается, нашел другой способ прославиться? Омолаживающий лазер это для тебя уже не в счет.

— Мне действительно очень симпатична Лафита. Она не такая как все! И даже если ей 120 лет, меня это не пугает. А лазер, как ты сказал, уже неактуален.

— Только не говори, что и жениться на ней думаешь? — тихо спросил Роберт, озираясь, не возвращается ли Лафита.

— А почему бы и нет? Но сначала мы все-таки узнаем друг друга поближе.

Ничего не ответив, удивленный доктор наук задумчиво впал в рассуждения. Не сон ли это все? Ираклия будто подменили, но даже это не так его волновало, как смутная загадка Лафиты. И кто дал ей такое странное имя? Почему она утверждает, что ей 120 лет? А что она не лжет? Этот нонсенс опроверг бы все научные труды о продолжительности жизни, судя по которым генетический потенциал не превышает 140 лет. Тогда есть возможность не только обрести славу, но и стать миллионером!

Швейцария

Венера Барбет под руку с мужем спускались по ступенькам, освещенным яркими фонарями. Романтический вечер, наполненный сердечными откровениями и воспоминаниями ушедших лет, остался позади. Кто бы знал, как сложилась бы её жизнь, не повстречай она 120 лет назад этого человека с утонченными манерами и открытой душой? Но в те минуты она думала о другом. Мог ли тот турист с бородкой оказаться её сыном, родившимся на свет в результате позорного надругательства командой исследовательской экспедиции из Британии над ней – коренной жительницей австралийского континента? Венере часто снились сны из далекого прошлого: босоногое детство и колониальный период в истории Австралии, отмеченный вспышками инфекционных заболеваний, завезенных европейцами². Они захватывали пахотные земли, пригодные для разведения скота и выращивания хозяйственных культур, притесняя местное население. В бегах от

---

² Документированная история Австралии начинается с её открытия европейцами в XVII веке.

В 1770 году британская экспедиция Джеймса Кука на корабле «Индевор» исследовала и нанесла на карту восточное побережье Австралии, впервые высадившись на берег 29 апреля в заливе Ботани.

В 1788 году в Австралии была основана первая британская колония, а в 1901 году австралийские колонии образовали Австралийский союз. (Материал из Википедии — свободной энциклопедии)

завоевателей аборигены и бросали родные места, уходя в горы.

От налетевшего слайд-шоу картинок из прошлого, вызывающего грусть, Венеру Барбет вернула к реальности оглушающая сирена полицейского кортежа, окружившего казалось все здание величественного ресторана. Сине-красных мигающих ламп было столько, что звездное небо по сравнению с ними скромно чернело неприметным полотном.

— Аким Колеями? – твердый бас подбегающего мужчины в форме резал слух, не дожидаясь ответа, он продолжил, так как был уверен, что не обознался. Венеру Барбет трудно спутать с любой другой старушкой. – К сожалению, у меня две плохих новости, – он не дал им даже сосредоточиться, и пулей старался выпалить все, что стало известно, – Венера Барбет должна быть изолирована от общества...

— Это почему же? – удивилась женщина, никак не придя к какому-нибудь логическому объяснению такого неожиданного скопления служебных машин. – Если из-за дневного несчастного случая, так меня выпустили под залог дожидаться суда на воле.

— Какой залог? Эрнесто Обалделый мертв, \$ 200 тысяч так и не поступили на счет, и это еще не все. Только что сообщили: ваш ломбард ограбили неизвестные. Поэтому следуйте за мной, – трещал он, не останавливаясь ни на секунду.

— Как? – только и смог произнести ошарашенный господин Аким, хватаясь за сердце и медленно оседая на асфальт. – Этого не может

~~~~~
быть... Эрнесто... мальчик, – он запинался, жадно хватая воздух открытым ртом.

— Аким, тебе нельзя волноваться, – Венера решительно опустилась перед ним на колени, не думая ни о тонких колготках, ни о чем другом кроме пугающего состояния мужа. В последние годы он опрометчиво сдавал позиции, не смотря на ежедневный прием чудо-средства из затемненной бутылочки без опознавательных надписей. Нашупав в его кармане нужный предмет, Венера, не обращая ни на кого внимая, пропуская мимо ушей гомон столпившихся полицейских, вызывающих скорую помощь, поднесла к губам небольшую емкость. Набрав в рот живительной влаги, она обрызгала побледневшее лицо мужа.

— Простите, я не думал, что так выйдет, – оправдывался напуганный защитник правопорядка, помогая господину Акиму развязать удушливый галстук.

— За меня не беспокойтесь, – еле слышный голос обессиленного старика вселял надежду, что в этот день одной жертвой будет меньше.

— Вы могли бы мягче сообщить о смерти Эрнесто, – раздраженно бросила Венера прямо в глаза удивленного полицейского.

— О смерти? А я то думал, Аким Колеями больше будет переживать из-за ограбления и тех \$ 200 тысяч, из-за которых и убили комиссара, – с глупым выражением лица изрекал коллега погибшего.

— Деньги. Деньги. Вы только об одном можете думать, – разгневалась Венера, злясь на превратности

судьбы, одним дарующей долгую жизнь, вторым раннюю смерть, а третьим – алчность и ненасытную тягу к богатству.

— Успокойся, дорогая, мне уже лучше, если можно так сказать, – холодная дрожащая рука Акима Колеями сжала горячую гладкую ладонь супруги.

Вскоре подъехала карета скорой помощи, но к тому времени седовласый бизнесмен уверенно стоял на ногах, вникая в суть дел относительно «повторного» залога. Врач, недовольный ложным вызовом, лишь пожал плечами и даже не стал проводить осмотр, дав возможность собравшимся разъехаться по своим делам.

Супруги Аким Колеями и Венера Барбет, прибывшие в ресторан вдвоем на одном автомобиле, разъехались в противоположные стороны на белых BMW с надписями «Police». Венере предстояла бессонная ночь в пустой камере, и только тени прошлого размытыми видениями на серых стенах чертили дальнейшую судьбу, уходящую корнями в века открытий новых земель европейцами. А господина Колеями ожидал сюрприз, стоимостью почти в полмиллиона \$.

* * *

Переживая смерть молодого комиссара, соседа, к которому Аким относился почти как к родному сыну, встревоженный бизнесмен долго не мог собраться с мыслями. На столе ароматно пах остывающий кофе, но Колеями к нему даже не притронулся. Он безнадежно перелистывал прошлогодние

ежедневники в надежде найти хоть какую-то зацепку – где искать Дейка. Но ни номера телефона, ни адреса нигде не было. В те минуты он пожалел, что однажды связался с этим загадочным искателем старинных украшений, не потребовав его предъявить хоть один документ, подтверждающий личность. Но кто бы мог подумать, что Акиму придется лично заниматься его поисками? Обычно клиенты бегают за ним, а не наоборот. Но в этот раз на карту поставлено многое – давняя загадка Венеры и желание Колеями наказать бессовестного преступника, позарившегося на его состояние и лишившего жизни хорошего парня Эрнесто.

Аким решительно отбрасывал предположения Венеры, шестое чувство ему неугомонно твердило «Дейк проходимец, нечестно завладевший сапфировым ожерельем только ради денег». Но сомнения подталкивали его и к вопросу «А что если этот бородач на самом деле хотел продать ожерелье бабушки? Нет. А даже если «да», он все равно преступник, жестокий и расчетливый человек, которому нет прощенья. Но материнское сердце всегда готово понять и простить. Венера всю жизнь мучилась смутными воспоминаниями, до сих пор не зная наверняка, как так вышло, что она где-то оставила своего новорожденного ребенка. Она считает себя виноватой, и если окажется что Дейк её сын, она закроет глаза на все, и будет умолять его о прощении». – Так думал Колеями безрезультатно перерыв весь стол в своей библиотеке.

Одно могло его порадовать – за окном начинался новый день! Синее ожерелье из удивительных

сапфиров светилось у него в руках, освобождение из-под стражи Венеры было делом времени, и как только откроются банки можно смело снимать очередные \$ 200 тысяч, и... и... Но где найти Дейка? – этот вопрос не давал покоя пожилому джентльмену в наглаженном костюме цвета сливочного масла. (Для Акима Колеями снять со счета \$ 200 тысяч было равносильно, что студенту купить пирожок, и поэтому он сильно не заморачивался по этому поводу)

Австралия

К травяному чаю без сахара дядюшка Роберт достал из рюкзака крекер – сухое пористое печенье приятного желто-песочного цвета. Лафита настороженно надломила хрупкий прямоугольник, поднесла к губам и попробовала. Солоноватый привкус превосходил над пшеничными ароматами муки, отчего это диво современной кулинарии не вызвало у девушки никаких позитивных эмоций. Удивляясь, как оба профессора с аппетитом хрустят воздушными печеньями, жадно опустошая исписанную разноцветными буквами упаковку, Лафита отрешенно смотрела сквозь них на вечно красивые пейзажи гор.

По краю далекого неба тянулись волнистые полосы полуночно-синих облаков. Яркая бирюза совсем потускнела, предвещая очередное ухудшение погоды. Но ничто не могло огорчить и без того задумчивую долгожительницу. Молчаливо обнимая горячую чашку, расписанную древними умельцами,

она будто в последний раз любовалась своим богатством – колоритными рельефами Корунда. Негромкий голос Ираклия отвлек от мыслей ни о чем:

— Никак иначе, скоро начнется дождь.

— Я надеюсь, мне не придется мокнуть под деревом, и гостеприимная хозяйка найдет и для меня местечко в своем скромном убежище, – Роберт покосился в сторону старой хижины, а потом лукаво улыбнулся Лафите.

— Не волнуйтесь, замерзать под открытым небом вам не доведется, – без лишнего притворства, сухо ответила она, даже не удосужившись повернуться лицом к доктору наук, чье присутствие ощущимо накаляло атмосферу.

Лафита не понимала почему этот мужчина не вызывает у неё никакой симпатии. Вроде и нет во внешности явных изъянов, разве что высокий лоб. Но то ли во взгляде было что-то неуловимое, то ли в мимике, то ли Роберт попросту нарушил их идиллию – и девушка была с ним холодна, не смотря на то, что он вызволил их из пещеры.

— Роберт, я предлагаю, пока не начался дождь залатать прохудившуюся крышу, потому что этой ночью мы с Лафитой свободно разглядывали звездное небо, не выходя из дома. Тем более, я обещал немного «отреставрировать» её домик, – лицо косметолога расплылось не в многозначной улыбке.

— Да, без проблем, – легко согласился дядюшка, – здесь все равно занять себя нечем. Ну, если только по ночам звезды рассматривать! – он бросил иронический взгляд в сторону влюбленных, якобы

намекая на романтичность и интим под звездным небом.

— Здесь внизу есть брошенная деревня. Там более полувека никто не живет, но можно отыскать кое-какие материалы. Я уже подумывала о крыше, но в последнее время у меня были более важные дела.

— Разумеется. Я видел развалины старого поселения. Да и из обломков самолета можно выбрать подходящий лист металла. А за одно не мешало бы искупаться в термальном озере. Лафита, вы ведь пойдете с нами? – Роберт решительно встал, намереваясь неотложно спуститься к подножью горы.

— Да, – Лафита кивнула головой.

— Тогда пойдем, пока не грянул гром, – Ираклий взял у дяди пустую чашку и вместе со своей передал Лафите, протягнувшей в ожидании руку.

— Минутку, мужчины, я только ополосну посуду, – и девушка в сиреновом цветастом платье в мгновение ока скрылась за густыми зарослями.

Роберт достал из пачки с надписью «Курение вредит вашему здоровью» длинную сигарету с тонким фильтром и одним щелчком карманной зажигалки поджег, втягивая в себя вредный табачный дым. Ему неоднократно доводилось присутствовать на вскрытии заядлых курильщиков, но даже ужасающий вид их черных легких не мог повлиять на пагубную привычку доктора. Пуская серые облачка, он словно переносился в другой мир четких рассуждений и планов.

Швейцария

В загородном районе всего в 10-ти минутах езды от центра Люцерна, в пятизвездочном отеле с зеркальными потолками Дейк Ломан с бокалом искристого шампанского принимал джакузи. Миниатюрная азиатка с силиконовой грудью старательно натирала скрабом с морской солью шершавые потрескавшиеся пятки расслабленного мужчины. В приглушенном освещении ароматических красных свечей, источающих экзотический, одновременно успокаивающий и бодрящий запах сандалового эфирного масла, Дейк Ломан чувствовал себя восточным шейхом. Длинноволосая гейша ублажала его по высшему разряду, как того и заслуживает «уставший деятель с туго набитым кошельком».

Но вот он никогда бы не подумал, что то, что так прекрасно началось, может иметь непредсказуемые последствия. Во всяком случае, гоняться за ускользнувшей «жрицей любви» ему еще не доводилось. Но на то были серьезные основания: сразу после ухода азиатки Дейк обнаружил пропажу синего ожерелья. Это настолько сильно его возмутило, что он прямо в гостиничном махровом халате бросился догонять предполагаемую виновницу этого «недоразумения». Закрыв на ключ номер, где помимо сейфа наполненного валютой до отказа, часть денег и украшений оставалась лежать под матрасом, Дейк сломя голову неся к лифту. Вслед за ним летели удивленные взгляды случайных свидетелей «утренней разминки», но он, не обращая

ни на кого внимания, спешил догнать азиатку, которой и без того с лихвой оплатил за ночной сеанс сексуального массажа.

На оживленных улицах и яблоку негде было упасть. Дейк старательно всматривался в толпы прохожих, ища глазами стройное тельце с черными прямыми волосами, но его пассия будто сквозь землю провалилась.

Недалеко находилась парковка, откуда «беглянка» неторопливо покидала многолюдный район. За рулем голубого авто она будто невзначай проехала мимо озадаченного клиента в халате. Но, даже не взглянув в его сторону, устремилась в центр, постепенно наращивая обороты.

— Ах ты, воровка, — заорал Дейк, привлеки к себе немалое внимание ошеломленных туристов и постоянных жителей города, привыкших к тихой размеренной жизни. — Стой! — он выбежал на проезжую часть и как сумасшедший махал руками, но та, кому были адресованы эти слова, и не думала останавливаться.

Девушка, включив на всю громкость любимую песню из репертуара белого южноафриканского певца Vok van Blerk, танцуя на месте, не смотрела по сторонам и тем более не оглядывалась назад. Вперед в банк! — радостно думала она, вспоминая о своей семье, которая нуждалась в деньгах; и только ради младших братьев и сестер она опустила до уровня путаны.

— Такси, — разъяренный собственной невнимательностью, Дейк, остановил пустое авто с

желто-черными «шашечками». – За голубым Peugeot, – скомандовал, сжимая кулаки.

— За кем гонимся? – улыбнувшись только уголками губ, молодой таксист кинул беглый взгляд на клиента в халате и комнатных тапочках.

— За «труженицей сферы сексуальных услуг», – недовольно ответил Дейк общепонятными словами, хотя на языке вертелись нецензурные ругательства. – Она умыкнула одну очень ценную вещь, – не вдаваясь в подробности, Ломан умолк, вытягивая шею, дабы разглядеть, как далеко успела скрыться азиатка.

— С ними нужно быть осторожнее, – негромко пробормотал водитель, представив, как наверно злиться обманутый мужчина.

Дейк на самом деле был взбешен. Неприятные предчувствия подсказывали, что исчезнувшее ожерелье он больше никогда не увидит. И хотя он не выпускал из виду Peugeot «мамзель», чувство утраты точило его мозг кровожадными червями. «Деньги, драгоценности и роскошь» – все остальное не имело значения.

— Она остановилась. Тормози! – не дожидаясь пока такси полностью остановиться, Дейк, как ошпаренный, кинулся догонять азиатку.

Австралия

Ираклий нес в руках небольшие куски старых стекол, раздобытых в покинутом селении. Между ладонями и острыми краями он подложил плотные листья полевых растений, что не давало возможности

случайно порезаться. Без слесарных инструментов было бы нелегко вынимать поржавевшие гвозди, но у Лафиты оказался в наличии и молоток с массивным выкованным наконечником, и стальной гвоздодер, который она тоже любезно предложила «своему косметологу». Теперь, когда её окружали два деятеля науки, старший из которых оказался более замкнутым и серьезным чем Ираклий, Лафита мысленно дала им отличающиеся прозвища. Одному – «Нервный профессор», потому что Роберт был заведующим кафедрой нервных болезней и генетики, и «Косметолог-мечтатель» Ираклию, потому что он бредил идеями продления молодости.

После купания в озере Роберт одобрительно отозвался о свойствах воды. В его глазах загорелись искры восторга, и даже вслух он признался, что и без особых разбирательств, очевидно, что состав на самом деле богат на минералы. Он плескался в воде, облизывая тонкие поджатые губы, ощущая на вкус разницу между водопроводной водой и водой этого озера. Она не была соленой, как морская, но и безвкусной её нельзя было назвать.

Получив прилив энергии, им троим легко давался подъем вверх по узкой каменистой тропке. Роберт припомнил, как не так давно он с трудом взбирался на гору, а после купания в озере всю усталость как рукой сняло. Этот факт не мог оставаться неучтенным в вопросе относительно сомнений по поводу «120-ти лет». К тому же на его плече лежал нелегкий лист обшивки самолета, который может вполне послужить заменой шифера на дырявой крыше дома Лафиты-долгожительницы. И даже с

грузом, Роберт не чувствовал утомления. А если изодня в день купаться в таком озере вместо привычной ванны с хлорированной водой? Быть может, вот он секрет молодости – чистая минеральная вода?! И зачем изобретать лазер, это ведь неестественный способ борьбы со старением? А вода – живительная сила, подаренная природой. Только о полезных свойствах воды люди и не задумываются, превращая все водоемы, в том числе и океаны, в свалки отходов.

— А стоит ли рассказывать миру об этих источниках? – вслух предположил Роберто, желая услышать мнение племянника. – Ведь человечество к чему бы не прикоснулось, в итоге все превращает в руины и пепел, в помойные ямы, такие же, как и наш мировой океан.

— А что с мировым океаном? – удивилась Лафита, не имея ни малейшего представления о гигантских мусорных островах, образовавшихся из-за губительной деятельности человека.

— Роберт частично прав. Нет гарантии, что эти источники не засорят со временем, или же их полезные свойства иссякнут, а может они вообще пересохнут из-за постоянной откачки воды для удовлетворения запросов желающих дольше жить и выглядеть моложе своих лет. Но и держать в тайне подобное богатство нельзя. Мы как представители науки должны донести до общественности хотя бы факт, что вода может быть лучшим лекарством, – продолжал Ираклий.

— Я не хочу, чтобы эти источники иссякли, – Лафита остановилась, впервые бросив недовольный взгляд в сторону Ираклия. Его слова заставили

задуматься, стоит ли ехать в столицу, если она не хочет разглашать на весь мир свою тайну.

— Я предлагаю провести «закрытые» для общества анализы, – предложил Роберт. – В итоге знать реальный состав этих вод, а вместе с ним и все его свойства, будем только мы втроем. А разглашать или нет о своих результатах, решим после того, как все бумаги с точными цифрами и показаниями будут готовы. И я бы не советовал говорить кому-то, что Лафите 120 лет. Так было бы надежнее.

— Лафита, мы не позволим уничтожить эти источники. Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, – Ираклий почувствовал легкое напряжения и неудобство, но его желание заявить миру новую формулу долголетия и молодости было настолько велико, что он был готов даже оспорить мнение дядюшки, к чьим советам всегда прислушивался.

— Теперь мне стало страшно, – призналась девушка. – Ираклий, Роберт, я не против разглашения информации об источниках, но я даже представить себе боюсь, что сюда понаедут миллионы туристов, и горы Корунда превратятся в муравейник. Они вытопчут луга, переломают все деревья, набросают горы мусора, загрязнят воду ...

— Ничего подобного не будет, – прервал её Ираклий. – Есть много способов препятствовать чрезмерному наплыву людей. В конце концов, откроем здесь водолечебницу, и будем принимать пациентов по записи!

— Водолечебницу! – оживился Роберт, – первый клиент у вас уже есть!

— Дядюшка, а вы могли бы стать одним из докторов нашей водолечебницы. Правда, Лафита?

— Наверно, – успокоившись, ответила она. – Уж лучше водолечебница, чем не понятно что.

Придя к согласию, они продолжили подниматься к дому. Ираклий, окрыленный идеей, уже представлял себя дающим интервью крупнейшим телекомпаниям Австралии. Буквально неделю назад он думал об открытии клиники, где с помощью лазерного оборудования осуществлял бы свою мечту, а теперь его планы заполонило желание «дарить» молодость с помощью водных процедур в термальных источниках. Он не сбрасывал со счетов и круглое озеро в пещере с гигантскими сталактитами. Та атмосфера стала бы визитной карточкой Корунда. Ираклий всерьез задумался даже о названии для лечебного комплекса: «Аква Дупель» или «Молодость Лафиты». Он хотел бы назвать лечебницу оригинальным звучным сочетанием слов, обязательно упомянув и свою фамилию и имя самой Лафиты, приоткрывшей завесу тайны. Погрузившись глубоко в свои мысли, Ираклий не заметил, как быстро они вернулись к поляне с развесистым буком, за которым стоял, похилившись, старый дом.

Швейцария

Леди в строгом костюме красивой походкой (будто модель, дефилирующая по подиуму) проскользнула в фойе центрального банка. Не успел Дейк даже проследовать за ней во внутрь, как его сердце налилось кровью и забарабанило от

охватившего ужаса. Господин Аким Колеями, опираясь на деревянную трость, стоял в полуметре от него, не произнося ни слова. Их взгляды пересеклись, и по сухому гладко выбритому лицу бизнесмена Дейк понял, что от этой случайной встречи ждать приятных сюрпризов не доведется. Не сдвинувшись с места, Дейк ощутил, как твердая клюка огрела его по шее. Проворный старик, ловко заломил ему руки и ткнул его носом в тротуарную плитку.

— Ты то мне и нужен, – в престарелом грудном голосе слышалась пугающая угроза. – И не сопротивляйся, если не хочешь сесть за решетку, где тебе и место, жалкая сволочь, – сквозь зубы процедил Колеями в ухо Дейку, завидев приближение таксиста.

— Я не понимаю, о чем вы, господин, – он, не теряя надежду, делал вид, что ничего не знает. (Неужели ему известно, что это я очистил его ломбард? – вертелось в голове)

— Где ты остановился, – потребовал Аким, но их «милой» беседе помешал водитель, которому Дейк так и не заплатил.

— Мужчины, будьте благоразумнее, – он стал оттаскивать старика в сторону, – не знаю, что между вами произошло, но этот мужчина должен мне 20 EUR.

— А мне он должен гораздо больше, – чуть ли не прорычал господин Колеями, не желая выпускать из рук грабителя. – Поднимайся, и не думай сбежать, – прозвучала команда, – мы сейчас поедим в гостиницу, и там побеседуем спокойно. Так ведь, Дейк?

— Как скажете, господин, — согласился пойманный преступник, размышляя о побеге. Но в данной ситуации вырваться бессмысленно, их уже обступила толпа любопытных прохожих, да и Колеями с таксистом от него просто так не отстанут.

— Вот и хорошо. А вы, молодой человек, будьте так любезны, отвезите нас обратно, туда, где вы подобрали этого несчастного, — Аким крепко схватил Дейка за воротник, помогая подняться, а потом с силой поволол в машину.

* * *

Водитель, ошеломленный подобной стычкой, искоса поглядывал на двух мужчин, расположившихся на заднем сидении. Ему никто не разъяснил, что же послужило яблоком раздора, да он и не стремился лезть в чужие дела, тем более щедрый старец всунул ему в карман крупную купюру со словами «без сдачи». Высадив их у отеля для звезд и состоятельных граждан (потому что среднестатистическому человеку отдых в подобных номерах оказался бы непозволительной роскошью), таксист развернул авто и слился со сующими туда-сюда автомобилями.

Дейк Ломан всю дорогу думал о побеге. Но торопиться не стал, отложив развязку истории с бизнесменом на более подходящее время, а главное — место. Например, можно было завести его в номер, оглушить, а потом спокойно переодеться, забрать личные вещи, которые уже по праву считал своей собственностью, а не Акима Колеями. Но странный

и, как показалось Дейку несущественный, вопрос господина, крепко держащего его под руку, заставил его проникнуться вниманием, чтобы понять к чему он клонит.

— Как зовут твою мать? — поинтересовался Аким, как только за ними захлопнулись двери лифта. Он был намерен выяснить всю правду незамедлительно.

— Я не понимаю, вы на меня набросились только чтобы узнать имя моей матери? — прищутив глаза, хитро спросил Дейк, и не думая разглашать о себе никакой информации.

— Не только. У тебя есть то, что принадлежит мне. Или ты думал я не узнаю, кто взломал мой сейф в офисе? Да еще и почти все драгоценности вынес, — Колеями поднял трость и уперся ей в заросший подбородок Дейка. — Ты ответишь на все мои вопросы или расстанешься с награбленным и отправишься в тюрьму.

— Или? — переспросил Дейк, предположив, что платой за допрос будет все то, что он уже имел.

— Ты правильно понял «или». Веди меня в номер, и без резких движений, иначе... Ты пожалеешь, что родился на свет.

Дейк, уверенный на 100 %, что в любом случае все деньги и золото останутся у него, решил все-таки выслушать старика с его дурацкими вопросами. В конце концов, здесь ему никто не мешает при необходимости «защитить свои интересы», прибегнув к силе или же к ловкому обращению с ножом. Когда суэта оказалась позади, и богатый номер с огромными комнатами встретил

вернувшегося «хозяина», Дейк любезно предложил Акиму Колеями выпить виски и обсудить интересующие его вопросы.

— Так что вы там говорили о моей матери?

— Я внимательно тебя слушаю, Дейк. Рассказывай все по порядку. Где ты родился? – Аким не желал упоминать ни о догадках Венеры, ни об ожерелье, поэтому был немногословен.

— В Германии, – соврал Дейк.

— В каком году?

— 1967, – сразу же прозвучало в ответ.

— Как звали твою мать? И не лги мне, иначе ты горько пожалеешь о своем вранье, – Аким не знал, верить ли, что Дейк действительно родился в Германии в 1967 году. Что-то подсказывало, что правды добиться от преступника будет сложно.

— Люсия Аспарагус, – с отрешенным видом ответил Дейк, развалившись в кресле.

— Что тебя связывает с Австралией?

— Ничего.

— Где твой паспорт?

— Потерял.

— Где ты взял то сапфировое ожерелье, что приносил вчера ко мне в ломбард?

— Я его «позаимствовал» у одной уродины, – честно признался Дейк, сжимая кулаки от гнева, рассчитывая все-таки вернуть сапфировую драгоценность себе. – Ей оно все равно не поможет, – он на короткий миг перенесся в ту захолустную деревню аборигенов, вспомнив несимпатичное и даже отталкивающее взгляд лицо юной австралийки.

— Кто та «уродина»? – Аким сердцем чувствовал, что приблизился к разгадке.

— Без понятия. Какая-то австралийка наверно.

— Австралийка? Я так и думал! – несдержанно Аким Колями встал с кресла и начал расхаживать по комнате. – В каком городе ты нашел её?

— В городе? Это было в деревне аборигенов недалеко от Катумба.

— Новый Южный Уэльс³? – именно там он познакомился с Венерой Барбет. «Это не может быть совпадением». Ниточка ведет к истоку, туда, где и началась история Акима Колями и девушки, не помнившей кто она и откуда.

— Совершенно верно, – подтвердил Дейк, – излюбленное место туристов. Оттуда я привез ожерелье.

— Так значит, оно не принадлежало твоей бабушке?

— Нет, конечно, – рассмеялся Дейк, но вскоре вновь посерьезнел, вспомнив чудную старушку-спортсменку, задававшую подобные вопросы. – Так вы разыскиваете человека, кому принадлежало это ожерелье?

— Да, Дейк. И ты мне в этом деле сыграешь немалую роль! Ты полетишь со мной в Австралию и поможешь найти ту, у кого ты украл его!

— Нет, – запротестовал Дейк. – Я не могу. Я же сказал, у меня нет паспорта.

³ Государство Австралия состоит из шести штатов: Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Южная Австралия, Тасмания, Западная Австралия, и двух территорий: Австралийские Столичные Территории и Северные Территории.

— Я думаю, если ты не хочешь проститься со свободой и теми средствами, что выкрал из ломбарда, тебе не составит труда разыскать свой паспорт. Да и не очень то верится, что ты его потерял. Ну, так что? По рукам? Очередной туристический тур, но на этот раз я буду тебя сопровождать, и ты свободен.

— К сожалению, у меня есть еще незаконченные дела, – грубо ответил Дейк. – Из-за вас я упустил азиатку, скрывшуюся с моим ожерельем. Я должен отыскать её, и забрать то, что ей не причитается.

— Ожерелье, – удивился Аким, чувствуя, как тяжелые камни отягощают его карман.

— Да, она выкрала его, я даже не заметил, как это произошло, – пожаловался на «незаслуженную» несправедливость Дейк.

— «Даже не заметил», – повторил Аким, догадавшись, что Дейк слишком поздно обнаружил пропажу.

— И поэтому тоже, я не могу составить вам компанию...

— Чушь, – прервал его почтенный господин, – ожерелье тебе вернуть уже не удастся, поэтому готовь паспорт, и завтра же мы вместе отправляемся в путешествие!

Дейк Ломан почесал подбородок, рассуждая над предложением старика. Вероятнее всего, он прав, и азиатка давно замела следы. То есть, ожерелье потеряно. Но есть еще другие золотые безделушки и немалая сумма наличных, которые, похоже, обезумевший старик забирать и не собирается взамен на... на короткое путешествие. Всего то!

— Ну, если вы так настаиваете, — согласился Дейк, — но давайте сразу договоримся: я показываю вам место, где встретил ту аборигенку с ожерельем, а заниматься её дальнейшими поисками вы будете без моего участия.

— Договор, — Аким Колеями протянул ему руку, и после крепкого рукопожатия добавил: — Завтра утром я за тобой заеду. И не вздумай скрыться, я все равно тебя найду, где бы ты не спрятался. Так что лучше не испытывай судьбу. Ты меня понял?

— Да, господин.

Аким Колеями попрощался, и как только Дейк закрыл за ним дверь, набрал номер и негромко сказал в трубку: «Hotel star, 157 номер, проследи за постояльцем».

Австралия

Накинув на плечи теплый шерстяной шарф, Лафита крутилась около дома. Ни одной звезды, ни луны в вечерних красках хмурого неба не было, да и не поднимала она взгляд вверх — все внимание было направлено исключительно на Ираклия. Он предприимчиво разобрал старую оконную раму, отложив в сторону непригодные осколки стекол, и работяще выполнял данное обещание. Постукивания молотка в горной тишине разлетались отдаленными отголосками негромкого эха. Горел костер, освещая небольшую полянку у дома, где дядюшка Роберт молчаливо жарил на костре крупную курицу, задумчиво рассматривая языки пламени. Лафита же не могла налюбоваться, как ловко Ираклий

~~~~~

справляется с поставленными задачами. И крышу залатал, и дверь починил, и окно почти как новое стало! Хозяин с большой буквы!

Да только для чего это все? – грустно спрашивала она себя. Милей всего ей было это место: фиолетовые закаты и восходы над хребтами каменных изваяний австралийской природы. Но вернется ли она сюда снова? Не поддастся ли соблазну остаться в большом городе, среди шумных улиц и постоянно спешащих по своим делам прохожим. Лафита боялась даже представить себя городской жительницей, но желание перемен звало её в центр. Ни разу в жизни не покидая пределы пустынных гор, она могла лишь представлять, как живется за границами могучих возвышений. В воображении вырисовывались придуманные пейзажи отчасти из старинных бабушкиных книг и единственного журнала за 1990 год. Но это были фантазии, далекие от реальной ситуации в крупных городах.

Одно Лафита знала наверняка: косметолог, свалившийся с неба – это знак. И она не должна бояться изменить свою жизнь, а также жизни других людей, имеющих право знать о возможности обретения здоровья и долголетия. Ведь нет смысла одной наслаждаться этим даром и хранить ото всех свою тайну, пребывая в постоянном одиночестве, не зная любви и ласки. И стоило Лафите единожды окунуться не в источник минеральных вод, а в голубые бездонные глаза привлекательного профессора, как её планы кардинально изменились. Она и думать забыла о наставлении «любить только

себя» и была готова пожертвовать вечной молодостью во имя обретения женского счастья рядом с блондином со столичного городка.

— Ну вот, ветер больше не будет беспрепятственно разгуливать по дому, — с сочных губ профессора-мечтателя слетели довольные слова, сменив красивый четкий контур на обворожительную улыбку. Он уверенной походкой приблизился впритирку к Лафите, так что она могла вдыхать запах вспотевшего мужчины.

— Не знаю чем и отблагодарить тебя, — подняв пушистые черные ресницы над животрепещущими огоньками выразительных глаз, Лафита игриво повела бровью. Не дав ответить, она смело поцеловала профессора в колючую щеку и только потом невинно опустила глаза, кутаясь в шарф.

— О! Это самая лучшая плата! — немного оробев от неожиданности, Ираклий все же обнял девушку, не обращая ни малейшего внимания на молчаливого дядю.

В крепких объятиях Лафита чувствовала себя слабой и в тоже время защищенной. Но отдаться порыву нахлынувшего желания касаться сильного мужского тела, было непозволительно — Роберт позвал влюбленных отужинать свежее испеченным мясом.

Швейцария

Ожидая приезд мужа, Венера Барбет смиренно сидела на твердой кушетке. Она вертела в руках снятую сережку, украшенную небольшими

сапфирами и вспоминала слова матери: «Самолюбие, и еще раз самолюбие. Любить мужчин опасно». Еще более опасным оказалось быть привлекательной в их глазах. Если бы не та жуткая история с командой исследовательской экспедиции из Британии, Венера не мучила бы себя попытками связать воедино обрывки воспоминаний. Но, глядя на сапфиры, она успокаивалась, забывая о боли, причиненной ей более века назад. Как хотелось повернуть вспять время, и она пошла бы другим путем, избегая хоть малейшей возможность столкнуться лицом к лицу с обворожительным моряком. Закрывая глаза, Венера отчетливо видела его черные глаза, широкие скулы и волевые черты смуглого лица. Его образ долгие годы не покидал лабиринты запутанных фрагментов из прошлого. Но это были лишь пустые молниеносные видения.

Приближающиеся шаги оборвали бесконечную нить, выходящую из прошлого. Мужчина из настоящего – седовласый, но довольно крепкий телом и духом Аким Колеями стоял по ту сторону решетки. На нем был свежий элегантный костюм и легкий аромат цитрусовых и древесных нот витал в воздухе, заставляя дышать полной грудью. На спокойном лице можно было уловить сдержанность, и в то же время улыбающиеся глаза точно кричали о чем-то позитивном. Вопреки свалившимся проблемам и нерадостным новостям, Аким был истинным джентльменом, достойно справляющимся со всеми выпавшими на его долю трудностями.

— Дорогая, прости, что заставил тебя ждать, мне очень жаль, – голос близкого человека вывел Венеру

из подавленного состояния. – Идем же, – он подал ей руку, и они вдвоем неторопливо покинули стены комиссариата.

Яркая пенсионерка искоса поглядывала на своего спутника, убеждаясь, что на этот раз он выглядит чрезмерно самоуверенным, если не сказать – хладнокровным.

— Аким, я не понимаю, – не удержалась огненно рыжая женщина, поправляя локоны при выходе из здания, – ломбард ограбили, тебе пришлось повторно заплатить залог, я уже не говорю о бедняжке Эрнесто, а ты так достойно держишься, будто ничего из случившегося тебя не заботит?

— Самое печальное из того, что ты перечислила это внезапная смерть нашего молодого соседа, – Аким лично открыл дверцу своего авто, не дожидаясь участия шофера. – Прошу, дорогая, – немного помедлив, он добавил: – А все остальное поправимо.

— Ты уже нашел мне хорошего адвоката? – Венера завела разговор о насущных проблемах, машинально поправляя прическу, любуясь собой в зеркало заднего вида.

К сожалению Венеры, макияж поблек, но поправлять его на ходу она не стала. Поэтому, тихо опустив голову на плечо мужа, выслушивала о том, что пришлось проделать Аким, дабы заполучить самого вероломного защитника во всей Швейцарии. Но как только они оказались вдвоем в загородном доме, Венера тут же возжелала искупаться и привести себя в порядок после бессонной ночи. Только вот Аким остановил её, звеня васильковым

ожерельем, тем самым, которое часто всплывало в воспоминаниях и снах – единственным украшением Руби Оливер – матери Венеры Барбет.

— О Боже, это то самое ожерелье, – дрожащей рукой Венера осторожно взяла его. – Но откуда оно у тебя?

Волна забытых ощущений будто накрыла Венеру с головой. Прикасаясь к синим холодным камням, она с любовью думала о матери. Эти сапфиры украшали её шею много лет назад, а теперь они лежат дорогим подарком на дрожащей ладони взволнованной женщины.

— Те двое, одного из которых ты отправила на тот свет, не просто туристы, а грабители. Они вчера были у меня в офисе, предлагая купить у них это ожерелье за четверть миллиона.

— Но почему ты не сказал об этом вчера? – удивилась Венера.

— Но ты ведь думала что тот второй твой сын...

— Ты выяснил кто он?

— Он тебе не сын, дорогая. Именно из-за деликатности этого вопроса я и не стал преждевременно обнадеживать тебя. Да и мало ли как бы сложились обстоятельства. Возможно при ином раскладе, я бы и не смог осчастливить тебя этим подарком, – Аким обнял супругу. – Но это еще не все. Я завтра вылетаю в Австралию, в Новый Южный Уэльс.

— Но зачем?

— На поиски девушки, у которой украли это ожерелье. Дейк, тот второй турист-грабитель,

рассказал мне, где его взял. Я надеюсь, смогу разыскать твою дочь!

— Дочь?! Как же ужасно не помнить таких важных моментов из жизни, – Венера, не сдерживая слез, прильнула к груди мужа. – Я даже не знаю, кто у меня родился: сын или дочь. Как же я хочу вспомнить всё.

— В прошлый раз, когда мы были в Австралии, мы не были в деревне аборигенов недалеко от Катумба, а Дейк утверждает, что там украл это ожерелье.

— Катумба? Это возле водопада? – в сознании Венеры что-то дрогнуло, острая боль в висках заставила зажмуриться, а перед глазами вырисовывалась живая картина. Она отчетливо слышала шум воды, разлетающиеся брызги будто ударялись о её молодое тело. Вода, приятный мужской смех и её несмелое хихиканье. Он – страстный моряк влажными губами целовал открытые плечи...

— Что с тобой? – испуганный Колеями подхватил жену и уложил её на диване. – Ты что-то вспомнила? – достав бутылочку с живительной жидкостью, он обрызнул побледневшее лицо Венеры. – Не молчи, я умоляю.

— Катумба, – еле слышно прошептала она в ответ. – Ты на верном пути. Я бы хотела полететь с тобой... и... о Боже...

— Не волнуйся, дорогая. Выпей, тебе станет лучше, – он поднес к сухим губам затемненный пузырек и помог жене приподнять голову для нормального глотка.

— Как некстати я сбила человека, теперь я не могу покинуть приделы государства, – нервничала женщина.

— Но у тебя ведь есть я, твоя вторая половинка, помощник, и я не пожалею ни сил, ни денег на поиски твоего ребенка. Тем более на этот раз мы как никогда близко подошли к разгадке. Я сделаю все, что от меня зависит.

Австралия

Не зря Ираклий застелил крышу, потому что поздней ночью все-таки пошел дождь. Косые тяжелые полосы дождя обрушились на ветхую лачугу, состоящую из одной небольшой комнаты. И не было там ни намека на роскошь и тот уют, к которому стремятся даже небогатые семьи из больших городов. Укрытие от непогоды и только. Но в мерцающем желтизной свете горящего камина было больше тепла, чем от холодных софитов подвесных потолков городских квартир. Хотя Ираклий ловил себя на мысли, что именно спящая Лафита согревает его лучше любого камина и других, вместе взятых отопительных приборов, какие могли бы только быть. Он осторожно убрал из-под её головы занемевшую руку, чтобы нечаянно не разбудить, и, не прикасаясь, слушал дождь. На полу в темно-зеленом спальном мешке храпел Роберт, заглушая мелодии рыдающего неба. А Ираклию не спалось. В полудреме он видел то до отказа набитый учеными офис с длинным овальным столом, чертежи и формулы белым листопадом кружили над головой,

а потом улетали в настежь открытое окно, и появлялась девушка с длинными прядями вьющихся волос. Её чарующий голос звал, и не было ничего приятнее вновь и вновь слышать свое имя, произносимое с нежной интонацией.

— Ираклий, – Лафита осторожно толкнула его в бок, на что послышалось неразборчивое бормотание. – Ираклий, уже утро. Куда подевался Роберт?

— Что? – спросонок переспросил он, поднимаясь и протирая глаза.

Ни рюкзака, ни спального мешка, ни дядюшки в доме не оказалось. У погасшего камина, свернувшись клубочком, лежала серая Арника, никак не реагируя на негромкие разговоры.

— Я пойду поищу его, – Лафита хотела перелезть через ноги косметолога, но он завалил её обратно на кровать.

— Не сто́ит, – Ираклий осмелившись, дал волю рукам, нащупывая стройное молодое тело под легким платьем. – Он наверно полез в горы набрать воды из источника в пещере, – шептал он, покрывая поцелуями гладкую кожу на шее Лафиты.

— Но..., – слабым голосом промолвила она, пытаясь вырваться из настойчивых объятий охваченного страстью мужчины.

— Лафита, – вложив в одно слово столько нежности, Ираклий еще крепче обнял её и прижал к себе.

— Что ты хочешь сделать, – изумленные глаза девушки округлились, когда косметолог оголил её плечи, намереваясь (наверно) снять платье. Но ответа не последовало. Предприняв очередную неудачную

попытку освободиться, Лафита задыхаясь под натиском тяжести, расслабилась. Потеряв контроль над собой, она податливо подставила губы для жарких поцелуев, которые не заставили себя ждать.

Роберт тоже нисколько «не заставил себя ждать». Шорох за дверью охладил пыл Ираклия, мгновенно ослабившего хватку. Наспех натянув плед до самой шеи, он подмигнул Лафите, пожав плечами. Она была прекрасна: светлая бархатистая кожа, на ощупь мягкая как шелк; губы сочные и способные подарить блаженство от одного только поцелуя; глаза, наполненные смешанными чувствами, в них и огни стремления к познанию неизведанного и боязнь быть застуканными за занятием, касающимся только их двоих. Только их двоих! Обнимая стройный стан девушки, Ираклий постигал неудержимую силу влечения. И то, что эта девушка (и сколько бы ей ни было лет на самом деле) обязательно будет его, придавало его лицу неповторимое выражение. Он светился от счастья, осознавая, что нашел то, чего даже не искал в своей жизни – любовь.

Когда Роберт все-таки вошел в дом, он застал трогательную картину. Ираклий и Лафита лежали под одеялом и просто смотрели друг на друга. По их взглядам можно было бы подумать, что они изучают каждый сантиметр в особенности очертания лиц. Племянник кончиками пальцев гладил её по щеке, не произнося ни слова.

— Кхе-кхе, – дал о себе знать застывший у входа дядюшка. Не догадываясь, что его приближение уловили задолго до того, как он перешагнул порог. И

только поэтому Ираклий не встает с постели, дабы утихомирить жар, сковывающий его области паха.

— Роберт, вы так бесшумно... собрались, — запнувшись, пролепетала Лафита, второй раз за утро перелазив через Ираклия, все еще не спешащего вставать.

— Я думаю, мы должны выйти на рассвете. Если идти своим ходом, то до железнодорожного перевала лучше добираться не в ночное время, — спокойно излагал свои мысли старший профессор, теребя наполненную бутылку с красной крышечкой.

— Вы были в пещере? — с невозмутимым лицом Лафита стала заплетать волосы, изредка поглядывая на Ираклия.

— Да. Пока вы спали, я взял для образца воды из парующего озера, — при этом Роберт загадочно приподнял брови, делая умное лицо. — Я больше чем уверен, что фитохимический состав этой жидкости удивит не только меня, — он интригующе улыбнулся Ираклию.

— Это само собой, — наконец-то встав с кровати, сказал косметолог, вмиг оказавшийся у порога и внимательно рассматривающий слегка мутную жидкость. — А грязи ты не догадался зачерпнуть?

— Ты меня недооцениваешь! — расплылся в улыбке Роберт, доставая с кармана носовой платок с завернутым в него содержимым. — Нас ждут великие открытия! Я уже представляю удивленные глаза доктора Оскара!

Лафита со стороны наблюдала за взволнованными деятелями науки, горящими желанием поведать миру её тайну, разложив все по

*Жить 300 лет... Фантастика?
Или бывает и не такое?*

своим полочкам. Повязав на голову широкую и длинную шаль, прикрывающую не только волосы, но и плечи, и грудь, девушка прошла мимо них. Она то знала наверняка, что какие бы формулы ни имел состав, и как бы с научной точки зрения ни назывались живительные соединения – результат это молодость и здоровье, играющие немаловажную роль в жизни каждого человека.

... Лафита была уверена, что скоро сбудется и второе желание – «заполучить» красавчика-мужчину.

Швейцария

Утром Аким Колеями повторно вышел в Интернет, что уже проделывал накануне вечером. Его цель заключалась в просмотре данных синоптиков на ближайшие дни в Австралии. Он неоднократно сталкивался с путешествиями и знал, что когда в Швейцарии лето, в других государствах вполне может быть зима. Именно к числу стран-антиподов относится и Австралия. Там январским летом держится самая высокая температура, и наоборот – пик зимы приходится на июль. Прогноз погоды ничуть не расстроил Акима: в марте месяце в Швейцарии начинается весна, а в Австралии заканчивается лето. 18-20 °С – таковы были цифры, высветившиеся на экране монитора. Это немногим выше температуры на улицах Люцерна.

Нарастающий сигнал телефона отвлек Колеями от красочных страниц туристического сайта. Нажав на кнопку приема вызова, он поднес к уху аппарат, произнеся только одно слово «говори». Разборчивым спокойным голосом неизвестный поведал, что Дейк по-прежнему находится в гостиничном номере, на что Аким лаконично ответил: «Не спускай с него

глаз, пока я лично не появлюсь». Господину Колеями уже было известно обо всех вчерашних вылазках Дейка: о двух банках, чьими услугами он воспользовался, пряча награбленное; о кафе, магазине одежды и парикмахерской. Похоже, Дейк не намеривался сбегать, чего все-таки опасался предусмотрительный бизнесмен.

Время отлета приближалось. Чемодан с вещами был собран. Венера Барбет еще раз перепроверила, все ли положила в дорогу любимому мужу. Несколько сменных рубашек, элегантный коричневый костюм, теплый свитер и шерстяной шарф на случай прохладной погоды, носки и нижнее белье, предметы личной гигиены, сигареты и бутылочка с «эликсиром жизни». Опустив крышку, Венера щелкнула застежками, и застыла на месте, прижимая ожерелье к телу. «Помоги, Акиму разыскать мою девочку» – прошептала она, смотря вверх, уповая на милость всевышнего. Ей и самой хотелось броситься на поиски, но в этот раз обстоятельства не позволяли покидать Швейцарию. Оставалось только молиться и верить в чудо.

Аким вышел в гостиную в бодром расположении духа. Опираясь на трость, но все-таки заметно похрамывая, он преодолел роскошные колонны, подпирающие высокий стеклянный потолок, и, обойдя массивные кресла в центре огромной комнаты, столкнулся с опечаленным взглядом супруги.

— Мне пора, — нарушив затянувшуюся тишину, Аким с нежностью сжал её ладони. В ответ Венера заботливо пригладила воротничок, поправила галстук

и молчаливо кивнула головой, едва сдерживая себя, чтобы не расплакаться.

Они вышли в залитый солнцем зеленеющий дворик. «Rolls-Royce Drop head Coupe» поприветствовал хозяина мигающими фарами, и вскоре шофер услужливо погрузил багаж, предоставив супругам еще несколько минут для прощаний. Как же нелегко было у Венеры на душе. Аким уезжает – она остается. Он будет иметь возможность пройти по старым тропам деревень аборигенов, а она в страхе сжимает кулачки. И чего Венера больше боится, она и сама не знает. Неутешительных новостей? Что если ей не суждено обнять свою плоть и кровь? Но нет. Венера неуверенна, сможет ли дочь когда-либо простить длительное отсутствие матери. И найдет ли она (Венера) слова, чтобы объясниться и пролить свет на историю, в которой и сама не может связать концы с концами. Ясно одно – 120 лет назад она бросила своего ребенка на произвол судьбы, и все эти годы её дочь считала себя покинутой, ненужной даже родной матери. Угрызения совести не давали Венере спокойно жить. За маской успешности скрывалась раненная истерзанная душа, ищущая прощения.

— Я найду её, – Аким прервал глубокие размышления.

— Да будет так, – Венера скованно поцеловала мужа, всхлипывая от накатившихся слез.

— Береги себя, дорогая, я буду звонить и держать тебя в курсе событий.

За ним захлопнулась дверца, и черное авто покинуло внутренний двор, скрывшись за высокими живыми изгородями.

Австралия

Добираться до деревни аборигенов довелось дольше, чем планировалось. Причиной тому стала резко изменившаяся погода. Лафите не привыкать было к сюрпризам природы, да и городские жители, а вместе с ними и Роберт с Иракием тоже не раз сталкивались с непредсказуемыми явлениями, когда в одночасье небо заволакивало низкими густыми облаками и шел дождь, а через полчаса во всю светило солнце. Но тогда не просто пошел дождь. Холодный пронизывающий ветер бросал в лицо крупные частицы острых камешков вместе с песком, застилающим глаза. Видимость ухудшилась, и все вокруг казалось безжизненным, словно в высушенной зноем пустыне. Продолжать путь было затруднительно, так как нужно было прилагать немало усилий, чтобы противостоять необузданной силе ветра. Но хуже всего было то, что непогода застала путников на открытом пространстве. Голубые горы остались позади и нечеткой линией чернели за спинами, а впереди только мгла, окутывающая неровности земной поверхности.

— Не останавливайтесь, — девушка кричала во все горло, стараясь заглушить стоящий гул, по-настоящему испугавший даже мужчин.

Ноги с трудом поднимались, будто окованные тяжелыми цепями, в каких ходили рабы в древние

времена. Каждый шаг давался с трудом, и внутренний голос подсказывал Лафите, что нужно как можно скорее найти укрытие и переждать надвигающийся ураган.

Арника, распушив хвост, жалобно мяукала, пока Лафита не взяла её на руки, прижав к груди. Бросить любимицу одну в горах было невозможно, да и расставаться с ней у Лафиты желания не возникало. Не смотря на дальнюю и возможно опасную дорогу – они как всегда были вдвоем.

— Ты точно сможешь привести нас в деревню? – Роберт шурился, прикрывая одной рукой глаза, а второй придерживал панаму-афганку цвета мокрого песка, идеально сочетающуюся с обширными каменистыми холмами. Сомнения одолевали, и меньше всего ему бы хотелось находиться неизвестно где в такой неблагоприятный день. Рюкзак притягивал к земле, и в эти мгновения профессору пришлось пожалеть, что он наполнил две фляги под завязку водой из источников, да еще и литровую пластиковую бутылку от «Coca-Cola». Весь этот груз, помимо других принадлежностей, заметно сказывался на состоянии Роберта.

— Я хорошо знаю в этих местах каждый камень, – прокричала Лафита, не останавливаясь. Она обмотала всю голову шалью, оставив лишь крохотные разрезы для глаз. Так можно было безопасно вдыхать пыльный воздух, крупные частицы оседали на ткань и не попадали ни в рот, ни в нос. Но бороться со встречным ветром было гораздо сложнее, чем с пылью, поднятой им.

Ираклий не отставал. Приподняв воротник изодранной рубашки, он укрывал лицо, а во второй руке он сжимал плетеную корзинку с продуктами и питьевой водой. Эта была та самая корзина оставленная ими вчера в пещере во время обвала. Роберт достал её... Но вовсе не о корзине думал профессор-мечтатель, когда первые холодные капли дождя ударили его по рукам. Спрятаться бы. Да только где?

Лафита сжалась, поглаживая то кошку, то озябшие плечи:

— Похолодало...

На ней было легкое летнее платье, нисколько не способное согреть. А когда начался дождь, она и вовсе продрогла что называется до костей.

— Мы скоро придем? – Роберт торопил время, хотя и сам догадывался, что впереди еще как минимум полпути. Но им крайне важно было иметь крышу над головой, потому что их ожидала еще более неприятная неожиданность.

— Град, – ужаснулась Лафита. Мокрая, хоть снимай и выкручивай платье. Но и это не помогло бы, дождь не прекращался, неся устрашающие падения ледяных камней размером с куриное яйцо.

Пыль осела под натиском бесчисленных прямых линий, вбивающихся во все, как раскаленные гвозди в масло. Ираклий на ходу снял рубашку. Он по возможности старался укрыть Лафиту от ударов дождя и града, причиняющих тупую боль. Тройка путешественников вынужденно сделала остановку под открытым небом, и в качестве крыши им

послужила натянутая рубаха. Но и подобная защита безжалостно рушилась.

Паника охватила старшего профессора, когда острая льдина ранила его в предплечье. Темная кровь струилась и стекала вниз, оставляя большие размытые пятна. Он опустил руку, корчась от боли. А Ираклий и Лафита все еще держали над головами изодранный прямоугольник неправильной формы.

Тучи рассеивались, но град не прекращался. Все вокруг побелело, словно с высоких гор сошла снежная лавина. Но горы были далеко. Ираклий ворочая голову, в надежде что рано или поздно все закончится, мысленно молился, чтобы не пришлось ждать «дольше». И его взору открылось большое развесистое дерево, склонившееся под напором непогоды.

— Побежали, — он опустил руки и бросил клочок ткани в корзину. Одевать мокрую и порванную рубашку не было ни желания, ни времени. — Там есть дерево! — указал он вперед (как он думал, потому что в суматохе трудно было разобрать, с какой стороны они пришли и куда направлялись).

Схватив Лафиту, Ираклий только и думал как бы скорее укрыться. Ни холод, ни посиневшее от ударов града тело его не беспокоили. Дерево, появившись оно в поле зрения раньше, спасло бы от болезненных травм. Но пусть и так, испуганные путники все равно были рады, что хоть град им больше не страшен. Широкое дерево укрыло их изогнутыми ветвями, прогибающимися в одну сторону. Обнявшись, они вплотную облепили ствол.

Подобное явления⁴ впервые за 120 лет Лафите довелось наблюдать вдали от дома. И раньше было подобное, но чтобы после дождя тело покрывалось круглыми синяками, такого не бывало. А виной всему тяжелые ледяные камни, летящие с высоты птичьего полета.

Так же неожиданно как начался, так и закончился дождь, а вместе с ним и это ужасное падение гигантского града. Все было мокрым, и бурлящие потоки воды смелым извилистыми лентами пробивали себе путь к низменным точкам пустынной территории. Вода доставала по щиколотку, а иногда и выше. И по этим лужам трое несчастных бежали как можно скорее, дабы согреться где-нибудь у костра. Только вот где взять сухие дрова? Да и до деревьев еще нужно было дойти.

Вскоре тучи и вовсе развеялись, выпустив на багровый горизонт вечернее солнце. Ступая по влажной земле, усеянной намытыми камнями, Лафита вела ученых к высокому мосту, за которым шумел красивый водопад. Его шум доносился все отчетливее. До поселения аборигенов можно было подать рукой.

Швейцария

Дейк Ломан, надев поверх нового спортивного костюма не менее новую горнолыжную куртку из

---

⁴ В январе 1947 года в области Голубых гор началась буря, а уже во второй половине дня поразила Сидней на востоке пригорода Бонди (англ.). Это стихийное бедствие стало самым тяжелым штормом с градом в Австралии, зарегистрированным с момента начала в стране метеорологических наблюдений.

лимитированной коллекции, красовался в холле отеля, рассматривая отражение в зеркальной стене. Эксклюзивный дизайн не препятствовал свободе движений, что не могло не порадовать любителя комфорта, каким и считал себя Дейк в те удачные периоды его жизни, когда фортуна включала зеленый свет. Однако одно незначительное событие немного действовало на нервы преобразившемуся туристу. Поправляя прическу и делая вид, что скрупулезно изучает гладкость выбритого подбородка, Дейк бросал косые взгляды в сторону входных дверей. Там в зоне отдыха, рассевшись на мягком диване, какой-то подозрительный тип уже полчаса читал газету. Чувствовать себя предметом наблюдения Дейк не любил, и каждый раз, когда попадал в подобную ситуацию, хотел первым делом скрыться, а потом выяснить, кому и что от него понадобилось. Но на этот раз он уже давно понял, кто за всем этим стоит. От Акима Колеями просто так не отделаешься. Поэтому, убедившись, что выглядит безупречно, со своей точки зрения, он вышел из отеля, сначала проверив который час.

06:55. Черный «Rolls-Royce» притормозил в нескольких метрах от Дейка. Старик в солидном пиджаке уверенным жестом сделал знак, и под ревущих шум мотора они отправились в аэропорт Вейкфилд-Вестгейт (Люцерн, Швейцария), где Boeing ожидал посадку пассажиров, заказавших билеты на чартерный рейс Люцерн – Сидней.

Дейк никогда не брал с собой много вещей. Только самое необходимое. И это все вполне помещалось обычный туристический рюкзак

~~~~~

объемом в 35 литров, лежащий на его коленях. Дейк не успел и глазом моргнуть, как водитель-лихач доставил их к первому месту назначения. На посадочной полосе стояли самолеты, и на одном из них Дейку с господином Акимом предстояло совершить перелет. Накинув на плечи анатомические лямки рюкзака, Дейк насвистывал старую мелодию «The Beatles» и с самодовольным видом шел бок о бок с седовласым господином.

Хорошо, когда у тебя есть связи и не составляет ни малейшего труда забронировать билеты без предварительной подачи документов. К тому же летать с vip-обслуживанием Дейк Ломан ранее не решался, не желая привлекать к своей «скромной» персоне излишнего внимания. Радовал и тот факт, что уже через несколько часов они будут в Сиднее. А если бы пришлось лететь не прямым, а стыковочным рейсом (с несколькими промежуточными пересадками в европейских или азиатских странах), то перелет длился бы более 24 часов.

* * *

Пролетая высоко над землей, самолет время от времени вибрировал. Аким Колеями в который раз усомнился в точности синоптических прогнозов. Окончательно отложив в сторону глянцевого журнал, он внимательно прислушивался к посторонним звукам. Никак начинался дождь. Что больше всего поражало старика, повидавшего многое на своем веку – радужный цвет неба, не оставивший равнодушным ни одного пассажира. В колоритных красках бирюзы

растворялись воздушные реки спелых ягод малины и брусники; а местами, словно белоснежное безе, возвышались легкие пушинки облаков. Казалось, кто-то разлил по небосводу необычайно красивый фруктовый коктейль. «Не хватает зонтика и кубиков льда» шутили удивленные невиданным зрелищем любители туристических туров. Вид из иллюминатора поистине очаровывал. Но барабаниющие капли дождя, с силой ударяющиеся о стекла, уже никак не могли порадовать.

— А вы читали о недавней авиакатастрофе в Голубых горах? — Дейк Ломан со спокойствием удава, раскрыл журнал на странице с изображением, где были видны обломки лайнера и многочисленные трупы, сложенные длинной вереницей.

— Я смотрел репортаж с места трагедии, — серьезно ответил Колеями, не желая даже смотреть на снимок, запечатлевший жуткую картину.

— Говорят, выжил лишь один человек, — продолжал Дейк, просматривая статью. — А вам не кажется странным, что у него до сих пор не взяли интервью? Здесь пишут, что, по словам бригады спасателей, раненного доктора наук Ираклия Дупеля приютила некая девушка. Что за идиотка одна живет в горах? — невнятно пробубнил он. — Какая-то Лафита. Даже фамилию не написали...

— Ла... Лафита? — Колеями вздрогнул от неожиданности. Подобные имена не давали девочкам, но истории Венеры Барбет о её отце (герцоге знатного рода Бордо, чьи предки, начиная с XIV века, выращивали виноград на пригорках своего феодального владения) натолкнули Акима на

рассуждения. «Могла ли Руби Оливер после исчезновения дочери назвать свою внучку Лафитой? Красное вино? А в переводе с гасконского языка "La hite" означает "пригорок"... Горы, вина, долгожители... Чем вино старше, тем дороже. Или: вино не портится с годами... Точно!»

— Лафита, — четко произнес Дейк, заметив растерянность Акима. — Оказывается, имя знаменитого французского пирата в Австралии дают и девочкам, — он сморщил нос, переворачивая лист.

— Можно взглянуть, — Аким Колеями чуть ли не вырвал из его рук журнал, на время забыв о дожде и разноцветных тучах. — Я думаю, вам будет не лишним узнать, что того пирата, о котором вы упомянули, звали Жан, а не Лафит⁵, — сделав резкое замечание, он принялся внимательно перечитывать всю статью. Но ничего любопытного о девушке больше не упоминалось.

— Нашли что-то интересное? — Дейк с насмешкой поднял брови, не ожидая объяснений от старого бизнесмена, и он не ошибся.

Задумчиво, насупив взъерошенные брови, Аким смотрел сквозь мокрое стекло и поражался, насколько тонко и изощренно сама судьба может подталкивать человека в нужную сторону. И верь после такого в случайности?! Будто кто-то заранее все продумал, разложил по полочкам; и до тех пор, пока не пройдешь первый этап, доступ ко второму

⁵ Жан Лафит (умер в 1826г) — французский контрабандист седафского происхождения, который с молчаливого одобрения американского правительства грабил английские и испанские корабли в Мексиканском заливе.

закрыт. Сколько не пытайся прыгнуть выше головы – не выйдет. Ведь на поиски Руби Оливер и ребенка ушли десятилетия. Более века Венера кусала локти, виня себя за то, что при неясных ей до сих пор обстоятельствах, не была рядом с ними. Но первая подсказка все-таки всплыла – сапфировое ожерелье. А теперь появились предпосылки считать, что дочь Венеры и есть та Лафита, спасшая человека после авиакатастрофы. Уж слишком много совпадений. А если считать все случайные совпадения хитросплетением закономерностей судьбы, выходит, что и самолет тогда разбился неслучайно. Остается неясным, какую роль во всей этой истории играет Дейк Ломан. Такой человек не может быть пешкой ни в одной партии...

Искоса поглядывая на самоуверенного напарника, развалившегося в кресле и от безделья рассматривающего маникюр, Аким Колеями обратил внимание и на других пассажиров. Оказалось, их лица напряглись от боязни возможных последствий ухудшения погоды. Красочные картинки улетучились, на смену им пришла серая масса дождевых туч. От перепуганных глаз стало немного не по себе, но Колеями был больше чем уверен, что ему удастся совершить задуманное, а значит с самолетом не должно ничего произойти. Не могла же судьба так жестоко посмеяться над наивным человеком, поверившим в скорое решение старой задачи? Но когда сидение затряслось и вокруг началась паника, Аким содрогнулся от завладевшего разумом страха так и не найти ту девушку, шею которой украшало дорогое ожерелье. Более того, он

был предельно уверен, что имя прекрасной незнакомке Лафита.

А вот непоколебимому чувству безмятежности Дейка можно было позавидовать. Когда все вцепились в ремни безопасности и безысходно уповали на чудо, он, как ни в чем не бывало, листал журнал.

— Уважаемые пассажиры, просьба сохранять спокойствие, – встревоженный молодой голос бортпроводницы немного утихомирил волнение в салоне. – Boeing идет на вынужденную посадку. Пристегните ремни безопасности, – скомандовала она. – По радиосвязи от наземных служб поступил сигнал, что над Сиднеем стоит непроглядный туман, юг Австралии захлестнула волна урагана... Сейчас мы находимся над Новым Южным Уэльсом... и наш пилот посадит самолет безотложно.

Смятение нарастало. Аким, надеясь на лучшее, не мог сбрасывать со счетов зависимость благоприятного исхода посадки от опыта и ловкости пилота. Одно неверное движение и... об этом не хотелось и думать. Но в подобной ситуации стоит лишь просчитаться и самолет непременно во что-нибудь врежется. А если учесть дождь и как следствие плохую видимость – этот перелет может стать последним в долгой жизни Колеями.

На висках выступил пот, ладони скользили по подлокотникам, а самолет ходил ходуном, доводя пассажиров до белого каления. Спокойнее всех держался Дейк. Неужели он настолько бесстрашный, что не боится умереть? Да, он, конечно же, смельчак. Ведь трус не грабил бы ломбард во время рабочего

дня. Взяв себя в руки, Аким Колеями сделал глубокий вдох и, беря пример с Дейка, оперся о спинку кресла, мысленно считая секунды до приземления.

Один, два... Резкий толчок, и Аким дернулся от глухого удара.

— Ура! Мы, кажется, приземлились удачно! — радостные крики нарушили возникшую тишину. Многие уже успели попрощаться с жизнью, но на этот раз все обошлось без трагических жертв.

Вскоре раздался приятный голос, попросивший всех временно оставаться на своих местах. Все худшее, что могло произойти — позади. И если большинство находящихся в самолете людей, огорчились, что до Сиднея еще придется добираться, то Аким Колеями был даже доволен. Ведь Катумба находилась где-то совсем близко...

— Коктейль со льдом и зонтиком заказывали?! — оживленный вопрос блондинки навел Акима на мысли, что доверять прогнозу синоптиков нельзя. По крайней мере — погода в Австралии непредсказуема. И глыбы холодного льда, свалившегося не иначе, как с неба в виде града, стали прямым подтверждением его предположений.

Австралия

На рассвете феерический мираж Голубых гор, окутанных туманной свежестью, захватывал дух. Чем выше поднималось солнце, тем зеленее и красочнее становилось вокруг. Нежно-бирюзовый оттенок холмов растворялся, открывая взору густые

смешанные леса. В воздухе пахло эвкалиптовым маслом, микроскопические капельки которого невесомо парили в полупрозрачной дымке между деревьями. Вздрагивая от прохлады, тройка путников поспешно покидала ночное укрытие, где им довелось дожидаться начала нового дня. Оставалось преодолеть небольшую преграду в виде отлогого холма, и деревня аборигенов – одно из излюбленных мест туристов предстанет перед ними во всей красе.

Ираклий Дупель, попав в лоно природы, не мог налюбоваться девственными красотами. Временами его посещали мысли, что горы Корунда (как называла их Лафита) и есть рай на Земле. Оглядываясь, он прокручивал в памяти события последних дней, ставшие одним из незабываемых эпизодов в его жизни. Авиакатастрофа и жизнь, будто второй шанс на осуществление невыполненных задач; Лафита, чьи глаза блестят особым внутренним светом, и её секрет, – всё это отвлекало Ираклия от прежних позиций. Влечение к скромнице, чей возраст может произвести фурор в целом мире, тоже не давало покоя. Возможно ли, что Лафита станет его спутницей жизни на долгие годы? Смогут ли они совместить научные эксперименты с размеренной супружеской жизнью? Любит ли она его настолько, чтобы безоговорочно считаться с его мнением, или это ему доведется во всем угождать Лафите, ведь она старшая? «120 лет» – эта цифра навязчиво пульсировала в голове. Благодаря источникам молодости Лафиты, не только Ираклий, но и многие другие люди смогли бы не задумываясь жить до 300 лет, а может и дольше... Но стоило ему лишь

коснуться нежной ладони этой удивительной девушки, как она из материала для исследований превращалась в предмет обожаний – женщину с которой хотелось разделить все: успех и неудачу, славу и неизвестность, радость и печаль, жизнь и ... Жизнь! Долгую и счастливую!

Железная дорога в завораживающий пейзаж, можно сказать, не вписывалась. Среди горных цепей, тянувшихся через Новый Южный Уэльс, размещались заповедники и национальные парки. О прогулке в подобном месте городские жители могут только мечтать. А Ираклий, как и дядюшка Роберт и вовсе не могли позволить расточительно тратить время на подобные занятия. Но, оказавшись здесь, не могли не оценить по достоинству плюсы отдыха в горах.

Деревня аборигенов шумно жила своей жизнью. В округе были протоптаны туристические маршруты, по которым кучки иностранных приезжих совершали пешие прогулки. Им в диковинку был образ застывших во времени поселенцев. Сфотографироваться на фоне стариной полуразваленной лачуги было общепринятым явлением. Как же не запечатлеть кусочек прошлого, сохранившегося до настоящих времен? А как не прокатиться верхом на лошади по каменистым горным дорожкам? Ираклий восторженно наблюдал за происходящим вокруг. И ему казалось, что он перенесся во времени на несколько веков назад. Быт аборигенов радикально отличался от городской суматохи. Гиды неустанно жестикулировали, обращая внимание туристов то на диковинные

особенности Голубых гор. Глаз радовался подобным наблюдениям.

Лафита же сдержанно вела мужчин к месту остановки поездов. В районе рынка всегда было многолюдно, но помимо приезжих можно было столкнуться лицом к лицу и с местными аборигенами. После недавнего визита в деревню ей меньше всего хотелось бы оправдываться перед кем-то, уличившим её в долгожительстве или обмане, а может и в сверхъестественных способностях. Поэтому, убедившись, что лицо надежно прикрыто от недоброжелательных взглядов, Лафита без отлагательств направилась к месту скопления туристов, ожидающих прибытия поезда. Роберт хотел было возразить, желая прикупить кое-что из сувениров, но Лафита ненавязчиво дала ему понять, что не стоит отвлекаться.

«Поезд задерживается из-за последствий непогоды». Взволнованная кучка гостей деревни эмоционально обсуждала неприятное сообщение. Краем уха подслушав обрывки их разговора, Роберт сделал вывод, что в скором времени они так и не попадут в столицу. Хотя Канберра и расположена недалеко (на юго-востоке Нового Южного Уэльса), но покинуть столицу гораздо проще, чем вернуться назад из богом забытого места. И пусть здесь и необыкновенные пейзажи, но ожидание всегда утомляло Роберта. Он не любил оставлять на потом незаконченные дела и тратить время впустую считал непозволительной роскошью.

Время шло, а поезд так и не появлялся на горизонте. Лафита раньше не вникала в подробности

связанные с расписанием поездов и вообще среди людей чувствовала себя белой вороной. Еще бы. Надела чуть ли не паранджу, и хочет слиться с толпой? Косые взгляды ей были обеспечены. Ожидание томило не только Роберта, Лафита не знала как и быть. Растрепанный Ираклий тоже привлекал к себе противоречивые взгляды. Казалось все только и смотрят в их сторону, и от этого ожидание задерживающегося поезда становилось еще более неприятным.

* * *

А поезд таки задержался. Но не столько из-за погодных условий, сколько из-за самолета, так и не доставившего пассажиров в Сидней.

Аким Колеями и Дейк Ломан приближались к станции Катумба. Им уже открылись пленяющие взор Голубые горы, красивый водопад... и многочисленное скопление народа на остановке, которую Аким считал последней. Более века назад он, будучи мужчиной в расвете сил, встретил в этих краях свою любовь. И романтические воспоминания опять вскружили голову. Сколько воды утекло с тех пор? А водопад, как и прежде, заворачивает переливами и неповторимым звоном!

— Вот мы и на месте, — в сухом голосе Дейка не было ни частицы тех светлых чувств, что заставляли уставшее сердце пожилого бизнесмена биться сильнее.

Закинув за плечи рюкзак, Дейк шел к выходу, не дожидаясь пока Колеями поторопится.

— Не вздумай затереться в массе туристов, — предостерег его Аким, волоча за собой тяжелый чемодан.

В который раз он думал о Венере. Ведь её заботе не было предела. Только женщина могла бы продумать все до мелочей, не забыв даже о теплых вещах, которые как нельзя, кстати, пригодились после холодного дождя с градом.

— В любом случае, господин Колеями, в скором времени нам предстоит расстаться, — натянув на глаза кепку, Дейк ехидно изобразил жалкое подобие ухмылки. — Надеюсь, вы не забыли о нашем договоре?

— Нисколько.

Для Акима Колеями все люди, собравшиеся на пироне, были ни больше, ни меньше копошащимся муравейником. Он протискивался между ними, не предполагая ни миг, что всего лишь в нескольких метрах от него стоит та самая Лафита — дочь дорогой ему женщины; жертва корысти Дейка и его давнего дружка Манфреда; и девушка, спасшая выжившего в авиакатастрофе косметолога. Аким не был таким наблюдательным, как Дейк Ломан, всматривающийся не только в лица хороших путешественниц, но и не упускающий из виду и мужчин, не вписывающихся по некоторым своим собственным критериям в его рамки.

Задержав лишь на долю секунды беглый взгляд на мужчине в изодранной одежде, Дейк невольно задумался над его плачевным видом. Он сразу отметил крепкое телосложение, сильные руки и широкие плечи. По синякам можно было

предположить, что тот явно попал в передрагу. Да и состояние одежды свидетельствовало о далеко не белой полосе в жизни. «Небритый голубоглазый австралиец» вертелось на языке. Дейк вполне мог бы пройти мимо, но излишняя заинтересованность всем, что выделяется на фоне однородности, всегда заставляла его притормозить и подумать: «А что в нем (ней) особенного? Если я обратил на него (неё) внимание, значит он (она) чем-то отличается от остальных?» Дейк имел чутье на сигналы подобного рода. Поэтому остановился, прикуривая сигарету.

— Благодарю, что подождал, — Аким еле справлялся с габаритным чемоданом и подумал, что Дейк остановился из-за него. Но по прищуренному хитрому взгляду, который Колеями успел заметить на самодовольном холеном лице своего напарника, он понял, что дело в чем-то другом. — Высматриваешь знакомые лица? Или ищешь кандидатуру для очередного грабежа? — тихо спросил Аким, стараясь не привлекать к себе внимание.

Дейк смерил старика недовольным взглядом, так и не удосужившись ответить. Он из-под лба косился в сторону, напрягая извилины, дабы вспомнить, не видел ли он раньше этого голодранца. Рядом вертелся какой-то нервный мужчина, постоянно протирающий виски платочком. Ботаник что ли? Какой дурак носит в кармане белый платок? Так он еще и шею обмотал как англичанин XVIII века, который только что принимал участие в скачках на лошадях! Не хватало только золотой английской булавки! Мысленно подняв на смех второго мужчину, он переключил внимание на высокую

фигуру в сиреновом платье. Корзинка в руке... Обмоталась как восточная наложница...

— Я, пожалуй, схожу на рынок, – Дейк наконец-то хоть что-то произнес, не вынимая сигарету из рта.

— Идем, – Колеями двинулся с места.

— Минутку.

Парень в лохмотьях взял девушку под руку, и они прошли мимо, приближаясь к ступенькам. Дейк не узнал лиц, но эту корзину с продуктами он уже видел...

* * *

Сердце бешено стучало. Лафита те короткие мгновения, когда ей в шее приставили нож, не могла так быстро забыть. Да и забудет ли? Этот вызывающий взгляд на продолговатом лице вьелся в память, и стоило лишь уловить на себе постороннее внимание, как она тут же узнала обидчика. «Он здесь». Дрожащими руками Лафита поправляла шаль, словно боялась, что ей снова грозит опасность. Теребя кончики ниспадающей бахромы, она торопила время. Еще и Роберт отлучился «на минутку». Ираклий держал в руках его рюкзак. Но когда заметил странное поведение Лафиты, стал озираться по сторонам. Дядюшка был в поле зрения.

— Тебя что-то напугало? – ласково заглядывая в красивые, но бегающие глаза Лафиты, Ираклий опустил рюкзак, а потом и корзину. Он сжал влажные ладони, желая успокоить девушку, дать ей понять,

что с ней ничего страшного не случится. – Не бойся, я с тобой.

— Тот человек с сигаретой, видишь? Только не смотри на него? – еле слышно попросила она с мольбой в голосе.

— С сигаретой? – он осторожно огляделся по сторонам, – вижу.

— Я узнала его... бабушкино ожерелье... он забрал его, – Лафита запинаясь на полуслове, все еще находясь под влиянием пережитого страха.

— Ты уверена? – Ираклий видел лишь приятно одетых мужчин, причем один из них явно занимал высокое положение в обществе и не стал бы опускаться до грабежа. А второй... дорого одет, но больше был похож на заядлого путешественника.

— Да какая разница, – чуть ли не плакала девушка. – Ничего вернуть уже нельзя. Он и ожерелье уже наверно давно продал.

— Хочешь, я с ним поговорю, – Ираклий разжал ладони, собираясь отойти в сторону.

— Нет, не нужно, – резко остановила его Лафита. – Давай спокойно уедем отсюда, пока мы не встряли в очередную неприятную историю.

— Кто хочет мясной пайб из слоеного теста с маринованными грибами и говяжьим филе?! – Роберт неожиданно подошел сбоку. Он аппетитно доедал небольшой кусочек «пая», не обращая ни малейшего внимания на явно обеспокоенную Лафиту. –

⁶ Пай – популярный в Австралии мясной пирог из слоеного теста.

Измотался я, – он протер вспотевшее лицо носовым платком. – Интересно, как скоро отправка?

— Скоро, – машинально ответил Ираклий. – Похоже, все уже вышли. Идемте...

Аким Колеями, крепко сжимая в одной руке трость, во второй – ручку чемодана, ненавязчиво проследил за взглядом Дейка Ломана.

— И чего это мы остановились?

— Тот мужчина, – Дейк сделал жест щелчком пальцев, будто ему в голову пришла гениальная мысль. – Вам не кажется его внешний вид подозрительным?

На спокойном лице Акима отразилось легкое недоумение.

— Мне нет дела до случайных прохожих, и вас я бы очень просил не отвлекаться по пустякам. Смеею напомнить – мы ищем девушку.

Дейк громко рассмеялся.

— Поиски окончены, господин, – он бросил окурок и затушил его ногой.

Брови Колеями резко подскочили вверх.

— Но мы договаривались...

Дейк не дал закончить фразу.

— Советую поторопиться, если не хотите бежать за поездом. Потому что та, у которой я «позаимствовал» ожерелье у вас за спиной.

— Не может быть! Но кто? – Аким растерянно разглядывал женщин и девушек, так и не понимая, кого Дейк имеет в виду.

— Блондин в дырявой рубаше. Ну же?!

— Ты говорил, ожерелье было на шее девушки. Его носил этот оборванец?

Дейк с наигранным недовольством причмокнул губами, а сам едва сдерживал смех.

— Девушка в сиреновом платье, та, что с «оборванцем»! Так понятнее? И поспешите выяснить, не обознался ли я. Хотя я редко ошибаюсь, — более серьезно добавил он.

Аким Колеями полностью развернулся лицом к поезду. Дрожь пробежалась по всему телу, а ноги не слушались отдаваемых приказов. «Беги, догони её» сигнализировал разум, и одновременно переваривал полученную информацию. «Это она?!»

— Я поговорю с ней, — кинул на ходу Колеями.

— Если что, я буду в баре, — сорвалось с губ Дейка как-то само собой. Хотя он вовсе не хотел бы заниматься ничьими поисками, как и пересекаться снова с Колеями. «Я снова свободен». На 99% Дейк был уверен, что указал Акиму на нужную девушку. И кто знает, узнал бы он её, если бы не тот австралиец, выделяющийся неподходящим видом?

* * *

Волоча за собой неудобный чемодан, Аким Колеями снова поднялся в вагон. Он торопился догнать девушку, скрывающую свое лицо под темной шалью. Как стало понятно, она находилась в сопровождении двоих компаньонов, помимо молодого человека с ней был и серьезный мужчина с проблескивающей сединой. Как начать разговор, Колеями не мог сообразить в спешке. От нахлынувшего волнения и голос куда-то пропал. Но когда он приблизился к купе, куда только что вошли

те трое, он собрался с духом и на одном дыхании произнес:

— Извините, Руби Оливер не ваша бабушка?

Лафита не успела даже присесть, как взволнованный мужчина, появившийся в проеме, ошарашил её неожиданным вопросом, назвав имя бабушки. Его блеклые глаза за прозрачными стеклами очков в серебристой оправе нетерпеливо ожидали ответа. Некоторое время Лафита молчала, рассматривая незнакомца, который не вызывал особого доверия в первую очередь потому, что был ранее замечен с туристом-грабителем. Но равнодушно отнестись к затронутой теме она не могла.

— С кем имею честь разговаривать? – Лафита не шелохнулась, продолжая разбирать его внешний вид по деталям. Она отметила: высокий рост, сбитое телосложение, под пиджаком из ткани приятного цвета белая рубашка и неуместный в горах галстук, наглаженные стрелки брюк, кожаные остроносые туфли, деревянная трость, которая показалась атрибутом высокоуважаемого человека. В нечетких линиях обвисшего лица прорисовывался чувственный рот, прямой нос и густые широкие брови. Старик был коротко подстрижен и производил впечатление ухоженного аккуратного человека, что немного смягчило Лафиту. Он не был похож на бандита, и это внушало доверие. К тому же он знал имя Руби Оливер, что не могло не возбудить любопытство и желание во всем разобраться.

— Простите, я не представился, – гость опустил чемодан у входа и неуверенным шагом пересек купе,

остановившись у небольшого стола, спиной к окну. — Аким Колеями. Я прилетел со Швейцарии в поисках девушки, у которой не так давно похитили сапфировое ожерелье.

Лафита изумленно повела бровью, но этого никто не увидел (она все еще скрывала лицо под шалью):

— Присаживайтесь, господин Колеями, — Ираклий добродушно указал на свободное место рядом с Робертом, а сам взял Лафиту под локоть и усадил рядом с собой.

По дрожащим ладоням и серьезным глазам девушки он понимал, что она взволнованна еще сильнее, чем до появления этого швейцарца в их купе. Но мешать их разговору даже не думал. Ему и самому стало интересно, неужели господин Колеями настолько честен, что искал девушку, чтобы вернуть украденную драгоценность.

Аким учтиво поклонился и присел напортив. Загадочная особа не подтвердила его слов, но и не опровергла, что внушало немалые надежды на положительный результат.

— Так вы и есть внучка Руби Оливер? — смущенно повторил он.

— Откуда вам известно это имя? — Лафита и предположить не могла, что Аким Колеями был знаком с её бабушкой, но интуиция подсказывала, что ему известно гораздо больше.

— Руби Оливер мать моей жены, и, наверное, следует полагать вы и есть та девочка, что родилась... (он замялся, желая сказать «120 лет назад», но из-за посторонних, которые возможно и не знают этих подробностей, продолжил немного иначе)

~~~~~

снежным летним днем в брошенной деревне у подножья Голубой горы?

Лафита не могла совладать над бурей нахлынувших воспоминаний и, сжав кулачки, глубоко вдохнула. Ей не хватало воздуха, еще и шаль не позволяла нормально дышать.

— Моя мама жива? – только и смогла произнести девушка, срывая с себя надоедливую накидку дрожащими руками.

— Снежным летним днем? – невнятно пробурчал Роберт, вытянувшись в лице.

— Да.

Аким Колеями не счел нужным больше ничего добавлять, так как и по реакции, не заставившей себя ждать, было предельно ясно – он нашел то, что искал! Перед ним стояла высокая стройная девушка с черными блестящими в дневном свете волосами, заплетенными во что-то наподобие ракушки. Выразительные глаза под тонкими приподнятыми глазами зачаровывали, не давая считать удлинённый нос и широкие скулы недостатками. Как знаток женской красоты, Аким не мог не оценить пикантной изюминки во внешности девушки, но с внешностью Венеры не было ни малейшего сходства.

— Но где мама была все это время? И почему она не с вами? – Лафита по-другому взглянула на него, подумав лишь на миг, а что если этот человек её отец.

История с ожерельем и тем неприятным типом, что его украл, больше не доставляла беспокойств. Все внимание было приковано к губам Колеями. Что он еще может поведать?

Вопросы о Венере заставили Акима собраться с духом, чтобы как можно деликатнее разъяснить суть дела:

— Она очень хотела полететь со мной. Мы и раньше искали тебя по всей Австралии, но поиски были безрезультатными. После твоего рождения произошло некое событие, что послужило причиной несчастного случая. Венера частично потеряла память. Она до недавнего времени не была уверена даже в том, мальчик родился или девочка.

— Простите, а вы мой отец?

Лафита медленно опустилась на сидение. Бледное лицо вспыхнуло бордовым румянцем, отчего она показалась Акиму (и остальным) растерянной скромной девчонкой.

— Нет, — Колеями отрицательно кивнул головой.

Подобный вопрос он рано или поздно предполагал услышать, но и не догадывался, насколько трогательно заблестят глаза девушки, и как сожмется его сердце от одного только её взгляда.

— Несчастный случай? — Лафита переспросила, ничего не понимая.

— Тогда я нашел Венеру в болезненном состоянии. Все тело было в кровотокающих ранах, голова была перевязана грязным полотенцем черным от засохшей крови. Видимо она скатилась с пологого склона или кто-то скинул её со скалы. Трудно судить, что же произошло на самом деле. Но я не мог смотреть, как она чахнет на глазах у сотни аборигенов, которые будто не замечали её боли и проходили мимо, даже не удосужившись оказать хоть какую-то помощь. Я видел, как она шевелила сухими

потрескавшимися губами, но не могла произнести и слова... Я решил отвезти её в больницу в Сидней... Венера быстро шла на поправку, но еще долгое время не могла ничего конкретного вспомнить о себе.

Когда Аким сделал очередную паузу, переводя дыхание, Лафита не сдержалась и, громко всхлипывая, расплакалась.

Бабушка Руби не любила говорить о Венере, но из тех немногих слов что все-таки были сказаны Лафита выстроила свою догадку, что мать бросила её, сбежав с мужчиной. Она ослушалась материнского наставления и сломя голову побежала за ним. Бабушка постоянно твердила: «Мужчины зло. Их любить опасно. Любить нужно только себя». Так она воспитывала и Лафиту, постоянно твердя о самолюбии.

Ираклий, до этого момента не желал вмешиваться и со стороны наблюдал за происходящим, но стоило пролиться слезам, он тут же принялся утешать небезразличную ему девушку. Он и представить не мог, как бы он повел себя, сообщи ему нечто подобное.

— Лафита, — он обнял её за плечи, — ты радоваться должна, а не плакать! Ведь выходит у тебя есть мама, и она хочет найти тебя.

— Лафита?! — Колеями протянул руку и накрыл её холодную ладонь, вопросительно глядя в глаза.

Она на миг закусил губу, а потом произнесла с чувством вины в голосе.

— Ах, я забыла представиться. Бабушка назвала меня Лафитой в честь французского вина, я так думаю.

— Я почему-то так и думал, — он загадочно покосился на молодого ухажера Лафиты, — а вы, если я не ошибаюсь, Ираклий Дупель, косметолог с Канберры?

Ираклий недоверчиво смерил его взглядом, переглянулся с Робертом и Лафитой и, лишь пожалв плечами, вкрадчиво спросил:

— Вы экстрасенс?

— Ну что вы? Просто буквально недавно я читал статью о разбившемся в Голубых горах самолете. Там написано, что некая одинокая горная жительница по имени Лафита спасла косметолога Ираклия Дупеля. Я хорошо запомнил ваши имена! К тому же имя Лафита настолько редкое, что сразу же натолкнуло меня на мысли о Жане де Сильфа. Руби, должно быть, рассказывала вам о бабушке? — Аким обратился к Лафите.

— О! Да! Он был виноделом!

— У него был и титул, так что Лафита вы можете считать себя герцогиней знатного рода!

Смахнув слезы, она какое-то время смотрела на него, не скрывая волнения.

— Бабушка мне рассказывала.

— Я надеюсь, вы не откажитесь полететь со мной в Швейцарию? Венера будет счастлива обнять родную дочь.

— В Швейцарию? — Лафита сжала ладонь Ираклия, будто бы извиняясь.

Она растерялась, что же ей делать. С одной стороны любимый человек, которому она обещала поехать в столицу, а с другой — мама, увидеть которую Лафита безумно хотела. Зная, насколько

важны Ираклию его опыты, чувствуя себя обязанной помочь в осуществлении мечты и желая поведать миру, что источник молодости существует, Лафита задумалась. Но желание познакомиться с матерью оказалось выше.

— Прости, но я должна лететь в Швейцарию, — она смотрела в голубые глаза Ираклия, боясь не только разочаровывать, но и опасаясь, что возможно потом они уже не смогут найти друг друга.

— Я полечу с тобой!

— А как же научная работа? — Лафита бросила взволнованный и счастливый взгляд.

— Дядюшка Роберт займется экспертизой, а мы тем временем сможем слетать в Швейцарию! Я ведь должен попросить твоей руки, прежде чем мы поженимся! Надеюсь, твоя мама одобрит мою кандидатуру?!

Лафита звонко рассмеялась, обрадовавшись, что расставаться с Ираклием не придется.

Роберт, подождав пока веселье утихнет, высказал свое мнение:

— Не хочу вас огорчать, но в Швейцарию вас никто не пустит без документов. Это вам не на поезде по Австралии разъезжать. На восстановления паспорта потребуется время. А у тебя Лафита есть хоть один документ, подтверждающий личность?

Лафита огорченно мотнула головой.

— Я об этом не подумал, — огорчился Ираклий.

— Имея деньги и связи, решить вопрос с документами не составит труда, — приободряющий голос Акима Колеями поставил точку в вопросе с

перелетом... А потом еще долго рассказывал историю сапфирового ожерелья.

* * *

Дейк Ломан какое-то время задумчиво смотрел на удаляющийся состав, раскуривая очередную сигарету. Потом с безразличным выражением лица метнул окурок, точно попав в урну, и властной походкой направился в придорожный бар.

В мрачноватом помещении со старомодными стенами с высокого потолка на толстых цепях свисали две металлических люстры. Дейку они напомнили круглую железную дорогу с расставленными на одинаковом расстоянии свечами. На самом деле же это были электрические лампочки, довольно ярко освещающие унылое пространство. Десяток столиков, застеленных белыми скатертями с красными изображениями декоративных цветов, пустовали. И только в дальнем углу бесшумно сидел одинокий старик с маленьким стаканчиком недопитого пива. Он прищурился, выглядывая из-за каменной колонны из серого натурального камня, подпирающей деревянные балки. Дейк, игнорируя явное любопытство к своей персоне, подошел к барной стойке и нетерпеливо позвонил в колокольчик, лежащий для подобных целей на видном месте.

В отгороженной комнате что-то глухо упало на пол. И сразу же халдей⁷ в испачканном фартуке,

---

⁷ Халдей – официант, бармен.

надетом поверх вызывающе радужной рубашки в цветочек, высунул круглый шоколадный нос.

— Что желаете?

— Сочную котлету из свинины и бокал красного вина! — незамедлительно ответил Дейк, снимая рюкзак.

Присаживаясь на высокий стул, он заметил легкое недоумение в мутных глазах аборигена, но не подал виду.

Тот удивленно поднял бровь и почти ровным голосом произнес:

— Вино?

— И котлету! — добавил Дейк, будто дразнясь.

— К сожалению, из женских напитков есть только белое вино, — растерянно продолжил бармен, — к нему я бы предложил тунца в сливочном соусе.

— Я не очень люблю рыбу. Но если больше ничего нет, пожалуй, соглашусь.

Дейк, проигнорировав намек на «женский заказ», спокойно воспринял предложение. Он хотел было пересечь за один из столиков, как старик с пивным животом приблизился вплотную и завел разговор:

— А я вас уже где-то встречал, не помню вот только где и при каких обстоятельствах.

На что Дейк лишь пожал плечами, и, не желая продолжать бессмысленную беседу, отошел в сторону.

— Точно! — воскликнул тот, громко икнув. — На прошлой неделе вы о чем-то секретничали с Ракшей. У меня хорошая память на лица!

— Допустим. И что с того?

— Да нет ничего... Вильям, плесни-ка мне еще холодненького!

Откинувшись на спинку стула, Дейк безразлично наблюдал за тем, как официант-абориген наполняет пивной стакан ледяным содержимым.

Дождаться заказ пришлось в компании нетрезвого туземца, безостановочно болтающего о всякой всячине. Он то и поведал, что в деревне переполох из-за пропажи старого управляющего. Дейк ни сколько не огорчился, но весьма правдоподобный рассказ навел его на кое-какие мысли: «Лафита?! Уж не слишком ли часто я сталкиваюсь (пусть и косвенно) с этой особой? И кто она вообще такая?»

— Бессмертный горец! – утверждал пьяница. – Разве Ракша ничего не рассказывал о своих подозрениях? И он не единственный, кто так считал. Тогда на рынке её чуть не забили озверевшие старухи. Но он опрометчиво заступился за эту мегеру... и в итоге бесследно исчез. Ходят слухи, это она его погубила. Ведьма Голубой горы!

— А кто еще знает эту Лафиту? – оторвавшись от бокала с недопитым вином, поинтересовался Дейк.

Собеседник недоверчиво покосился в сторону барной стойки и ледяным голосом прошептал:

— Матильда Хавьер. Она знает всё и обо всех.

— Это еще кто такая?

— Ракша называл её колдуньей-обольстительницей. Очаровательная женщина,

~~~~~

только слепая как пещерная розовая рыба⁸. Вы можете найти её в хижине недалеко от водопада, – таинственно проговорил он.

Дейк был заинтригован. Но к подобным «профессиям» относился недоверчиво, и сомневался, что какая-та ведунья сможет раскрыть секрет Лафиты, если у той таковой имеется. Но слухи, окутывающие юную девушку откровенно несимпатичной внешности, брали верх. И её васильковое ожерелье все еще не выходило из мыслей, хотя вернуть его Дейк уже и не надеялся (считая украденным путаной – азиаткой). Но то, что Лафита долгожительница, было куда интереснее, чем воспоминания о сапфирах. И выяснить это, теперь Дейк считал своим долгом.

Канберра

Лафита и представить себе не могла, какая она – столица Австралии. Словно хрустальные горы, переливались в лучах заката зеркальные небоскребы! Чужой и волнительный город утопал в живописных зеленых деревьях, растущих на пологих холмах и гладких равнинах. И дикая красота и искусственные видоизменения переплетались на удивление необычно и неожиданно. Раскрыв рот, Лафита округлила глаза с самого начала, как только ступила на асфальт железнодорожного вокзала, и почти не

⁸ Мильеринга Веритас (розовый угорь) Достигает рыбешка размеров 5 см. Это единственный вид слепых пещерных рыб, обнаруженный на земле (скорее, в земле) антиподов.

моргала, чтобы ненароком не упустить что-то невиданное, новое, то, о чем она и не догадывалась.

К дому Ираклия их довез автомобиль приятного желтого цвета, похожего на спелые зерна кукурузы. Лафита не была совсем уж отставшей от жизни, но раньше видела подобное средство передвижения только на странице пожелтевшего журнала. Да и та картинка, сохранившаяся в памяти, и вовсе не шла в сравнение с теми ощущениями, которые она испытала при движении авто по широким безупречно гладким дорогам. Лафита слышала, как ветер обтекает корпус машины, как гудит мотор, издавая неприродные звуки. Здесь в столь красочном и незнакомом месте все вызывало интерес и восторг.

— И почему я раньше не осмеливалась увидеть эту красоту?!

Ираклий взял её за руку и поднес к губам тонкие пальчики:

— Я рад, что удостоился чести открыть для тебя новый мир! – в его голосе слышались нотки веселья, и приподнятое настроение наполняло голубые глаза озорным сиянием.

Ираклий был одет не по размеру. На нем ужасно смотрелся костюм Акима Колеями, который он любезно одолжил. Но, по крайней мере, он был чист и не порван, и взгляды прохожих можно было попросту игнорировать. Мало ли?

За такси расплатился Аким Колеями. Роберт, облегченно вздыхая, протягивал руки к небу со словами благодарности за скорое и благополучное путешествие. А молодые влюбленные светились от счастья под синим небом «города встреч».

Роберт подмигнул племяннику:

— Желаю вам прекрасно провести вечер! Я утром обязательно позвоню. А сейчас приму ванну и посмотрю футбол, лежа перед телевизором! Осталось только добраться до своей квартиры.

— Тогда до завтра, – Ираклий дружески обнял его, похлопав по спине.

— Приятно было познакомиться, Роберт, – господин Аким крепко пожал его руку.

— Спасибо, взаимно! Ну, не буду вас задерживать... Лафита, надеюсь, Ираклий не упустит возможности продемонстрировать вам все плюсы городской жизни! Еще раз: приятного вечера! А теперь смею откланяться, – он на радостях демонстративно поклонился и поспешно скрылся за углом.

* * *

Маленькая квадратная комната с раздвижными дверьми поднимала их вверх. В замкнутом пространстве Лафита чувствовала себя скованно, но бесстрашие её спутников передавалось и ей. У деревянной резной конструкции, тщательно изготовленной мастером своего дела, Ираклий ненадолго их оставил. Он коснулся черной точки на соседней двери не впечатляющей своими характеристиками, и спустя несколько секунд та дверь открылась.

На пороге стояла эффектная блондинка с длинными прямыми волосами, едва прикрывающими полную грудь, буквально выскакивающую из

короткой облегающей майки. Лафита, не скрывая заинтересованности, скользила долгим взглядом сначала по розовому распахнутому пеньюару (не зная названия), потом по загорелым влажным ногам без единого намека на растительность, и была шокирована, как бесстыдно одеваются горожанки.

— Вау! Ираклий, это ты?! – соседка осторожно, будто боясь испачкаться, прикоснулась к нему кончиками пальцев. – Ты жив! – она поморщилась, разглядывая его внешний вид.

Ираклий отстранился от неё, сложив руки в карманы.

— Как видишь.

— Момент! Пуфик! Беги сюда, вредная собака, твой хозяин вернулся! – игриво пролепетала сексапильная девица, неодобрительно покосившись в сторону гостей профессора.

— Ты держала его у себя?

— Он так жалобно скулил, что я не могла его бросить одного. Он такой милашка! Весь в хозяина! – хихикнула она.

Тем временем маленький серо-голубой песик уверенно бросился под ноги Ираклия. Он задорно вилял коротким хвостиком с палевым кончиком. И Ираклий радостно взял его на руки.

— Твои ключи, – блондинка протянула длинную руку с ногтями как у коршуна только белым цветом с неразличимым рисунком.

— Благодарю, Патриция! – Ираклий вежливо улыбнулся, не обращая ни малейшего внимания на колкие взгляды, сверлящие его ничтожный вид.

... Светлая гостиная столичного косметолога поразила своей изящностью только Лафиту. Хлопок ладоней – и на потолке с изогнутыми перекатами причудливыми созвездиями загорелись «звезды» (софиты)! Комната была большая, что от неловкости Лафита остановилась у входа, не зная, куда и идти. Слева в книжном шкафу стояли книги в обложках с тиснением золота, на одной из стен висели дипломы в стеклянных рамках (по дерматологии, аппаратной и терапевтической косметологии), ряд научных премий в области медицины. От множества букв, печатей и гербов у Лафиты закружилась голова, но она все равно продолжала осмотр жилища Ираклия. Она, таким образом, хотела больше узнать о своем профессоре, ведь что еще, как не дом отражает интересы и личность хозяина.

— А это коллекция австралийских марок! – Ираклий горделиво указал рукой на свое старое хобби. – Я увлекался коллекционированием с детства, когда мне в руки совершенно случайно попала вот эта розовая бумажечка! – он ткнул пальцем в блеклый прямоугольник с изображением кенгуру на фоне белого материка символизирующего Австралию. Это была первая почтовая марка Австралии из серии «Кенгуру и карта» (1913г).

— Превосходно! Но я совсем не вижу фотографий, – заметил Аким эту противоестественность, осматриваясь вокруг.

— Я не люблю фотографироваться, – махнул рукой Ираклий.

— А твои близкие?

— Я живу здесь один. Все время отдаю работе и своему Пуфику отчасти. Но в скором времени все изменится. Я так думаю, – он многозначно посмотрел на Лафиту, и та скромно опустила ресницы, но ненадолго.

— В этом доме, как и в моем, не хватает детского смеха.

Ираклий и Лафита переглянулись, но ничего не ответили, продолжив рассматривать марки.

Аким Колеями, утомленный поездкой, присел в мягкое кресло цвета кофе с молоком. Сжимая набалдашник деревянной трости, он еще раз окинул комнату наметанным взором, мысленно сделав вывод, что прекрасно украшенная гостиная говорит о хорошем вкусе профессора и, несомненно, о приличном доходе. Последнее его нисколько не волновало, но ему приятней было иметь дело с людьми, которые вероятнее всего не станут опускаться до ограблений, и сами могут заработать себе на жизнь.

Ираклий показал Лафите все комнаты, уделив особое внимание кухне. Подняв вверх блестящую металлическую ручку водосмесителя, он наполнил электрический чайник проточной водой (к сожалению, та вода была не из живительного источника). Лафита на все смотрела удивленными глазами. Ей все казалось таким красивым и в то же время жутко страшным. Сама она вряд ли решилась бы похозяйничать на такой кухне. Больше всего её изумило, что вода сама нагрелась, и чайник сам выключился. Вскоре запахло ароматным кофе. Этот запах Лафите был знаком. Но она уже и забыла какой

~~~~~

кофе на вкус. В шкафчиках Ираклий нашел пакет с белыми сладкими кубиками. Это оказался рафинированный сахар.

С разносом, на котором помимо трех чашек кофе был сухой крекер и сахарница, они вернулись в гостиную, где их возвращения ожидал Аким Колеями.

Швейцария

Венера Барбет с покупками из продуктового магазина зашла во двор. Шум удаляющегося такси стих, и она спокойным размеренным шагом приближалась к ступенькам. Её внимание внезапно привлекло подозрительное шуршание где-то в глубине сада среди зеленых насаждений. И она, оставив пакеты на пороге, тихонько подкралась к живой изгороди. Оказалось, соседский иссиня-черный дог гигантских размеров пробрался на чужую территорию и своими метровыми лапищами роет подкоп. И что взбрело в голову этому псу?

Игнорировать вторжение надоедливой собаки, Венера, разумеется, не стала. И не смотря на траур по комиссару Эрнесто, она все же преодолела немалое расстояние от изгороди до дворика семейства Обалделых, чтобы попросить их следить за своим догом. И пусть день был не самым благоприятным для выяснения отношений, да и мать Эрнесто была любезной пожилой женщиной, к тому же опечаленной потерей единственного сына – Венера все-таки поступалась в их дом.

Дверь открыла горничная – женщина средних лет в оливковой униформе.

— А это вы мадам Барбет? Здравствуйте.

— Добрый день, – сухо поздоровалась Венера. – Почему ваш дог опять роет подкоп на моем участке? – оживленно воскликнула она, делая ударение на слове «опять».

— Простите, после кончины Эрнесто пес не находит себе места, – с жалостливым лицом горничная сложила руки перед лицом и пошатала головой в разные стороны, как маятник.

— Джорджия дома?

— Госпожа беседует со следователем.

Тем временем за спиной горничной раздались шаги, и представительный мужчина гражданской наружности в сопровождении хозяйки дома предстали перед растерявшейся Венерой. Осунувшееся лицо соседки заметно выдавало бессонные ночи, и без жалости и сострадания смотреть в её глаза было невозможным. Венера даже засомневалась, стоило ли вообще приходить, чтобы обсудить вопрос с собакой. Но поскольку она уже здесь – нет смысла скрывать причину визита.

Как только посетитель попрощался, Джорджия, тербя какие-то бумаги, пригласила Венеру в дом.

— Да, я, собственно говоря, только на минутку, – запротестовала Венера, когда Джорджия повисла ей на руку и силком поволокла в дом, причитая на нелегкую долю.

— Как же несправедлива жизнь... Мой маленький мальчик... Он всегда был таким милым...

Что же буду без него делать? – всхлипывала она, ничего вокруг не замечая от нахлынувших слез.

У Венеры и самой ком к горлу подошел. Волнение скорбящей матери заставляло сжиматься сердце, и сопереживать её горю, вместо того чтобы думать о собаке. К тому же горничная так и осталась во дворе. Скорее всего, она разберется со шkodливym псом и без участия Джорджии. Понадеявшись на это, Венера решила и вовсе ничего не говорить на эту тему. В подобных ситуациях испоганенный двор ничтожная мелочь, не сравнимая с потерей единственного ребенка.

— Есть какие-либо новости? Убийцу не нашли?

Джорджия поднесла платок к покрасневшим глазам и, шмыгая носом, вытерла слезы. Потом она, чуть ли не перед лицом Венеры, лихорадочно помахала документами, среди которых был и листок бумаги, с составленным по описанию одного из свидетелей, фото-роботом преступника, и прерывисто произнесла:

— Его никогда не найдут... Уж слишком размычатые черты лица... Ничего существенного...

Минуя пышную гостиную, Джорджия привела гостью в кухню. На круглом столе под белоснежной салфеткой лежали сдобные булочки с заварным кремом. Пахло бергамотом и свежими апельсинами.

— Чай? – поинтересовалась хозяйка, и, не дожидаясь ответа, достала с полочки две чашечки и блюдца. — Будь моя воля... я бы тому негодяю отрубала руки... и накормила бы ими пираний... А его бы отпустила на все четыре стороны... и пусть бы

он помучился... Может другим это послужило бы уроком...

— Джорджия, я понимаю как тебе больно, и как хочется наказать виновного в этом. Я верю, что справедливость восторжествует. Рано или поздно он ответит за все свои грехи. Его накажет или закон, или сама судьба. И еще неизвестно что страшнее — отбывать срок за решеткой или быть покаранным несчастливым роком.

Джорджия судорожно вздохнула и попросила Венеру присесть. Бумаги остались лежать на краю стола.

— Ролы с лососем будешь? Я заказала в «Кристалле». Вкусные. У меня и бутылка белого вина есть.

— Нет, спасибо. Я и зашла ненадолго. Хотела... (тут ей пришлось соврать) убедиться все ли в порядке.

Джорджия наполнила чашки ароматным чаем, и слегка успокоилась:

— Как ты считаешь, моему мальчику там хорошо?

Собравшись с мыслями, Венера отодвинула чай и, подперев голову одной рукой, ответила:

— Я не люблю разговоры о смерти. Хорошо ли будет нам, когда мы умрем? Кто его знает. И если вообще загробная жизнь? Сколько раз уже так называемые медиумы, пребывая в трансе, вызывали души умерших; сколько раз якобы шли на контакт? Еще в XIX веке медиумов развелось столько, что невольно задумываешься, действительно ли все они способны обмениваться информацией с душами.

~~~~~

Слышат ли они их голоса? Говорят ли с ними? А сейчас? По телевизору на каждом канале показывают «битвы экстрасенсов». Ты думаешь все они маги, колдуны, целители, медиумы? Или как их еще назвать? Не шарлатаны ли?

Джорджия задумалась:

— Но ведь и многие ученые пытаются научно доказать реальность потустороннего мира. Сколько литературы написано по этому поводу? Тысячи томов.

— Но узнаем правду мы только после смерти. И то если узнаем. Ведь даже ученые, убежденные в существовании загробной жизни, так и не смогли бесспорно доказать свои предположения. Они, конечно, не останавливаются, проводят эксперименты, но все туманно... и дело каждого — верить или нет.

— Я верю, — прошептала Джорджия посиневшими губами. — По крайней мере, теперь я не боюсь умереть, потому что верю — после смерти встречу своего маленького Эрнесто на небесах.

Её руки задрожали, а глаза снова наполнились слезами. Желая вытереть лицо, Джорджия по неосторожности зацепила чашку, и всё содержимое опрокинулось на скатерть. Разрастающаяся лужица едва не коснулась стопки бумаг. Но Венера, быстро среагировав, подняла их со стола.

Один из листков выбился от общей кипы, и Венера не могла не обратить на него внимания. Хотя разглядывать преступников ей не доставляло ни малейшего удовольствия, даже желания не было

смотреть в их злые жестокие глаза, она все же прищурилась, понимая, что лицо то знакомое.

— Это то самый турист с ожерельем! — воскликнула она, не отрывая изучающий взгляд от листка бумаги. — Я его знаю!

— Ты знаешь убийцу моего сына? — приоткрыв рот, Джорджия замерла с ошеломленным видом.

— Точнее, я его не знаю. Мы только один раз пересекались. Но я его очень хорошо запомнила. Эта борода, хитрые глаза, овал лица, свисающие волосы! Это точно он. Его зовут Дейк, — уверенно протараторила Венера, даже не обращая внимания на реакцию соседки.

Джорджия подскочила и сразу же метнулась к телефону:

— Ты должна все рассказать следователю, — потребовала она, набирая номер телефона.

Венера не перечила. В её голове роились самые непонятные мысли. «Дейк убийца?» Мгновенно страх подобрался и к её сознанию. Боязнь, что из-за этого человека у мужа могут быть проблемы, взволновала до дрожи в коленях. «Кто он, это Дейк? И почему убил комиссара полиции? Не угрожает ли опасность Акиму?»

Тем временем Джорджия уже сообщила следователю, что её соседка может дать информацию о преступнике.

— Валентин Эраст будет с минуты на минуту, — пояснила она. — Не знаю почему, но я довольна, что ты знаешь этого изверга.

— Боюсь, от того, что я знаю, следствию легче не станет. Могу сказать даже больше: Дейка нет в

стране. Он с моим мужем в Австралии. Я думаю, в это время они уже приземлились.

— В Австралии? С Акимом? Что у них может быть общего? – не скрывая подозрения, Джорджия нахмурила брови.

— Это длинная история, связанная исключительно с моим прошлым... (делиться личными проблемами Венера не хотела) Но как только Аким позвонит, я расскажу ему о Дейке. Уверена, он очень расстроится, узнав, что тот человек убийца. Эрнесто был ему как сын, и Аким любил его.

— Как бы там ни было ты должна рассказать всё, – настаивала Джорджия, нервно потирая руки.

— Не переживай, я расскажу все что знаю. Только скажи следователю пусть зайдет ко мне, – Венера поднялась и задвинула стул. – Я буду дома. И... благодарю за ароматный чай.

— Ты уже уходишь?

— Я еще зайду к тебе, – ответила Венера, поспешив разложить продукты по полочкам, так и оставленные лежать на пороге.

* * *

Гигантский дог жалобно скулил, закрытый в вольере. А вот на перерытый газон не иначе как с недовольством Венера смотреть не могла, и никакого сочувствия к шкодливой собаке не испытала. Да и голова её была забита совсем другими мыслями.

Минуя зеленые насаждения, Венера довольно быстро оказалась у крыльца, где все еще лежали

пакеты с продуктами. Первым делом нужно было разложить все по местам, а потом еще и приготовить обед. Но у Венеры и аппетит пропал от охватившего её волнения. Поэтому она ограничилась тем, что перемыла фрукты и овощи и с облегчением захлопнула холодильник, справившись с первой задачей.

Когда раздался настойчивый сигнал дверного звонка, Венера передернулась от неожиданности, хотя о скором появлении следователя не забывала ни на минуту. Сломая голову она помчалась через гостиную, и когда резко открыла дверь, Валентин Эраст видимо немного удивился.

— Прошу прощения, Джорджия сообщила мне, что у вас есть информация об убийце её сына?

— Совершенно верно, — согласилась Венера, жестом пригласив его войти. — Дело в том, что я пересекалась с этим человеком. В тот день, когда я сбила насмерть человека, Дейк был с ним. Они явно были знакомы.

Следователь что-то записал в блокноте.

— Дейк? — переспросил он.

— Да, Аким сказал, что его имя Дейк.

— Аким Колеями дома? Я могу задать ему несколько вопросов?

Венера отрицательно махнула головой:

— Он утром вылетел в Австралию. Как раз в сопровождении этого Дейка. Если бы он знал, что Дейк убил комиссара Эрнесто... — Венера замолчала на миг, осмысливая ситуацию. Ведь Дейк обещал разыскать её дочь в Катумба. Акиму он был бы нужен, не смотря ни на что. Но он бы не простил ему

смерти соседского мальчика, выросшего у него на глазах. – Но Аким не мог предположить, что убийца Эрнесто и есть Дейк.

— Они отправились в аэропорт Вейкфилд-Вестгейт? А оттуда в Австралию?

— Да. Люцерн – Сидней, – машинально ответила Венера, но внутренний голос убеждал ее, что лучше бы она молчала. По крайней мере, пока. Ведь на карту поставлено осуществление давнего желания. И покуда в сердце теплилась надежда, что возможность обнять родную дочь это не фантастика и не сон, а вполне осуществимая задача, Венера боялась, что своими же показаниями она разрушит все, к чему стремилась долгие годы.

— А какие отношения у вашего мужа с Дейком, если это его настоящее имя, конечно? – спросил Валентин.

— Насколько мне известно, Дейк один из клиентов его ломбарда.

Следователь снова сделал у себя пометку.

И тут Венере и вовсе стало не по себе. Ломбард ограбили, Эрнесто зарезали, она переехала человека... Все эти разбирательства отягощали, нехорошие мысли роились в голове, заставляя бояться и слово лишнее сказать. А что если после её показаний проблемы обрушатся и на седую голову Акима Колями? В его то ломбарде не всегда требовали документы на подтверждение права собственности на украшения. Его ведь и обвинить могут в скупке краденного. Этого Венера боялась больше всего. Проблемы словно снежный ком

нарастают, а решать их приходится в одиночестве, — думала она.

— Ломбард...

— Чертова псина, — выругалась Венера, решив, что всего этого волнения не было бы, если бы дог не испортил газон. Так она бы не пошла к Джорджии, не пила бы с ней чай, не видела бы фото-робот и не разговаривала бы сейчас со следователем.

— Простите? — Валентин Эраст округлил глаза, не поняв, кого обозвали «псиной».

— О! Это вы меня простите. Соседский дог перерыл весь газон. Я никак не могу забыть этого. Моя зеленая травка! Опять придется вызывать садовника. На прошлой неделе мне уже пришлось заплатить кругленькую сумму за его услуги. А эта собака снова за своё...

— Ах! А я то уже подумал... — он не продолжил, и так было ясно, что он хотел сказать.

В этот момент в кармане Венеры завибрировал телефон. Она подпрыгнула на месте, но, лишь только подумав, что это может звонить Аким, сразу попыталась успокоиться и ровным голосом ответить.

— Извините. Присядьте, пожалуйста, я недолго. Это мой адвокат, — соврала она, желая спокойно поговорить с мужем.

Следователь присел на краешек дивана и, чтобы не терять время, тоже решил сделать один телефонный звонок.

Венера отошла в другой конец комнаты и приняла вызов:

— Алло, — её руки заметно рожали, но голос не выдавал беспокойства.

— Дорогая, наконец-то я смог дозвониться. Буду предельно краток: твоя дочь Лафита со мной!

— Да?! Её зовут Лафита?! Как она выглядит? — почему-то именно вопрос внешности интересовал её больше других.

— Молодая, темноволосая, кожа светлая, глаза жгучие! На тебя она не похожа, но нет ни малейших сомнений, что она твоя дочь. Её растила Руби Оливер, она знает о Жане де Сильфа. Лафита долгожительница и, как и мы пользуется живительной водой!

Слова мужа вызвали бурю эмоций в душе Венеры. Она, не сдерживая слез, плакала от счастья, не в силах произнести ни слова.

— Ты скоро сможешь обнять её! Я завтра же займусь её документами, и как только все будет готово, мы прилетим первым же самолетом.

— А где вы сейчас? — преодолев наплыв чувств, спросила Венера.

— В столице. Наш самолет так и не долетел до Сиднея, и мы с Дейком довольно быстро добрались до Катумба. Там же на вокзале Дейк и указал мне на Лафиту. Сама судьба свела нас! Кто бы мог подумать, что в одно и то же время мы окажемся в одном и том же месте?! Кстати, Лафита по-моему влюблена, и её избранник готов просить твоего разрешения, как у мамы невесты, жениться на ней!

— О! Будто снег на голову... Какая же я мать, если даже ни разу не держала на руках своего ребенка... Простит ли меня моя девочка? — Венера отчаянно старалась побороть плачевные мысли, но ей это не удавалось.

— Лафита милая девушка, по-моему, она не держит на тебя зла. Тем более я рассказал ей всю правду, то небольшое что нам известно, и она плакала, сочувствуя тебе, — до боли знакомый голос близкого человека сквозь моря и океаны ласкал слух Венеры.

— Я так хочу удивиться с ней!

— Лафита хочет того же!

Покосившись в сторону следователя, Венера вспомнила об их разговоре.

— А Дейк с тобой? — шепотом спросила она.

— Он остался в Катумба.

— В Катумба?

— Да. А зачем он тебе? Ведь главное, что Лафита со мной!

— Его разыскивает полиция по подозрению в убийстве Эрнесто, — тихо сообщила Венера, чтобы Валентин не услышал, о чем они говорят.

— Что? Это он убил Эрнесто? Вот сукин сын! Я и не подумал бы... — голос стих.

Венера представляла, как должно быть чувствует себя Аким, зная, что тот, кто помог в поисках её дочери, на самом деле жестокий и коварный тип.

— Он преступник! — выпалила она.

— Я знал, что он преступник.

— Ты знал? — от недоумения Венера повысила голос.

— Он вор. Ты думаешь, кто очистил мой ломбард? — Аким дал понять, что знал и это. И, не смотря ни на что, не сдал его властям.

— И ты не сказал даже мне? И после всего этого еще и полетел с ним в Австралию? — Венера нервно оглядывалась через плечо, наблюдая за следователем.

— Я должен был отыскать твою дочь! Дейк был связным звеном в этой цепочке. Тем более, сапфировое ожерелье очень дорогая вещь, и оно теперь твое.

— О Боже! Как все сложно! Возвращаетесь скорее, пока я с ума не сошла со всеми этими историями!

— Я завтра позвоню, не скучай, дорогая. А Дейк обязательно заплатит за убийство Эрнесто. Это я гарантирую. Я его из-под земли достану! – решительно заявил Аким Колеями.

— И я тебе в этом помогу, – холодным голосом произнесла Венера и более теплым добавила «Я буду ждать твоего звонка. Целую!»

Следователь Валентин Эраст был поражен невозмутимостью Венеры Барбет, заявившей без тени смущения, что только что она разговаривала с мужем, при всем том, что ей якобы позвонил адвокат. «Бабуля не промах!» – подумал он. Но в том, что она говорит правду, Валентин нисколько не сомневался. По своим каналам он достоверно установил, что Дейк Ломан сел в самолет Люцерн – Сидней, и когда Венера сообщила, что Аким оставил его в Катумба, – сделал очередной звонок. Следователь уже имел представление о Дейке, так как раздобыл полную информацию о Манфреде Рихтер, и его «послужной список» оказался внушительным: несколько уголовных дел, возбужденных по подозрению в угоне автомобилей, по обвинению в мошенничестве, краже личного имущества и подделке документов. Если верить пословице «Скажи мне, кто твой друг, и я

скажу, кто ты», то Дейк Ломан явно связан с рядом преступлений, за которые должен понести наказание. Но на тот момент Валентин мог обвинить его только в убийстве комиссара полиции.

Канберра

В то время как Ираклий принимал душ и приводил себя в порядок для выхода в город, Аким Колеями полностью погрузился в воспоминания. Он рассказывал Лафите о своей родине. Факт, что Швейцария самая богатая страна для неё был, чуть ли не пустой звук. Лафита не имела материальных ценностей и не гонялась за деньгами. Но немного истории в целях саморазвития она все-таки черпнула из непринужденного рассказа. Лафита знала, что европейцы завоеватели. Они вторгались на чужие земли, навязывали свои правила (как и в случае с её австралийской родиной). Но то, что с 1815 года Швейцария не принимала участия ни в одной войне, показалось Лафите неоспоримой гарантией богатства. И поскольку Канберра производила на Лафиту грандиозное впечатление красотой и неповторимыми пейзажами, она и подумать боялась какие же дома она увидит на улицах Люцерна, куда они непременно собирались вылететь в ближайшие дни.

Когда Аким Колеями замолчал, и Лафита перестала мечтать об очередном путешествии, она спросила об интересующем её вопросе:

— В Швейцарии тоже есть термальные источники с живительной водой?

Это ни капли не смутило Акима.

— Само собой, детка! Большую часть территории Швейцарии занимают Альпы – горы с множеством термальных источников. Например, в Лейкербаде 65 целебных источников и 30 термальных бассейнов⁹.

— Вот это да!? А я то наивная считала, что только горы Корунда хранят в себе секреты молодости и долголетия, – Лафита сложила губки бантиком.

Аким отложил в сторону опустевшую чашку, и протяжно продолжил:

— Не только, Лафита. Но не каждый способен разглядеть в воде источник молодости. Ведь если бы каждый человек поверил, что вода творит чудеса... Знаешь что бы было? Трудно даже представить!

⁹ Лейкербад – один из лучших минеральных курортов Европы.

В 1501 году Кардинал Съона и поклонник термализма покупает права на несколько горячих источников и начинает строительство великолепного гостиничного двора с банями и минеральными водами.

Вплоть до XVIII века частые горные лавины периодически разрушали разные части города, но он отстраивался заново.

К концу XIX века — началу XX века туристическая инфраструктура развивается быстрыми темпами (дороги, железнодорожное сообщение, отели). С появлением первого механического подъёмника, станция становится местом зимнего горнолыжного отдыха.

Среди известных личностей посетивших курорт можно упомянуть Гёте, Марк Твена, Мопассана.

— Все бы ринулись купаться? – предположила она, уже не в первый раз сталкиваясь с подобной дилеммой.

— И не только купаться!

— Но если и так многие уже знают о целебных свойствах, почему до сих пор ученые не сделали открытие для всего мира? Почему не доказали, что человек может жить и 300 лет?

— 300 лет живут только избранные, – как отрезал Аким.

— Но это несправедливо по отношению к другим...

— Возможно, ты и права, но разглашать подобные сведения небезопасно. Во всяком случае, я бы не хотел, чтобы всем стало известно, что мне уже за 150, – он опустил очки и внимательно посмотрел перед собой. – А если судить по твоей коже, Лафита, я бы сказал тебе лет 17-цать! Это, безусловно, говорит, что источник в Голубых горах гораздо эффективнее любого из тех, где мне приходилось отдыхать и запасаться минеральной водой.

— Но вы ведь и не с рождения пользовались дарами природы, как я?

— Да. Ровным счетом с 30-ти лет! И все благодаря Венере. Мы однажды поехали с ней в Лейкербад. Она была слаба после несчастного случая, и я хотел оздоровить её. Так вот, мы гуляли по Термальному каньону. Если бы ты знала как там красиво! Альпийские луга, стада коров! – отвлекся он, живо описывая красоты гор. – И там по скале разливался журчащий водопад. После купания в той воде я сразу почувствовал необыкновенную бодрость

и прилив сил. А Венера вспомнила тогда нечто важное, и сказала мне, что вода — это жизнь. Постепенно к ней возвращалась память, но вспомнить все ей так и не удалось. Но с тех пор мы раз в месяц на выходные ездим в Альпы. И вот уже сколько лет, а все еще живы!

— Нет, все-таки мы с Ираклием расскажем об чудодейственных свойствах источников! Каждый человек имеет право жить долго и чувствовать себя сильным и здоровым, молодым! Что немало важно, особенно для женщин — молодость! Не просто так же косметолог с неба свалился прямо мне под ноги (можно сказать!).

— Делайте, как считаете нужным. Только обо мне ни-ни! — оглянулся Аким, уловив приближение шагов Ираклия.

Лафита только открыла рот, чтобы что-то сказать, как остановилась на полуслове «Но...». Её взгляд пленил мужчина, вошедший в светлую богатую комнату. Он был неотразим: высокого роста, широкоплечий, в элегантном костюме серого цвета, отливающим глянцевым блеском. Бордовая рубашка идеально подчеркивала здоровый цвет лица, гладкую выбритую кожу и губы, такие манящие и искужительные, что Лафита попросту ничего больше и не замечала.

Ираклий почувствовал, что произвел на девушку немалое впечатление, чего он, собственно говоря, и ожидал. Ведь если до этого времени он щеголял в недостойном для городского жителя виде, то теперь на нем был одет один из лучших костюмов, в котором можно с чувством высокого достоинства

показаться даже на виду требовательной публики. Ираклий, конечно, не собирался вести Лафиту ни на конференцию и вовсе никуда, где можно было бы столкнуться с камерами назойливых репортеров, но в его планах была как минимум романтическая прогулка по ночной Канберре. И в этот вечер Ираклий хотел бы по казать Лафите, насколько жизнь в цивилизованном обществе отличается от её недавней рутины в лачуге без электричества и других удобств.

Почувствовав себя на момент неловко под пристальным взглядом жгучих глаз, Ираклий коснулся еще влажных слегка выющихся волос и, убедившись, что с прической все нормально, подошел ближе:

— Я готов! Теперь твоя очередь искупаться, – он улыбнулся, протягивая Лафите руку. – Я наполнил для тебя ванну! Только без ароматной пены с запахом роз, как любят все девушки. Я добавил в воду немного мужского геля для душа. Но, надеюсь, тебе понравится.

Аким лукаво поднял бровь, но ничего не сказал, а Лафита вообще не понимала, о чем говорит Ираклий.

— А можно я не буду купаться? – покраснев, она опустила голову, и из-под лба хлопала длинными ресницами.

— Это не займет много времени, – Ираклий все же вынудил её последовать с ним в ванную комнату.

— Я боюсь... там столько всяких штук, – Лафита не решалась даже прикоснуться к дверной ручке.

— Лафита, – в его тоне промелькнули нотки восхищения, – в моих глазах ты самая красивая девушка, но позволь сделать тебя красивой и в глазах окружающих.

— Что? Нас кто-то окружает? – она посмотрела по сторонам, но никого так и не увидев, сделала удивленное лицо.

— Да, нет же. Здесь только ты и я! Я имел в виду, что хочу купить тебе новую одежду и обувь! – пояснил Ираклий. – Мы пойдем в бутик, ты примеришь несколько нарядов... но сначала нужно смыть с себя пот и пыль. Теперь понимаешь?

— Ах, вот что ты имел в виду? Ты боишься, что я могу не понравится кому-то из твоих знакомых? Ты стесняешься меня? – она надула губки в знак протеста.

— Нисколько! Но когда идут в магазин примерять одежду, нужно всего-навсего искупаться!

Ираклий подвел Лафиту к краю ванны и легонько поцеловал, наблюдая, как бегают её глаза по полочкам, кафелю и пузырям пены.

— Ничего не бойся. Я оставлю тебя одну. Ты разденешься, только полностью! В майке купаться не надо, как ты всегда делаешь! Вот полотенце, – он указал на него. – Насухо вытрешься и потом снова оденешь платье. И еще: волосы не мочи! Хорошо?

— Ну, если ты просишь не мочить – не буду.

Лафита, не стесняясь, подняла подол платья и стала раздеваться.

— Если что, кричи! – пошутил Ираклий, не предполагая, что что-то еще напугает Лафиту, и она на самом деле закричит.

Он закрыл дверь и направился в гостиную, где Аким Колеями от скуки начал читать один из томов по лазерной косметологии, где доктор медицинских наук Ираклий Дупель подробно описывает возможность «Оставаться красивым, молодым и здоровым».

— «Косметология – это сложная область современной медицины... Чтобы ликвидировать проблемы старения и добиться сияющей молодой кожи, нужно обратиться к профессиональной врачебной косметологии... Далеко не каждый косметолог пресловутого салона красоты сможет вернуть утраченную молодость самого большого органа – дермы...» Да... За последний век столько всего придумали! – Аким Колеями захлопнул книгу и поставил на место.

— Вы правы, наука не стоит на месте, – согласился Ираклий, присаживаясь в кресло. – Но как часто мы не замечаем привычных вещей? Подумать только – не нужно ничего изобретать, все уже придумано до нас! Минеральная вода! И все труды по дерматологии, физиотерапии, косметической химии и восстановительной медицины ничто по сравнению с ней!

— Да уж! От вас ученых можно ждать чего угодно! Еще недавно и профессии такой в помине не было – врач-косметолог. А теперь в каждой газете, каждом журнале, да чуть ли не на каждом столбе объявления висят: «Морщины? Вам срочно нужна помощь. Обращайтесь к нам!»

Ираклий громко рассмеялся над чудной интонацией, с которой было тонко подмечено, что

~~~~~

вопрос старения весьма актуален, и на этом можно неплохо заработать, открывая салоны, а еще лучше клиники мирового масштаба, что и хотел еще совсем недавно сделать сам Ираклий, предложив инновационный метод борьбы с морщинами.

— Вы собираетесь сделать из Лафиты подопытного кролика? — серьезно спросил Аким Колеями, пока они оставались наедине.

— В первую очередь, я хочу жениться на ней, — так же серьезно прозвучало в ответ.

Немного помолчав, Аким продолжил:

— Вы же ученый, и должны понимать, какая шумиха поднимется вокруг Лафиты. Вы действительно хотите этого?

Ираклий встал. Их взгляды наэлектризовано пересеклись. Они оба беспокоились о будущем Лафиты, и каждый желал ей добра. Но Ираклий, как доктор, отдавший поискам возможности бороться со старением более 15 лет, не мог упустить шанс заявить на весь мир, что и в 120 лет можно выглядеть на 17.

— Лафите ничего не будет угрожать, — решительно возразил он. — Я смогу защитить её от папарацци, и никому не позволю обидеть.

— Вижу, спорить с вами бесполезно, — довольно раздраженно заключил Аким. — Я лишь беспокоюсь, не навредят ли ваши опыты её здоровью?

— Опыты? Я только хотел бы доказать фактический возраст! И ничего более! — возразил Ираклий. — Это безболезненно! Нужно только взять кровь на анализ! Можно даже ограничиться кончиком волос!

— Ну, если так...

— Я лично проведу анализ ДНК клеток иммунной системы. И таким образом, с минимальной погрешностью определю истинный возраст. У науки появятся доказательства, что генетический потенциал продолжительности жизни составляет не 120 – 140 лет, как уже было доказано, а как минимум в 2 раза больше – около 300 лет!

— Может, вы и правы...

Аким изменился в лице, успокоившись, что профессор Ираклий не планирует проводить над Лафитой болезненные и небезопасные эксперименты.

— Идемте, я покажу вам комнату для гостей, – хозяин вежливо предложил гостю отдохнуть. – Мы с Лафитой собираемся пройтись по магазинам, а вы, наверное, устали с дороги. Почему бы вам не лечь пораньше спать?

Устроить променад втроем Ираклий не планировал, но оказалось, что господин Аким решительно хочет составить им компанию:

— Не хотелось бы мешать вам наслаждаться обществом друг друга, но мне только что в голову пришла замечательная идея «Не сходить ли нам поужинать в ресторан?! Дело в том, что мне не удастся уснуть на голодный желудок, – пояснил он. – А погулять вдвоем у вас еще появится возможность! И не раз, если вы уж точно решили связать свои судьбы!

— Пусть будет по-вашему, – сдался Ираклий, желая угодить почтенному человеку, – но сначала мы купим Лафите модное платье или костюм со строгой

~~~~~

юбкой и пиджаком, туфли, сумочку... и я хотел подарить духи! Ей ведь никто не оказывал подобных знаков внимания!

— Какой вы нетерпеливый! Мы еще даже не поели, а вы уже «духи»!

— Можете обращаться ко мне на «ты», мы ведь скоро станем родственниками.

Ираклий взглянул на часы. Прошло более 10 минут, как он оставил Лафиту в ванной, а она все еще не вышла.

— В таком случае, профессор Ираклий, давай дождемся нашу чистюлю и вперед! Кстати, что-то она не топчется в магазин за обновками?! Тебе не кажется?

— Я проверю, все ли у неё в порядке.

С беспокойством, отразившимся едва заметными складками на переносице, Ираклий покинул гостиную.

* * *

Лафита, сняв с себя всю одежду, как и просил Ираклий, осталась совершенно голая. Своё платье в цветочек она аккуратно повесила на металлический крючок. Длинную плотную шаль туда же, а про майку забыла, оставив её на полу.

Кончиком большого пальца Лафита коснулась белой пышной пены. На удивление, она оказалась легкой и такой мягкой, что тело проваливалось в воду без особого труда. И вода была не просто теплая, а горячая! Ноги сразу порозовели и, казалось, потяжелели. Вместо ожидаемой бодрости, чувство

усталости разморило. Словно после двух бессонных ночей, Лафита резко захотела прикрыть глаза хоть ненадолго. Что она и сделала. Приняв удобное положение в ванной, она прилегла. Но голове было некомфортно, и Лафита подложила объемное полотенце, наслаждаясь растекающимся теплом и ощутимым запахом лимонной свежести (или чего-то еще приятного и незнакомого). Подобного еще не бывало: в воображении будто мелькали картинки с изображениями высоких зеркальных домов, широких дорог, длинных верениц разноцветных автомобилей... Все будто сон проплывало перед опущенными глазами до тех пор пока в комнату не ворвался Ираклий с искаженным лицом.

— Лафита, — кричал он. — Ты почему не отвечала? Я уж думал ты...

Резко встрепенувшись, Лафита подскочила и стала разворачивать полотенце, чтобы прикрыться:

— Ты напугал меня, — призналась она. — Разве можно так неожиданно вбегать?

— Я не вбегал... Прости. Я стучал, спрашивал «как ты?», — Ираклий подал руку и помог ей выйти из ванны. — Неужели ты не слышала?

— Я задумалась.

Убедившись, что с Лафитой ничего страшного не случилось, Ираклий с облегчением выдохнул:

— Поторопись, а то все магазины закроются!

* * *

... В Канберре, как и во многих других крупных городах, с закатом солнца день не заканчивался. По

освещенным улицам все так же мчались автомобили, все куда-то спешили, что-то происходило. В сопровождении мужчин Лафита то и дело рассматривала яркие неоновые вывески, читала наружную рекламу и удивлялась энному количеству магазинов, заманивающих клиентов огромными витринами. Не обратить внимания на манекены в человеческий рост не смогла бы и любая горожанка (а большинство из них явные любительницы шопинга). А Лафита и подавно не позволила себе пройти мимо.

Когда в стеклянной витрине, занимающей целый угол улицы, она заметила изящных женщин в интересных нарядах, сначала приняла их за живых. Но стоило всмотреться в их лица, не имеющие выраженных черт, как сразу стало ясно, что это лишь игрушки – неодушевленные куклы в богатом убранстве. И глаз не хотелось отрывать! Лафита остановилась и вплотную подошла к неокрашенному чистому стеклу, отгораживающему прохожих от изящных фигур, застывших, словно по волшебству. Она уперлась ладонями с расставленными пальцами в прозрачную преграду и, наклонив голову набок, рассматривала бусы на одном из манекенов. Они были сине-бирюзовые, почти как и то ожерелье, что досталось Лафите от бабушки. Но Ираклий не дал возможности полюбоваться сполна витриной, и повел её за руку к стеклянным дверям.

В бежевых тонах интерьера, среди практически пустого торгового зала (в том плане, что из посетителей больше никого не было) царило единство красоты и моды. Для Лафиты каждый шаг

по гладким лакированным квадратам керамических плит давался нелегко. С каждой секундой волнение внутри нее нарастало. Она сжимала кулачки так сильно, что белели костяшки суставов под тонкой нежной кожей. Глаза разбегались. А когда к ним подошла девушка с короткой стрижкой и неестественно пухлыми масляными губами и спросила «Я могу вам чем-то помочь?», Лафита вцепилась обеими руками в Ираклия, а сама уже подумывала, как бы сбежать отсюда незамеченной. Но Ираклий лишь погладил её по ладоням, прошептал «успокойся» и уверенным голосом ответил губастой мисс:

— Не могли бы вы подобрать для вот этой очаровательной девушки что-то нежное и романтическое?!

В результате, после его слов на Лафиту обрушилась лавина взглядов. Администратор молчаливо вертела головой, водила глазами, поднимала и опускала брови, сжимала губы в трубочку и тяжело вздыхала. Под пристальным вниманием Лафита сжалась, опасаясь услышать оскорбления в адрес своей внешности. Но этого не произошло.

— Я думаю, вам подойдет платье с плиссированной юбкой макси кремового оттенка с размытыми крупными цветами. Или что-то нежно-розовое. Обязательно с волнительными оборками, резными кружевами и стразами! Идемте, я вам покажу, — произнесла она решительно, сверкнув серыми холодными глазами.

— Идемте, – Ираклий повел Лафиту за администратором.

На стеллажи и вешалки с высокого потолка с объемными элементами графической декорации падало больше чем достаточно света. В дальнем углу стояли манекены в длинных платьях из летящих тканей. Лафите эти модели шикарных нарядов сразу показались знакомыми. Почти такие же она видела в одной очень старой бабушкиной книге о французских художниках. Пребывая в замешательстве и все еще с силой сжимая руку Ираклия, Лафита закусилла нижнюю губу, не решаясь даже прикоснуться к понравившемуся ей платью.

— Лиловый цвет вам будет к лицу, – звонкий голос девушки вернул Лафиту в реальность. – Не желаете примерить?

Лафита вопросительно подняла глаза на Ираклия и, уловив одобрение, нерешительно согласилась, произнеся невнятное «да».

Аким Колеями бегло пробежался по наряду, и хоть он и не являлся знатоком тенденций моды, но платье счел весьма элегантным. Он занял удобное положение в кожаном кресле и, закинув ногу на ногу, нетерпеливо ожидал перевоплощения скромной Лафиты в эффектную и броскую модницу.

Лафита же боялась новшеств, и когда вошла в примерочную учащенно дышала, будто ей не хватало свежего воздуха, хотя помещение элитного бутика, безусловно, хорошо проветривалось. Большие губы администратора шептали что-то ободрительное, мол «в этом наряде и серая мышка почувствует себя павлином», но Лафита пропускала все мимо ушей. А

будь она в обыденной обстановке, то непременно уловила бы, что та имела в виду.

Сконцентрироваться на деталях платья никак не удавалось. В большом зеркале Лафита видела себя всю: с головы и до кончиков старой обуви. Она ощущала приятную мягкость атласа, шершавые более плотные вставки хлопка. Лиловый цвет притягивал взгляд к многосторонним сочетаниям красного заката и безмятежного голубого рассвета, но разглядеть все до мельчайших составляющих Лафита смогла лишь в большом зале, где Ираклий и Аким Колеями встретили её с приоткрытыми от удивления ртами и приподнятыми бровями.

Медленно, словно белая лебедь по синему пруду, Лафита в лиловом платье плыла по лакированному светлому полу. На разлетающейся легкой юбке, будто ветром качались лепестки нереальных цветов, кружевные черные ленты обрамляли подол и манжеты, талия была виртуозно подчеркнута широким поясом, а острый вырез не скрывал сексуальную ложбинку между грудей. Не вписывались в новый роскошный образ только выцветшая шаль, скрывающая волосы и старомодные потертые туфли.

Ираклий не устоял, чтобы не подойти ближе:

— У меня нет слов... Ты восхитительна! — сказал он, взяв ее за руки, и приподнял их немного, чтобы ничего не мешало любоваться стройным телом. — Это платье смотрится на тебе по-королевски! А эти цвета нежных фиалок и спелых баклажанов! Мой сиреневый ангел! — сорвалось с улыбающихся губ.

— Г-г, – администратор развернул ценник, болтающийся на бирке, – 1299 AUD (австралийский доллар).

Не обратив внимания на названную цену, Ираклий попросил показать Лафите шаль, туфли, сумочку, колготки и нижнее белье. И если Лафита и пыталась воспротивиться, экономив чужие средства, то губастая девица, облизываясь, предлагала все самое дорогое, что было в бутике. В итоге Ираклий распрощался с месячной зарплатой, не пожалев денег, чтогодились бы для осуществления недавней мечты (клиника лазерной медицины). Зато рядом с ним теперь был даже не ангел с сиреневыми крыльями, не богиня-искусительница, а девушка, способная затмить своей красотой любую фотомодел ь с обложек глянцевого журналов. Для Ираклия она была сомо й лучшей!

— Королева гор Корунда! – прошептал он ей на ушко, когда они вдвоем вышли с парфюмерного магазина.

Аким Колеями недово льно ворчал, что из-за их набегов на магазины он заработает гастрит желудка. Но все-таки он и сам был счастлив видеть, как преобразилась Лафита, как горят её глаза, насколько она похорошела, и как гордо задирает нос профессор, когда им вслед оборачиваются мужчины, провожая взглядом девушку в лиловом облаке, пахнущую сладкими ароматами востока. «А ведь и нестандартные пропорции лица сгладились благодаря удачному покрою платья!» – подумал Аким, покосившись на её продолговатый нос.

Лафита не знала, как это чувствовать себя натянутой как струна, но в тот вечер именно так себя и ощущала. За каждым шагом приходилось следить, в новой обуви было жутко неудобно, да к тому же тонкий каблук доставлял массу неприятностей. Пару раз она едва не подвернула ногу. И лишь благодаря Ираклию не упала прямо на тротуарную плитку, ведущую к освещенному ресторану. Но... столько положительных и восхищенных взглядов в её сторону исполнили третье желание Лафиты – почувствовать себя объектом обожаний.

* * *

Тем временем Роберт Дупель с образцами вод и грязи из источников Голубых гор поспешно покинул квартиру. Какой может быть футбол, когда назревают важные открытия? Он и не собирался бездельно отлеживаться на диване, но и афишировать намерение срочно провести исследования не хотел. Интерес раскрыть химические свойства живительной жидкости вынудил его пробираться в институт под покровом ночи. Как преступник Роберт лихо укрылся от камер видео наблюдения, и, обогнув парковочную зону, оказался во мраке густого сада. Благо у него был ключ от двери служебного входа, и не пришлось прибегать к взлому. Возможно, никто бы и не узнал о ночном визите профессора, заведующего кафедрой нервных болезней и генетики, если бы не одно непредусмотренное обстоятельство.

Когда Роберт поднялся к своему кабинету, освещая узкий длинный коридор карманным

фонариком, его внимание привлекло подозрительное шуршание за одной из дверей. Он замер и выключил фонарик. В полной темноте раздавались звуки, похожие на шелест плотной бумаги. Что бы это могло быть? Кто-то заворачивает что-то? Или просто перебирает чертежи? Может, крысы? Нет, – подумал Роберт, – этот шорох здесь неспроста. Затаившись, он постоял минуту. А потом шум прекратился, и стало тихо-тихо. Но из-под двери всего в полуметре от Роберта появилась узкая полоска приглушенного света. Стало быть, не один он решил воспользоваться служебным положением и проникнуть в институт ночью.

На той двери висела табличка «научно-исследовательская лаборатория» и, по сути, Роберт не столько хотел попасть в свой личный кабинет, сколько в эту комнату, где явно кто-то был. На полусогнутых он оказался напротив замочной скважины, и одним глазом попытался разглядеть, кого это нечистая сила притащила в лабораторию в самый неподходящий момент.

Кроме мрачных стен, заставленных колбами и пробирками, книгами и всевозможными научными работами молодых абитуриентов, Роберту не удалось увидеть ничего существенного. Но не полтергейст же зажег настольную лампу? И теперь Роберт не мог спокойно проследовать даже в свой кабинет, ведь «это нечто» тоже догадается, что в институте как минимум двое ночных визитеров. Поэтому он решительно постучал в дверь.

Снова зашелестела плотная бумага, скрипнула ножка стула, послышалось неразборчивое

шушуканье, и звонкий перепуганный голос к кому-то обратился «Кто это? Ты же говорил...». Значит, за стеной как минимум двое, – подумал Роберт, дернув за ручку. Дверь оказалась не заперта.

Войдя в лабораторию можно было ужаснуться. В ночное время она казалась зловещим местом, пристанищем стеклянных инструментов, толстых книг и пожелтевших рефератов. Огромные черные окна как зеркала отражали тусклый свет низко опущенного светильника, затерявшегося в хаотическом скоплении всякого хлама на небольшом прямоугольном столе. Роберт и подумать не мог, что найдется парочка сумасшедших, посчитавшая подобное местечко романтическим. И как оказалось, был неправ.

Юная особа, сидела на измятых обрывках рулонной бумаги для чертежей, взволновано прикрывая нагое тело серой мужской рубашкой. А худой пожилой мужчина, сутуло горбясь, так и застыл посреди комнаты с пустыми бокалами и полотенцем. Это был академик Харитон Лиям. Без привычного затертого костюма его было трудно узнать, но его скудная бороденка и большие круглые очки в черной оправе делали его узнаваемым даже в такой пикантной обстановке.

Роберт нахмурил брови и решительно сделал очередной шаг навстречу коллеге:

— Что вы себе позволяете? – прикрикнул он наигранно, поставив руки в боки.

На смущенном лице Харитона побагровели щеки, затрясся кончик жиденькой бороды, он обернулся к обескураженной девице, и так и не смог ничего

внятного сказать в своё оправдание. Но Роберту и не нужно было ничего объяснять. Ответ невольно сам вертелся на уме: профессор видимо принимал зачет у студентки. А поскольку он вел подготовку специалистов по неврологии, где большое внимание уделялось заболеваниям опорно-двигательного аппарата, то вероятно они проходили тему массажа на практике. Мысленно улыбнувшись своей смекалке, Роберт прищурил глаза и произнес «Чтобы через 5 минут духу вашего в лаборатории не было! Иначе об этом случае узнает не только ваша жена».

— Это не то что вы подумали, — наконец-то к Харитону вернулся дар речи, но Роберт его не стал слушать, и направился напрямик в свой кабинет.

... По крайней мере, это были не приведения. И довольно удачно избавившись от помехи, можно было смело подготовить необходимые реактивы для планируемых исследований образцов. Работы выдалось немало. Образца было три (если не считать грязи), но по каждому нужно было провести более 20-ти опытов, на что и ушла вся ночь. Лишь с первыми лучами утреннего солнца, Роберт закончил заполнять таблицы гидробиологических и микробиологических показателей, придя к ожидаемому выводу, что вода из источников Голубых гор является фитохимическим комплексом коллоидных минералов, а осадочные породы имели необыкновенную формулу. И самое главное, что те активные соединения непохожи ни на один современный минеральный состав, продаваемый в аптеках. О «минеральных водах» в пластиковых

бутылках Роберт и не вспоминал, их содержимое и в сравнение не шло с результатами его открытия.

Листая бланки с описанием лабораторной работы, Роберт говорил сам с собой, закинув ноги на край стола:

— Неудивительно, что Лафита в 120 лет выглядит как несовершеннолетняя. Ведь, как известно человеческий организм состоит на 70-80% из воды¹⁰. Даже в костной ткани её 22%, а в головном мозге и того более 83%, а в крови – 92 %. И от того какую воду вливать в себя, зависит и сколько лет ты проживешь, и как будешь выглядеть в старости.

Станция Катумба

Малиновый закат растворился над шумным водопадом. Последние лучи заходящего солнца еще касались далеких вершин, но уже сползала ночь: холодная, сырая и немножечко жутковатая. На черном небе ни звезды. Тьма. И только сверчки изредка наполняли атмосферу живыми звуками. Между темными силуэтами деревьев проплывали густые клубы тумана, земля была влажной, а местами

¹⁰ Роль воды для организма человека очень велика, хотя бы потому, что все метаболические процессы происходят в водной среде. Кровь, лимфа, межклеточная, внутриклеточная жидкость, слеза, слюна, пот, желудочный сок, сок поджелудочной железы, желчь, моча, кишечные выделения и выделения из половых и дыхательных путей — это всё вода с растворенными в ней веществами.

даже походила на болото, о чем и свидетельствовали редкие заросли камыша.

Дейк Ломан уже дважды обошел вокруг одинокой старой лачуги, никак не решаясь подойти ближе, чтобы постучать в кособокую дверь и хотя бы посмотреть, что из себя представляет та самая Матильда Хавьер. Он еще раз осмотрелся. На фоне размытых очертаний леса дом местной колдуньи казался убогим; черный кот лежал на бревне и точил когти, подняв хвост трубой; круглые камни, словно невысокий забор, отгораживали небольшой участок земли. Единственное что смущало и настораживало – резкий запах паленых перьев и зеленоватый дым, плавно выходящий из трубы.

Бросив окурок под ноги, Дейк услышал, как он погас, зашипев от влаги. По привычке вмяв его в землю, Дейк смело миновал ветвистое дерево, чьи огромные корни, словно змеи, ползли между кочками. Запах гари усиливался с каждым шагом, но все больше напоминал знакомые сладковатые ароматы конопли. Затянувшись, Дейк смело постучал костяшками пальцев в хлипкую дверь.

В мгновение ока кто-то бесшумно подошел со спины и положил ему на плечо ледяную руку с корявыми изогнутыми пальцами. Не успев сообразить, Дейк резко достал нож, и как только лезвие блеснуло в безлунной ночи, он разглядел ту, что стояла перед ним.

Очаровательной женщиной её трудно было бы назвать, даже с большой натяжкой. Горбатая седовласая старуха, да и только. Во мраке ночи она была серым пятном, загадочным образом, окутанным

затхлыми лохмотьями. Она бесстрашно тянула руки перед собой, ощупывая лицо, плечи и грудь Дейка. Он отшатнулся в сторону, не разрешая к себе прикасаться. Но старуха не прекращала водить кривыми стручками пальцев, шевеля ими, как пчела своими усиками.

— Зачем пожаловал? – прерывистый голос старухи напоминал козье бляенье.

— Да так прогуливался тут неподалёку, дай думаю зайду, навещу Матильду, – насмешливо бросил Дейк в ответ.

Дряхлая и слепая старуха да еще и с запахом марихуаны уже не вызывала опасения. Дейк убрал оружие, решив, что даже если она и набросится на него, желая потрогать всего своими ручищами, он сможет легко справиться с ней и без своего верного друга – раскладного ножа.

— Отойди от меня на полметра что ли, – продолжил Дейк, чувствуя, как будто что-то давит его.

Но Матильда и не думала отступать. Подняв правую руку и согнув пальцы еще сильнее так, как если бы она сжимала невидимый шар, она затряслась, бубня несвязные гортанные звуки.

— Прекрати дурачиться, – не стерпел Дейк и сам схватил её за руку, да так сильно, что почувствовал, как по жилам ведьмы кровь ходит.

Та встрепенулась, откинула голову назад, взъерошила белую гриву, как модель в рекламе шампуня, и звонким ровным голом произнесла:

— Сонант Бальтазар, поднять паруса! – и дико засмеялась, содрогаясь немощным телом.

— Что ты знаешь, проклятая ведьма? – не своим голосом заорал Дейк, чувствуя на этот раз, как закипает его кровь.

Он схватил Матильду за обмякшие плечи и встряхнул что было силы.

— Что я знаю? Так ты за этим пришел? – голос старухи стал прежним: прерывистым, как у козы. – Я знаю ВСЁ!

Дейк недоверчиво посмотрел на нее, прежде чем разжать цепкие пальцы.

— Хорошо, тогда нам есть о чем поговорить.

— Проходи, – Матильда указала на черный проем, отворив скрипучую дверь.

В помещении было темнее, чем снаружи. Слепой старухе, конечно же, не нужен свет, но Дейк чувствовал бы себя слепым котенком в пасти кровожадного монстра, если бы сразу последовал за ней. Поэтому он снял рюкзак, щелкнул защелками и достал мощный фонарик. Осветив пространство перед собой, он перешагнул порог. Старуха, насупив еле заметные редкие и бесцветные брови, все водила руками вокруг себя и тряслась как от нервного тика. Белые космы разлетались, оставляя на коричневых стенах черные тени, а колдунья будто входила в транс. Дейк не стал её останавливать и, разглядев табурет, присел около двери, так и оставив её приоткрытой. Для чего? В тот момент Дейк не знал, что и думать, а главное не догадывался, чем эта встреча закончится. Но он четко уловил, что от Матильды можно ожидать всего чего угодно, а возможно придется и убегать, как последнему трусу, испугавшемуся дряхлую старуху. И хоть нож всегда

был под рукой, Дейк подсознательно не хотел бы пускать его в ход. Убить ведьму – лишиться покоя на всю оставшуюся жизнь. Эта мысль мелькнула в его голове сразу после той, когда он подумал, что эта старуха самая настоящая ведьма.

Матильда остановилась. На ощупь, выставя вперед сухие длинные руки, приблизилась к стене и сорвала пучок травы, висевший до этого среди множества других сборов. Она молчала, но и без слов Дейку становилось все страшнее и страшнее. Он слышал, как его сердце ускоренно толкает кровь, чувствовал, как по венам бежит страх. Эти чувства были ему чужды. Одна часть его хотела бежать и никогда больше не видеть лица Матильды, другая – с интересом ожидала продолжения. «Откуда ведьма знает имя Сонант Бальтазар? А ведь она и на корабль намекнула. Неужели не все шаманы шарлатаны?»

Колдунья отделила от стеблей сухие листья, превратив их в порошок. На деревянной столешнице в неглубокой емкости образовалась треугольная насыпь в виде горки или пирамиды. Дейк терпеливо наблюдал за каждым жестом кривых жилистых кистей, и когда Матильда достала с ящика стола два небольших белых камня, он уже предвидел, что она собирается сделать. Так и произошло. Старуха чиркала камнями друг о друга до тех пор, пока яркие искры не подожгли её зелье. Трава начала тлеть, источая тот самый аромат паленых перьев. Но к удивлению Дейка это оказалась вовсе не конопля, хотя возможно эффект у этих растений схожий.

Голос Матильды вновь изменился. Стал чистым, даже приятным:

— Закрой дверь, если на самом деле хочешь знать что тебя связывает с Лафитой, внучкой скандально известной Руби Оливер.

Дейк беспрекословно подчинился еще до того, как услышал окончание предложения и осмыслил его.

— Лафита? Ты даже знаешь, зачем я пришел?

— Я же сказала: знаю ВСЁ!

Снова звонкий смех слетел с тонких губ старухи. Но на этот раз Дейк не смог его спокойно воспринять и закрыл уши ладонями, будто опасаясь, что от подобных колебаний его перепонки лопнут. Настолько громко и противно смеялась старая ведьма. Как только она умолкла и продолжила водить руками над дымящейся тарелкой, Дейк спросил:

— Откуда ты можешь всё знать?

— Не говори ни слова, пока я не закончу сеанс с духами моряков «Норфолк»¹¹, – прошипела она, закружившись юлой на месте.

Дейку оставалось только молчать и невольно самому вернуться далеко в прошлое:

Его отца звали Сонант Бальтазар¹². Он не был обычным человеком, потому что его матерью была никто иная как демонесса – проклятая темными

¹¹ Норфолк – название судна, отправившегося 7 октября 1798 года в экспедицию к берегам Австралии под командованием британского мореплавателя Мэтью Флиндерса (1774-1814).

¹² Бальтазар – латинизированная форма библейского вавилонского имени Валтасар (Бел-шарр-уцур). Валтасар – библейский персонаж, вавилонский царь, при котором Вавилон пал под натиском персов.

силами и отосланная в мир простых смертных отбывать наказание. Почти так же в Новый Южный Уэльс ссылались европейские осужденные, образовывая растущую колонию заключенных. Но если местные жители противились ввозу преступников, то о том, что Арабель – посланница из ада никто и никогда не догадывался.

Дейк был внуком демонессы. Именно она настояла, чтобы Сонант назвал своего сына Дэймоном. Дэймон Бальтазар и есть настоящее имя Дейка Ломана, сменившего за всю жизнь десятки имен и выдуманных фамилий. Он не считал себя посланником демонического мира и ни разу не сталкивался с бесами, но связь с Арабель не давала забыть о его предназначении – творить зло.

Сны, в которых главным действующим лицом была Арабель, сжигающая корабли одним только огненным взглядом, время от времени докучали Дейку. Особенно после пожара, в котором он чуть не погиб и остался живым только благодаря своему отцу – такому же моряку, каким был и дед Дейка, искусившийся необычной красотой демонессы в женском облики.

Арабель была красивой. Её мягкий сладкозвучный голос мог непринужденно заставить выполнить любой приказ, всякое безрассудство, и она умело пользовалась своими чарами. В памяти Дейка она осталась богиней в черном платье с изумительными глазами, сверкающими даже в ночи блеском золотого песка на солнце. Но знала ли Арабель о любви, испытывала ли нежность к людям, помимо своих потомков, в чьих жилах течет

дьявольская кровь? – этот вопрос неоднократно всплывал в сознании Дейка. И он подозревал, что истинной любви Арабель ни к кому не питала. Как и он.

Дейк с детства помнил, как в одночасье его отец Сонант Бальтазар мог измениться в лице. Иногда он сливался с толпой и казался обычным моряком, но чаще всего свирепый взгляд говорил (если не сказать – кричал) о его превосходстве. Сонант мог заставить любого замолчать, не произнося ни слова. Его боялись и уважали за храбрость. И кто его знает, чего люди боялись больше: желтого пламени в глазах или черной злобы в сердце.

Отец Дейку был примером для подражания. Стать таким же коварным наемником была мечтой подрастающего мальчугана, с раннего возраста побывавшего во всех уголках земного шара. Сонант менял историю, свергая правительства европейских держав, принимая участия в заговорах и других нечестных сделках. Он подчинялся только матери Арабель, желающей заслужить прощения темных сил своей жестокостью, направленной на все человечество. Дейк и предположить не мог, чем бы закончилось проклятие демонессы, если бы не служители церкви, изгнавшие Арабель вместе с сыном обратно в глубину ада. Распятием креста священники положили конец беспределу более века назад. Тогда в 1886 году с Дейком произошли большие перемены: Арабель на прощание вдохнула в него аромат вечности и слащаво сказала «Не забывай чему я тебя учила, внучок».

«Служить тому, кто больше платит; будь жестоким и безжалостным; не поддавайся человеческим чувствам любви и жалости; разбой, пиратство и разврат – извечные цели». По этим заповедям демонессы Дейк и жил всю свою жизнь. С годами он почти не изменился, если не брать во внимание последствия пожара, в результате которого ему сделали операцию по пересадке кожи. Но так он стал выглядеть даже симпатичнее с точки зрения женской половины человечества.

Дейк может, никогда бы и не обратился к колдунье, но слухи что Лафита долгожительница не могли проскочить мимо его ушей, ведь он и сам почти бессмертный (если только случайно не подорвется на mine или его не собьет какой-нибудь гонщик, как та старушка переехавшая Манфреда).

Размышления Дейка прервало неприятное блеянье Матильды. Она подбрасывала в воздух серый пепел и легкие частички от её порывистого голоса разлетались по слабо освещенной комнате, ложась на грязный пол.

— Дух Сонанта Бальтазара говорил со мной, – медленно сказала она, вдыхая расширенными ноздрями едкий запах, витающей в лачуге. – Перепуганные моряки «Норфолка» тоже поведали много интересного. Оказывается, их командир и сам побаивался твоего отца. Британцы! – возмутилась ведунья, бросив последнюю горсть пепла Дейку прямо в лицо.

Небрежно сдув золу, он потрусил дорожную куртку и, шуря глаза, молча продолжал слушать.

— Ты ищадие ада, Дэймон Бальтазар, —
утверждающе сказала Матильда.

От своего имени, произнесенного старой ведьмой
Дейк аж вздрогнул.

— Но до твоего отца и демонессы Арабель тебе,
ох, как далеко!

Двоякие чувства подкатили к его горлу комом.
Дейк недоверчиво разглядывал ведьму, так и не
поняв, каким силам она служит. Как она может знать
об Арабель?

— Ты тешишь себя надеждами пожизненной
безнаказанности за содеянное?! Ха! Глупо! Я бы на
твоем месте не была так самоуверенна, ибо ты
ответишь за все те убийства и грабежи, которые
совершил. И возмездие не заставит себя ждать
веками. Поверь мне! — смеющимся голосом говорила
ведунья, разводя руками дурмящее марево.

Дейку надоело дышать дымом, и он открыл
дверь:

— Гм, вообще-то меня не интересует, какой
слепая старуха видит мою дальнейшую жизнь. Но то,
что ты назвала имена, говорит само за себя. Теперь
же, расскажи о Лафите. Кто вдохнул в неё аромат
вечности? И почему она столь юно выглядит? — задал
он самый важный вопрос, присаживаясь обратно на
табурет.

— Неудивительно, что ты не знаешь, старый
развратник, — воскликнула Матильда козым
баритоном.

Дейк удивленно приподнял брови:

— А что я должен знать?

— Ну, как же? Лафита — твоя дочь!

Эти слова как раскат грома оглушили, и как молния пронзили мозг.

— Не может быть! Как та уродина может быть моей дочерью, если я уже 100 лет не был в Австралии?

— Если бы ты знал, сколько лет Лафите, то вопрос о времени отпал бы сам собой.

— Только не говори, что ей как раз 100 лет, потому что в это трудно поверить. Я видел её кожу... гладкую, как китайский шелк!

Матильда облизала верхнюю губу широким языком и несколько секунд помолчала, будто в замешательстве. А когда снова заговорила, вид у неё был уверенный и голос не дрожал, как прежде:

— Более 70-ти лет назад пресса сообщила всему миру, что на 257 году жизни умер один китаец. Вы поверите в это?

— Чушь, – резко опротестовал Дейк. – Хотя, если он был как-то связан с нечистыми силами...

Матильда продолжила так же резко, под статью Дейку:

— Доктор Ли¹³ родился на Тибете в 1677 году, а умер в 1933 году. Об этом случае писали в «Нью-Йорк Таймс», «Лондон Таймс», где всё это было подтверждено документами. Я думаю, для того чтобы жить долго, не обязательно заключать сделку с дьяволом. Достаточно вести здоровый образ жизни!

¹³ В 1933 году в некрологах Time Magazine и New York Times сообщалось о том, что на 257 году жизни умер Ли Чинг-Юн, который к этому времени уже схоронил 23 жены и воспитал 180 наследников.

— Вот как? Но меня совершенно не интересует китаец. Или у Лафиты китайские корни? – Дейк озадаченно ожидал ответа.

— Вовсе нет. Её мать, как и бабушка, являются коренными жителями Голубых гор. Они аборигены, так же как и я! А ты разве не помнишь Венеру? 120 лет назад она была стройной брюнеткой с длинными волосами. А ты со своими друзьями британцами и норвежцами как раз «изучали здесь быт», насилая местных женщин. Не помнишь?! – с издевкой спросила Матильда.

Дейк отчаянно пытался вспомнить, что делал 120 лет назад и был ли он в то время именно в Австралии, а не в Новой Зеландии или Тасмании. Это окончательно сбilo его с толку:

— То есть Лафите 120 лет? И я якобы её отец?

— Да! И её глаза так же горят огнем, как у Арабель, когда она злится, – хладнокровно ответила старуха.

В голосе Дейка послышалась чувство обиды:

— Так я не один такой?

— Такой? Долгожителей на планете немало. Особенно в Китае. Доктор Ли рассказывал о своем секрете долгой жизни так: «Береги свое сердце, сиди как черепаха, ходи бодро как голубь и спи как собака». А главное – уметь сохранять душевное спокойствие в любой ситуации, и долгая жизнь гарантирована.

— Да? А секрет Лафиты связан с моими генами или советами китайца? – враждебным тоном спросил Дейк.

— В Лафите мало от тебя. Их род очень древний, и их особенностью является то, что женщины рожают только один раз в жизни и непременно девочку. Секрет их долголетия прост, но открывать его я не имею права. Поэтому теперь ты должен уйти, ибо больше я не скажу ни слова.

Старуха изнеможенно осела на койку в углу комнаты и захрапела, издавая громкие отталкивающие звуки.

Дым выветрился. От проведенного сеанса остался лишь пепел и неприятный осадок на душе Дейка. Захлопнув за собой дверь, он медленно побрел к водопаду, пытаясь самому разобраться в своих чувствах. Он не мог понять, что же его тяготит, не давая чувствовать себя, как и прежде, не ущемленным и морально свободным человеком. Лафита? Скорее нет, чем да. Отцовство не могло обременять Дейка. Он никогда не задумывался о детях, и вероятно по всей планете его отпрысков уже энное количество. Дейк так и не вспомнил никакую Венеру. Даже если и была такая, то её имя не имело никакого значения.

Шум журчащей водопада в сырую ночь охлаждал кипящие мысли так, словно раскаленное железо опускали в чан с холодной водой. Но находиться в безлюдном месте и без спиртного Дейк не захотел, как бы водопад не успокаивал, а лучшим средством для борьбы с грустью помешанной со злостью, он считал бар. Собрав остатки воли в кулак, Дейк направился напрямик к станции, где шоколадный халдей посетителям был рад в любое время суток.

Канберра

Раннее утро было без солнца. Едва порозовела полоска неба над высокими зеркальными зданиями, как Лафита проснулась, утопая в теплой и мягкой постели. Она в недоумении посмотрела на свой чуждый вид, не поднимаясь и даже не шевелясь. Диковинные предметы нижнего белья – кружевной бюстгальтер и трусики показались ей очень красивыми и роскошными. Но, оглядевшись, Лафита поняла, что спала не одна, а с Ираклием.

— Я спала с ним почти голая? – произнесла она вопросительно, спрашивая сама у себя. – Да уж!

Погладив его светлую макушку, Лафита вдруг резко дернула за край одеяла. Кровать была настолько большая, что вполне могла бы вместить и Акима Колеями. Его то и искала Лафита среди десятка подушек, двух одеял и плотного кофейного покрывала, чем и разбудила Ираклия.

Сонно потягиваясь, он обратил внимание на вытянутое от удивления лицо Лафиты и одним движением завалил обратно на еще не успевшее остыть ложе:

— Как спалось, ваше величество королева гор Корунда, а также моего влюбленного сердца по совместительству? – уголки его губ растянулись в улыбке и, так и не дав возможность сразу ответить, он поцеловал Лафиту коротеньким поцелуем.

— Ираклий, я что-то ничего не помню, – рассеянно пробормотала она. – А где Аким Колеями? Мы же вчера втроем... пили виски с кубиками льда, а потом...

— Аким в комнате для гостей. И вероятно еще спит, потому что еще рано. А вот на счет виски: зря ты меня вчера не послушала. У тебя, наверно, голова болит? Водички принести? — заботливо поинтересовался Ираклий, так как и сам бы не отказался от стаканчика с газированной водой.

— Нет, подожди. На мне вчера было красивое платье, — стала вспоминать Лафита. — Где же оно? — она приподнялась и стала осматривать комнату. — Я его не вижу...

— Вот поэтому в следующий раз, если захочешь выпить «веселящие» напитки, которые на утро стирают память, лучше пей вино и не смешивай с коктейлями и виски, как вчера.

Лафита сложила брови домиком и поднесла ладонь к губам:

— Стирают память?

— Да! Особенно девушкам, которые в первый раз их пробуют!

Ираклий не мог без улыбки наблюдать за её реакцией. Лафита хлопала ресницами и едва не начала грызть ногти от охватившего её волнения.

— Но все-таки где же я разделась? Или это не я? Ты меня раздел?

— Нет, но поверь, мне бы этого очень хотелось, — признался Ираклий, обнимая нежное упругое тело Лафиты под одеялом.

— Нет? Тогда куда я подевала платье?

— Я думаю, оно где-то в гостиной. На кресле, например, — он ласково погладил её по волосам. — Вчера я хотел лечь на диване, но ты запротестовала и сказала, что сама будешь там спать. И я пошел сюда

— в спальню. Один! А в 3 ночи ты уже лежала со мной под одеялом! И без платья!

— О? Неужели? — Лафита с виноватым видом накрутила локон на указательный палец.

Голубые глаза профессора, устремившиеся на неё, были чисты и ни тени обиды или разочарования в них не отражалось — только восхищение и радость. И этот соблазнительный взгляд подвиг бы Лафиту на необдуманные действия, если бы широко не распахнулась дверь, и Аким Колеями в полосатом халате не потревожил бы их предложением «Как на счет позавтракать, голубки?»

Прежде чем они втроем собрались за круглым прозрачным столом из толстого стекла, Ираклий сходил в магазин через дорогу (за одно и выгулял своего Пуфика), купил разных вкусностей и сам же приготовил завтрак. Это был омлет из яйца страуса-эму, жареный бекон, бутерброды с ветчиной и сыром, фрукты, свежие булочки, посыпанные кунжутом и черный чай с лимоном.

— Да ты «настоящая хозяйка»! — подметил Аким, наслаждаясь аппетитным запахом. — Тебе и жениться ни к чему!

— А разве нужно жениться только для того чтобы на кухне была хозяйка? Я ждал настоящую любовь! И вот дождался!

Лафита густо покраснела, пряча глаза. Аким же со спокойным лицом положил себе на тарелку пару кусков бекона, омлет, и лишь протяжным «у» выразил восхищение то ли завтраком, то ли словами Ираклия.

Аппетит у Акима оказался зверским. Ираклий и Лафита удивленно переглядывались, вяло доедая небольшие порции, прежде чем приступить к десерту.

— Г-г, – прокашлял Аким, наливая чай. – Я тут подумал: нам нужно съездить в салон красоты, – он окинул Лафиту оценивающим взглядом, – нужно ведь сделать фото на паспорт.

— А что со мной будут делать в салоне? – взволнованно прошептала она.

— Ну, я не знаю, – стал объяснять Аким, – всякие женские штучки: волосы приведут в порядок, брови выщиплют...

Лафита чуть не подавилась долькой апельсина:

— Что? Брови? Я не хочу в салон!

Ираклий рассмеялся:

— Не бойся! Все женщины делают это!

— Да ну? Что-то я вчера не встретила ни одной женщины без бровей!

— Ты просто не обратила внимания, – продолжил Аким, – тем более они не выщипывают полностью все брови...

— Только одну? Или частично?

— Нет же! Всего несколько волосинок, чтобы откорректировать форму брови!

— А! Ну, тогда я как-нибудь переживу эту потерю. А трогать волосы я не разрешу, я подстригалась совсем недавно – в позапрошлом году, по-моему.

Аким отложил ненадолго надкусанную булочку:

— Парикмахер вымоет волосы шампунем, высушит феном с применением круглой щетки, сделает красивую укладку и все!

— Похоже, вы лучше знаете что делать. Пусть будет, как вы говорите: салон — так салон, — согласилась Лафита, вернувшись в поеданию сочных фруктов.

Вскоре в гостиной что-то зазвенело.

— Извините, мне нужно ответить на телефонный звонок, — Ираклий поспешно вытер губы и удалился из кухни.

Когда он вернулся, Лафита и Аким стояли вдвоем возле раковины и мыли посуду, что немного позабавило Ираклия. Наблюдать, как Лафита осваивается в современных условиях, ему доставляло несказанное удовольствие.

— Давайте, я закончу, а вы собирайтесь. Я отвезу вас в салон красоты, а сам отлучусь буквально на час. Только что звонил Роберт. Он хочет поговорить со мной, и уже ждет меня в институте, — пояснил Ираклий, принимаясь протирать тарелки сухим полотенцем.

Возражений не было. И уже скоро Лафита вертелась в парикмахерском кресле перед огромным зеркалом и наблюдала, как руки мастера заплетают ее волосы в косу, а на кончиках создают завитки при помощи горячих щипцов.

* * *

Роберт все еще пересматривал результаты экспертизы, как дверь распахнулась и на пороге появилась сутулая фигура академика Харитона Лиям.

— Вы что себе позволяете? Почему без стука? — Роберт сразу же отложил в сторону бумаги, накрыв их толстой папкой.

— Я постучал, — еле слышно произнес тот, переминаясь с ноги на ногу, как провинившийся школьник. — Я осмелюсь просить вас, не разглашать то, что вы вчера видели. Понимаете...

— Присаживайтесь, Харитон, — Роберт указал ему на стул. — И не нужно мямлить, будто чувство голода отобрало последние силы. Вы же академик!

— Да, простите. Надеюсь, ночной инцидент не станет достоянием всего института? — более твердым и решительным голосом спросил Харитон, все еще учашенно моргая.

— Я никому и не собирался рассказывать эту, несомненно, трогательную историю. Но позвольте вас предупредить, что шуры-муры со студентками еще никого до добра не доводили.

— Это не то, о чем вы подумали. У нас взаимные чувства! Я, кажется, влюбился впервые в жизни!

— Впервые? В это трудно поверить.

— Но это именно так.

— Даже если у вас и любовь, неужели вы не нашли места романтичнее, чем лаборатория? Тем более пробраться ночью в закрытое учреждение — это ведь незаконно.

— Но ведь и вы были здесь в нерабочее время, — наметнул Харитон, делая умное и серьезное лицо.

— Я в отличие от вас не приводил сюда студентку и не репетировал с ней постельные сцены на бумаге для чертежей, — Роберт закинул ногу на ногу с довольным видом, что нашел, чем задеть академика.

— О! Советую попробовать! Шуршание бумаги возбуждает...

Не желая слушать, Роберт прервал собеседника:

— Если у вас все, можете быть свободны. Посвящать меня в подробности, нет надобности.

Харитон прищурился, но не встал, чтобы уйти:

— Я осмелюсь задать вам один вопрос: А что вы забыли ночью в институте? Я полагал, вы в Катумба разыскиваете своего племянника, а оказывается...

— Я его уже нашел, — Роберт снова не дал договорить надоедливому академику.

— А что за бумаги вы прячете под этой папкой? — Харитон ловко вытянул спрятанные таблицы с формулами и химическими свойствами элементов.

Роберт не успел помешать ему:

— Это не ваше дело. Отдайте сюда.

— Ого! Вы проводили экспертизу воды? Хотя это не просто вода...

Взбесившись от невиданной наглости, Роберт со злостью сжал кулаки:

— Харитон, покиньте, пожалуйста, мой кабинет.

— Простите, что лезу не в свое дело, но вы явно допустили ошибку в заполнении таблиц. Такого вещества в природе быть не может, и ни один

профессор, ни в одной лаборатории не сможет воссоздать подобное!

— Ничего не нужно создавать, все уже создано до нас!

— То есть...

Роберт услышал приближение шагов и тут же осознал, что это не его тайна и не ему её раскрывать.

В дверь постучали.

— Доброе утро, – поздоровался Ираклий, войдя в кабинет. – Дядюшка ты не один? – он недоверчиво посмотрел на худого пожилого мужчину в больших круглых очках в черной оправе.

— Харитон Лиям уже уходит, – Роберт (чуть ли не силком) поволок его к двери.

— Э, нет, я еще не уйду! Вы что-то замыслили? Что вы делали ночью в лаборатории? Почему это не могло подождать до утра?

Ираклий бросил изумленный взор, но промолчал, дав возможность Роберту объясниться.

— Харитон, я вас не узнаю в последнее время. Неужто любовь сыграла с вами злую шутку, превратив в еще большего зануду?

— Нет, это моя проницательность! Так над чем вы трудились всю ночь? Что за зелье на основе всей таблицы Менделеева?

— Хорошо, я скажу, – решил Роберт, понимая, что академик все равно не отстанет. – Итак, присаживайтесь. Ираклий, собственно я вызвал тебя, чтобы сообщить о результатах.

Ираклий покосился на настырного профессора со скудной трясущейся бородой, но, сделав вид, что его присутствие несколько не мешает, присел.

— Дело в том, Харитон, что в Голубых горах, где разбился самолет, на котором мой племянник возвращался в столицу, есть ручеек. Маленький такой! Бьет прямо из земли. Но вода в нем необыкновенная! Жизненная! Выпил глоток — взбодрился, выпил второй — зрение вернулось, выпил третий — помолодел на год! — Роберт активно жестикулировал, но рассказывал так, как детям — сказки.

Харитон неусидчиво заелозил на месте:

— Не может быть!

Ираклий еле сдерживал смех, наблюдая за ними.

— Так вот, — продолжил Роберт, — я ночью провел ряд экспертиз и выяснил, что та вода является фитохимическим комплексом коллоидных минералов. И самое главное, что те активные соединения непохожи ни на один минеральный состав, — это было сказано серьезным тоном и относилось в первую очередь к племяннику.

Ираклий решительно встал:

— Я не сомневался.

— Вы не шутите? — Харитон тоже подскочил, как ошпаренный. — Но ведь это грандиозное открытие! Только вот...

— Что? — Роберт недоброжелательно бросил взгляд навязчивому академику.

— Я бы не разглашал эту информацию в СМИ (средства массовой информации)!

— Почему же?

— Если источник этой ценной жидкости так мал, как вы говорите (ручеек), то со временем он возможно и вовсе иссякнет. А если учесть что ни

один ручей нельзя сравнить с речкой, а реку с морем, а море с океаном, то подумайте – что люди сделают с ручьем, если океан уже напоминает помойную яму.

— Я тоже думал об этом, – признался Роберт.

Ираклий переводил взгляд то с дядюшки на Харитона, то обратно:

— И как же нам поступить?

— А вы не думали арендовать и выкупить тот участок земли и, скажем, построить там завод минеральной воды! Можно будет пробурить скважину, и...

— Харитон Лиям, что бы мы без вас делали? – с сарказмом прервал его Роберт.

— Если что, я в доле, – уверенно заявил академик, поправляя очки средним пальцем.

— Как-то вы быстро все решили? – запротестовал Ираклий. – Этот вопрос мы еще окончательно не обговорили с Лафитой. Хотя идея завода неплоха, но можно и водолечебницу открыть...

— Так одно другому не мешает! У меня есть кое-какие сбережения, я могу сделать вклад в доброе дело! Вы ведь не откажите мне? – Харитон умоляюще смотрел в суровое лицо Роберта.

— Ираклий, надеюсь, ты не возражаешь? Он ведь не отстанет. До чего же люди бывают упертыми? – он недовольно сверкнул глазами.

— Хорошо, но займемся этим вопросом после того, как я вернусь со Швейцарии. И не вздумайте разболтать еще кому-то, – предупредил Ираклий, собираясь уходить.

Они закрепили договор дружескими рукопожатиями и разошлись каждый по своим делам:

Ираклий поехал в салон красоты за Лафитой и Акимом Колеями, Роберт отправился домой отсыпаться, прихватив таблицы с результатами, а Харитон Лиям пошел читать курс по морфологии нервной системы.

Катумба

Если Дейк знал, что следователь Валентин Эраст уже связался с австралийскими коллегами, его бы терзали совершенно иные мысли. Но вместо того, чтобы осмыслить слова Матильды о возмездии, он думал о секрете молодости Лафиты. Дейка не заботило чувство вины из-за того, что он приставил нож к горлу родной дочери и заставил отдать ему ожерелье. Он и не считал себя отцом. Однако после визита к старой ведьме Дейк начал путаться в мыслях и ощущать беспокойные шевеления в груди, будто тяжелый камень на тонкой веревке обрывался вниз, а потом подскакивал вверх и ударял по мышцам, заставляя сжиматься и разжиматься.

Остаток ночи Дейк провел в баре, снимая напряжение. Лишь утром, когда все посетители разошлись, оставив его наедине с грузом воспоминаний и обрывков протяжных фраз с козым акцентом, Дейк допил холодное пиво и вышел на свежий воздух мелкими шагами, с трудом отрывая ноги от пола. Он прищурился, пряча глаза рукой от ослепительного солнца, и хотел было прочитать на афише расписание поездов, как уловил на себе пристальное внимание группы мужчин в полицейских формах. Дейк смутился на мгновение:

«Почему это их трое, вместо одного дежурного, как обычно?» Но, как и говорила Матильда, он был уверен в своей безнаказанности. Поэтому без резких движений сменил направление, и относительно спокойно решил скрыться в обратном направлении. Но не тут-то было. Полицейские тем временем как раз рассматривали его фото-робот, и очевидные сходства вынудили их броситься вдогонку за предполагаемым преступником.

Дейк изо всех сил рванул в сторону, обогнул здание бара, за которым начинались горы и шумный водопад, и по каменистой дорожке побежал вверх. Оглядываясь через плечо, он видел, что преследователи довольно резво справляются с препятствиями в отличие от него. «Конечно, они же не провели всю ночь в баре» – Дейк пытался найти причину, по которой его тело отказывалось слушаться.

Ему вслед доносились угрозы:

— Остановись, или мы будем стрелять на поражение.

Полицейские явно запугивали, не собираясь применять оружие. Ведь они не были на 100% уверенны, что от них пытается сбежать безжалостный убийца и вор, а не какой-нибудь пьяный турист, совершивший максимум драку в баре. Но один из офицеров все-таки взял в руки служебный пистолет и выстрелил в воздух. Грохот, разразившийся у водопада, ввел Дейка в панику. Сразу же он вспомнил предупреждение Матильды: «Ты тешишь себя надеждами пожизненной безнаказанности за содеянное?! Ха! Глупо! Я бы на

твоем месте не была так самоуверенна, ибо ты ответишь за все те убийства и грабежи, которые совершил. И возмездие не заставит себя ждать веками. Поверь мне!» Её смеющийся козий голос оглушал, шум воды и осыпающихся камней нагнетали атмосферу, в которой пахло расплатой.

— Чертова ведьма! – заорал Дейк, взобравшись на склон.

Дальше он не смог бы подниматься. Слишком крутыми были скалы, а ему едва хватало сил, чтобы держаться на ногах. И пусть алкоголь от страха и паники почти выветрился, но трезво оценить свое положение Дейк уже не мог. На раздумья времени не оставалось, полицейские стремительно поднимались за ним, угрожая пистолетами. А в руках Дейка был только нож.

— Ну, подходите, – он манил их одной рукой, как сумасшедший, сверкая глазами и оголяя зубы в волчьем оскале. – Смелее, смелее! Что боитесь?! Вас же трое, а я один!

Дейк, не спуская с них глаз, отбросил рюкзак в сторону. Он раскачивал туловищем, широко расставив, согнутые в коленях, ноги, и приготовился к неравной битве, живым из которой он может и не выйти. Дейк понимал всю серьезность положения и впервые в жизни пожалел, что перебрал со спиртным. Иначе все бы сложилось иначе и ему удалось бы улизнуть незамеченным, не вызывая лишних подозрений. Но с другой стороны, – Дейк утешил себя, – тремя жертвами больше, тремя жертвами меньше... Ему не привыкать было лишать жизни

людей, и блюстители закона только разжигали в нем жажду крови.

Один из офицеров осмелился взойти на каменную площадку, напоминающую боксерский ринг, с двух сторон огражденный вертикальными откосами гор, а две другие стороны не имели даже ограничивающих веревок. За спиной Дейка немного поодаль стекали бурлящие потоки, образуя внизу небольшой водоем с массивными камнями, возвышающимися над водой. С опаской посмотрев вниз, офицер сглотнул накатившую на язык слюну и наставил оружие обеими руками в беглеца:

— Брось нож, – убедительным тоном заговорил он.

Дейк не шелохнулся, сверля взглядом молодого полицейского. Но, немного подумав, сделал вид, что готов сдаться. Он медленно стал опускать руку, ожидая подходящего момента, чтобы наброситься на наивного офицера. И когда тот расслабился, резко рванул к нему и схватил сзади, приставив к горлу нож. Алая кровь брызнула и окрасила лезвие ножа. Дейк выхватил из его обессиленных рук пистолет и метким выстрелом сбил с ног второго полицейского. Третий застыл на месте с искаженным от страха лицом. Вторая пуля, выпущенная Дейком, вошла ему в лоб.

— Ха-ха-ха! – истерический смех эхом разлетелся повсюду, привлекая внимание туристов, прогуливающих внизу по пейзажной местности.

Дейк стоял на краю обрыва с окровавленным ножом в одной руке и пистолетом в другой. Чувство безнаказанности таки было слаще наркотического

опьянения. Дейк в очередной раз убедился, что его ничто не способно остановить, и возмездие, предсказанному ведьмой, не суждено осуществиться.

На этот раз самоуверенность сыграла с Дейком злую шутку. Второй офицер, захлебываясь собственной кровью, полз по каменистой дорожке вверх, сжимая липкой рукой табельный револьвер. Из последних сил он нажал на курок, отчаянно целясь в голову. Пуля, рассекая воздух, молниеносно пронзила плечо, и Дейк, потеряв равновесие, камнем упал с горы.

Падая, он слышал блеянье старухи «И возмездие не заставит себя ждать».

В ту минуту, когда Дейк Ломан издал последний вздох, Венера Барбет содрогнулась от болезненного спазма в голове. Она будто телепортировалась в прошлое и видела со стороны мужчину в модных джинсах с кожаным лейблом, сталкивающего её с обрыва скалы.

— О Боже! — вскрикнула она. — Теперь я вспомнила! Его звали Дэймон Бальтазар. Этот моряк со своими дружками...

Венера закрыла лицо руками и горько заплакала.

Швейцария

Ираклий зачарованно наблюдал за Лафитой. В лиловом платье она была еще больше похожа на ангела, на тот вымышленный образ, что предстал перед ним во время их первой встречи. Блестящие не только от жизненной силы, но и от лака для фиксации прически, волосы подчеркивали её индивидуальность и нестандартные, но полюбившиеся черты лица. Она притягивала внимание окружающих неподражаемым шармом, искренней беззаботной улыбкой и, конечно же, молодостью.

Кончики пальцев с перламутровым маникюром зажимали первый паспорт, полученный буквально за 5 минут. Без связей Акима Колеями они бы еще находились в Канберре, а не покидали терминал аэропорта Вейкфилд-Вестгейт (Люцерн, Швейцария).

А так – паспорт был даже у серой любимицы Арники, повсюду бегающей за хозяйкой. Не повезло только Пуфику – его пришлось вновь оставить с соседкой Патрицией.

Внешне Лафита не проявляла беспокойства, но в глубине души она боялась встречи с матерью, которую ни разу в жизни даже не видела. Какая она?

Какой у нее голос, характер, привычки? – эти вопросы невольно всплывали с того момента, как Лафита поднялась на борт самолета. И чем ближе подходило время встречи, тем взволнованнее становился взгляд её выразительных черных глаз.

Вскоре желтый автомобиль с «шашечками» мчал их по широким улицам среди множества транспорта и пешеходов. Таксист жал на газ, приближая конечную остановку у ворот загородного дома Акима Колеями. Все так быстро произошло, что когда Лафита поняла, что вот-вот познакомится с мамой, задрожала, как осиновый листок. Лишь поддержка Ираклия немного уняла нахлынувшее беспокойство, и то ненадолго.

Венера Барбет, для которой сюрпризом не стало скорое возвращение мужа, так же как и Лафита, переживала, не зная, как и что ей сказать. После очередного телефонного звонка Акима, сообщившего, что самолет удачно совершил посадку, Венера лихорадочно выбежала во двор, дожидаться встречи с дочерью у ворот. Она настолько отдалась воспоминаниям и предвкушениям, что даже соседский дог, вновь испортивший газон у зеленой изгороди, остался незамеченным.

Еще не успело отъехать такси, как подвижная фигура хрупкой женщины с огненно рыжими волосами налетела на Лафиту с распростертыми объятиями:

— Доченька! Какая же ты красивая! – со слезами на глазах восхищалась Венера.

— Мама...

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая только женскими всхлипываниями, но Аким Колеями на правах хозяина гостеприимно пригласил всех пройти в дом. И они пошли.

Венера не отпускала руку Лафиты, будто боялась снова её потерять:

— Ты наверно считаешь меня плохой матерью? Да и какая я мать, если я не растила тебя... Но ты должна знать, что я люблю тебя! Что, как только я вспомнила о своем ребенке, сразу же стала искать... Но та деревня, где мы жили опустела лет 50 назад... — прерывисто рассказывала Венера, заводя дочь в дом.

Лафита, ничего не ответив, так как язык отказывался поворачиваться, уткнулась лицом ей в плечо и заплакала, обнимая впервые в жизни женщину, подарившую ей жизнь.

Аким знал, что нужно дать Венере возможность побыть наедине с дочерью, обретенной лишь спустя 120 долгих лет. Поэтому, оставив чемодан в гостиной, повел Ираклия на экскурсию по дому. А Венера, усадив дочь рядом с собой на диване, рассматривала её, изучала черты лица и искала сходства с предполагаемым отцом, и продолжала посвящать в историю их жестокой разлуки:

— Если бы ты знала, с каким трудом я вырисовывала в памяти штрихи того злополучного дня, когда едва не умерла после падения со скалы. Я как художник пыталась закончить полотно, но вместо четких линий я видела лишь тени, будто фрагменты мозаики, собрать которую никак не удавалось. Я терзала себя мыслями: «Зачем? Почему?» Но лишь

~~~~~

недавно я наконец-то разобралась и поняла, что же произошло на самом деле.

Венера вынула с кармана сапфировое ожерелье и протянула Лафите дрожащей рукой:

— Если бы не эти синие камни... Кто знает, встретились бы мы хоть однажды...

— Бабушкино ожерелье, – ласковым голосом произнесла Лафита, прикоснувшись к сапфирам.

— Оно твое!

Губы Венеры задрожали, а глаза наполнились слезами от одной только мысли, что если Лафиту удалось разыскать, то встретиться с Руби Оливер и попросить у неё прощенья уже никогда не удастся.

— Так что же произошло на самом деле? Аким Колеями сказал, вы потеряли память... А бабушка говорила, вы бросили нас и сбежали с каким-то моряком... – запинаясь, спросила Лафита.

— Она думала, я бросила вас? – с сожалением написанным на лице, переспросила Венера, и сама же дала ответ. – Ну, конечно, мама считала меня настолько влюбленной... Но ни из-за одного из мужчин я бы вас низачто не бросила. Разве можно оставить собственного ребенка ради мужчины? Я бы никогда так не поступила...

Лафита взяла её за руку:

— Я вам верю. И не обвиняю...

— Бабушка Руби не внушила тебе ненависти и презрения ко мне? – нерешительно спросила Венера.

— Она избегала подобных разговоров, но я чувствовала обиду в её голосе каждый раз, когда я поднимала эту тему.

— Я должна покаяться на её могиле. Пусть я не успела этого сделать, когда она была еще жива, но... мама должна знать, что я не собиралась ни с кем сбегать. В тот день, сразу после твоего рождения я действительно ушла из дома, пока никого не было. Никого... кроме розового комочка, завернутого в пеленку. Я надеялась скоро вернуться... Прости, что в тот момент не думала о тебе. Если бы я знала что не увижу тебя 120 лет, осталась бы в постели... Но я вихрем понеслась к станции Катумба, чтобы проститься с одним человеком, который вполне мог бы быть твоим отцом. Ты спросишь «Почему – мог бы?», да потому что я и сама не знаю кто твой отец...

Лафита изумленно моргала влажными ресницами, проникнувшись сопереживанием:

— Неужели такое возможно?

— К сожалению, да. В те далекие годы весь материк Австралии поддался насилию европейцев. Что говорить о беззащитных девушках со смазливymi лицами и стройными телами? – Венера махнула рукой, не желая даже говорить об этом, но, глубоко вздохнув, продолжила рассказ немного в другом направлении. – За мной ухаживал один моряк. Его звали Николс. Он изучал флору и фауну Голубых гор и близлежащих районов. Но, когда он узнал, что я беременная и что его же дружки неоднократно использовали моё тело для плотских утех, – естественно, стал меня избегать. Но перед твоим рождением я получила послание, что Николс ранен, а возможно и умирает, и зовет меня... И я побежала к нему... Николс умер у меня на руках со словами «Я любил тебя больше всех на свете».

Венера поднесла к носу платок и залилась слезами, а Лафита обняла её утешая.

— Не плачьте. Иначе я тоже сейчас заплачу.

— Позволь я закончу? Когда я уже хотела возвращаться в родную деревню, меня остановил один из британцев в джинсах. Это был Дэймон Бальтазар – злой и жестокий убийца. Его боялись все аборигены и ходили слухи, что даже капитан корабля, на котором они прибыли к южным землям, тоже не осмеливался ему перечить. Он то и сбросил меня со скалы, когда я воспротивилась его воле.

Венера пристально взглянула в черные глаза Лафиты и замолчала, сравнивая её черты лица с противной, наглой физиономией Дэймона. Лафита, безусловно, была женственной и изящной, но продолговатый нос и широкие скулы наталкивали на мысли о том, кто же на самом деле является ей отцом.

— Дэймон, – еле слышно прошептала Венера. – Твой биологический отец не скромный, порядочный Николс, а насильник Дэймон Бальтазар.

Лафита содрогнулась. Быть дочерью человека, причинившего её матери боль, ей хотелось меньше всего. Уж лучше бы она так и не узнала эту шокирующую подробность из прошлого Венеры, чем каждый раз, когда мать смотрит на неё, чувствовать себя напоминанием унижений и надругательств, выпавшим на долю матери по вине моряка-развратника.

— Кем бы ни был мой отец, это уже не так то и важно, – сказала Лафита, посмотрев на мать с жалостью.

— Я буду любить тебя, не смотря ни на что. И пусть ты вовсе не похожа на меня, но ты моя дочь! — Венера сжала её ладони, улыбаясь и плача одновременно. — Руби дала тебе замечательное имя! Лафита! Аким уже рассказал тебе о наших знатных корнях?! Мы потомки герцога Жана де Сильфа... а имя Дэймона Бальтазара давай не будем больше произносить вслух.

Лафита согласилась, но мысленно уже поставила себе цель — узнать как можно больше о Дэймоне Бальтазаре.

Эпилог

Подготовка к свадьбе плавно переросла в грандиозное событие в жизни Лафиты. А Венера наконец-то смогла проявить свою любовь и заботу, проводя с дочерью уйму времени, выбирая подвенечное платье и аксессуары.

Медовый месяц молодожены провели во Франции, путешествуя по знаменитым винным провинциям рода Бордо. Ираклий был по-настоящему счастлив и благодарен судьбе, что подарила ему шанс не только остаться живым после авиакатастрофы, но и стать мужем очаровательной скромницы, поделившей к тому же секретом молодости. Лафита, листая альбом со свадебными фотографиями, восхищалась девушкой в белом, будто бы то была модель-незнакомка с глянцевого журнала. А ведь еще недавно Лафита сомневалась, что однажды кто-то её полюбит и она расцветет нежным цветком от несказанной радости.

Адвокат Акима Колеями доказал невиновность Венеры Барбет в непреднамеренном убийстве пешехода. И, когда Ираклий и Лафита вернулись из романтического путешествия, они вчетвером улетели в Австралию. В Голубых горах заложили фундамент оздоровительно комплекса. Но прежде все силы были направлены на возрождение старой деревни. Первые дома заняли Аким с Венерой, Роберт, Харитон и Ираклий с Лафитой. А вскоре в деревне поселились и другие жители. Появился бар, магазин, заправка и асфальтированная дорога, по которой туристы полными автобусами приезжали провести отпуск в

горах, где можно было поправить здоровье и водными процедурами, и грязевыми ваннами. А если бы Лафита все-таки настояла на разглашении своей тайны, то маленькая деревенька стремительно бы переросла в большой город. А так: туристы были временными гостями, и только посвященные в историю о коллоидных минералах жили долго, очень долго... и еще живут.

В тайне от Венеры Лафита попросила Акима выяснить все, что можно о Дэймоне Бальтазаре, но кроме непохожих на правду повествований старой Матильды Хавьер никаких доказательств, что Дейк Ломан и Дэймон Бальтазар одно лицо не было. Возможно, это и к лучшему для Лафиты. Ведь лучше считать себя кровной герцогиней, чем правнучкой демонессы.

Конец